

Отголоски сказки обь Ерусланѣ.

Въ своей книгѣ „Восточные мотивы въ средне-вѣковомъ европейскомъ эпосѣ“¹⁾ я посвятилъ отдѣльную главу сказкѣ обь Ерусланѣ Лазаревичѣ. Изъ матеріаловъ, собранныхъ мною, я сдѣлалъ такіе выводы. Сказка эта была принесена къ намъ не изъ Ирана, а изъ орды; она возникла въ ордѣ и оттуда попала въ одной редакціи къ намъ, а въ другой въ Иринѣ. Зародыши ея кроются въ животномъ эпосѣ орды. Одинъ изъ такихъ зародышей я указалъ въ тюрко-монгольскихъ разсказахъ о лѣвѣ (арсланѣ), который старается узнать, кто сильнѣе, арсланъ, или человѣкъ. Въ болѣе древнихъ редакціяхъ вмѣсто лѣва, можетъ быть, стоялъ медвѣдь; сначала, подь именемъ арслана понимали, можетъ быть, медвѣдя, потомъ стали понимать лѣва, а затѣмъ арсланъ превратилось въ имя богатыря Арслана (въ русской сказкѣ Ерусланъ или Урусланъ, который нѣсколько разъ задаетъ вопросы, есть ли кто его сильнѣе, и отъ одного сильваго соперника переходитъ для состязанія къ другому).

Кромѣ этого мотива съ именемъ Арсланъ былъ соединенъ другой—бой отца съ сыномъ, сначала не узнающихъ другъ друга (или бой дяди съ племянникомъ, старшаго брата съ младшимъ). Этотъ мотивъ народная память сохранила въ дюрбютской сказкѣ обь Иринѣ-Сайнѣ; въ одномъ мѣстѣ сказки племянникъ напускается на Иринѣ-Сайна, не зная, что это его дядя; въ другомъ Иринѣ-Сайнъ вступаетъ въ бой съ своимъ старшимъ братомъ Арсланомъ, не узнавъ его; здѣсь народная память удержала и имя Арсланъ. Въ той же главѣ я указалъ на отголоски сказки обь Ерусланѣ въ монгольскихъ сказаніяхъ о Чингизъ-ханѣ. Для облегченія этихъ сближеній я переосмотрѣлъ нѣсколько русскихъ сказокъ, обь Иванѣ-Пономаревичѣ и друг., въ которыхъ замѣчаются еруслановскіе мотивы. Въ настоящей статьѣ я хочу занять еще четырьмя сказками, въ которыхъ также есть инциденты, сходные съ сказкой обь Ерусланѣ, тремя русскими: о Бурзѣ

¹⁾ Восточные мотивы въ средне-вѣковомъ европейскомъ эпосѣ, М. 1899, стр. 326—347.

Воловичъ, о царѣ Каприкѣ, и о Каролѣ и одной французской: Jean de l'Ours.

Сказка „Бурза Воловичъ“, записанная Колосовымъ въ с. Шалгѣ Каргопольск. у. ¹⁾, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе эпизоды съ мотивами изъ сказки объ Ерусланѣ:

1) Въ царствѣ родились три мальчика, которые, подросши, обнаруживаютъ необыкновенную силу; играя на улицѣ, кого хватить за руку — рука прочь, кого за ногу — нога прочь. Жители просятъ царя выслать богатырей изъ царства; царь отсылаетъ ихъ. Бурза Воловичъ не нашелъ себѣ въ царскихъ конюшняхъ подходящаго коня и уходитъ пѣшкомъ. Дорогой онъ встрѣчаетъ старуху; она направляетъ его къ дубу, подъ которымъ находится погребъ въ 40 саженой; въ томъ погребѣ стоитъ конь. Бурза Воловичъ вывелъ его изъ погреба и поѣхалъ на немъ дальше.

Этотъ эпизодъ соответствуетъ началу сказки объ Ерусланѣ. Ерусланъ также оказался неудобнымъ для населенія вследствие своей необычайной силы (кого возьметъ за руку, у того руку вырветъ, кого за ногу, тому ногу выломить ²⁾), и царь высылаетъ его въ пустыню по настоянію жителей. Подобно Бурзѣ Воловичу онъ находитъ себѣ коня уже на пути въ изгнаніе, но на мѣстѣ старухи въ сказкѣ объ Ерусланѣ стоитъ царскій пастухъ.

2) Далѣе каргопольская сказка рассказываетъ, какъ три брата ѣдутъ вмѣстѣ и видятъ „дубъ полунутрой, накиданъ человѣческихъ костей и лошадиныхъ“. Затѣмъ они встрѣчаютъ Издорище проклятое о трехъ головахъ. Бурза Воловичъ убиваетъ его; на другой день они наѣзжаютъ на два полунутрыхъ дуба съ человѣческими и лошадиными костями и Издорище съ шестью головами, на третій день три дуба и Издорище о девяти головахъ. Бурза Воловичъ убиваетъ и второго и третьяго Издорища. Пріѣзжаютъ братья въ городъ; оказалось, что царь обѣщалъ отдать дочь за того, кто убьетъ Издорищей. Бурза Воловичъ беретъ царевну и отдаетъ ее замужъ за старшаго своего брата Ивана Царевича.

Въ сказкѣ объ Ерусланѣ есть рассказъ о князѣ Иванѣ, русскомъ богатырѣ, который безуспѣшно бьется съ ратью Θεодулазмѣя, добиваясь получить въ замужество его дочь. Ерусланъ убиваетъ змѣя и выдаетъ его дочь за князя Ивана. Повидимому, каргопольскій рассказъ объ Издорищахъ есть иначе редактированный эпизодъ съ Θεодуломъ змѣемъ; князь Иванъ въ каргопольской сказкѣ явился подъ именемъ Иванъ-царевича, а Ерусланъ подъ видомъ Бурзы Воловича; въ сказкѣ объ Ерусланѣ родственныхъ отношеній между Ерусланомъ и княземъ Иваномъ не существуетъ; въ каргопольской сказкѣ ихъ замѣстители, Иванъ царевичъ и Бурза Воловичъ братья. Въ каргопольской сказкѣ три Издорища,

(¹) Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и слов. Акад. Наукъ, т. XVII, стр. 190.

(²) *Афанасьевъ*, Народн. русскія сказки, М. 1897 г., т. II, стр. 441.

въ сказкѣ объ Ерусланѣ на ихъ мѣстѣ одинъ Теоуль-змѣй, но и здѣсь, кажется, число три участвовало въ тектоникѣ сказки; Ерусланъ, прежде чѣмъ доѣхать до князя Ивана, минуетъ сначала одно поле съ побитою ратью, потомъ другое; въ своей книгѣ „Восточные мотивы“ я высказалъ предположеніе, что Ерусланъ проѣхалъ не двѣ, а три побитыя рати, одну на третьемъ шаломянѣ (горномъ перевалѣ), другую на шестомъ и третью на девятомъ. Въмѣсто побитыхъ ратей или вмѣсто полей съ костями въ каргопольской сказкѣ явились три калиновыхъ моста и при нихъ полунутрые дубы (сначала одинъ дубъ, потомъ два, потомъ три), закиданные человѣческими костями, а также и лошадиными, потому лошадиными, конечно, что рати были конныя.

3) Въ дальѣйшемъ разсказѣ Бурза Воловичъ видитъ богатырскіе слѣды, поѣхалъ по нимъ и догвалъ богатыря; стали биться сначала копьями, потомъ тесаками, потомъ палицами. Сбилъ Бурза Воловичъ противника съ лошади, уперся ему колѣнями въ грудь и спрашиваетъ, какого онъ рода, какого города, чей сынъ. „Побѣжденный богатырь отвѣчалъ ему такъ, какъ Сокольникъ Ильѣ Муромцу“. Оказалось, что это Василій Нянькинъ сынъ.

О рожденіи Бурзы Воловвча каргопольская сказка разсказываетъ: поймали шуку и изжарили, а кишки выбросили. Рыбу поѣли царица и нянька, а кишки съѣла корова. Всѣ трое забеременѣли и родили трехъ мальчиковъ; сына царицы называли Иванъ-царевичъ, сына няньки Василій Нянькинъ сынъ, а сына коровы Бурза Воловичъ. Слѣдовательно, Бурза если по матери и не братъ Ивану царевичу и Василю Нянькину сыну, то братъ по съѣденной шукѣ, и бой Бурзы Воловича и Василя есть поединокъ между двумя братьями. Это эпизодъ въ каргопольской сказкѣ, отвѣчающій разсказу о боѣ Уруслана Залазаревича съ своимъ сыномъ Урусланомъ Уруслановичемъ. Въ дюрбютской сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ это или разсказъ о боѣ Иринѣ-Сайна съ своимъ племянникомъ или разсказъ о боѣ съ братомъ Арсланомъ ²⁾. Здѣсь кстати замѣтить, что въ дюрбютской сказкѣ также три брата: Иринѣ-Сайнъ, Китынъ-Зеби и Китынъ-Арсланъ.

4) Бурза Воловичъ и Василій Нянькинъ сынъ ѣдутъ и видятъ, идетъ на нихъ облако; это идетъ на нихъ сила Бабы-яги. Богатыри перебили эту силу; сама Яга-баба ушла подъ *бѣлую плиту*, въ нижній свѣтъ. Василій спускаетъ Бурзу Воловвча въ нижній свѣтъ на ремнѣ; Бурза Воловичъ, спустившись, находитъ тамъ сначала дѣвицу, которая ткеть; бросить утокъ, выскочить богатырь; Бурза убилъ и богатыря и дѣвицу; потомъ онъ находитъ

¹⁾ Сказка упоминаетъ только третій и девятый шаломяны; я думаю, шестой пропущенъ. (Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейск. эпосѣ. М. 1899, стр. 305).

²⁾ См. Восточн. мотивы, 288, 290.

дѣвицу, которая вышиваетъ на пѣлахъ; взмахнетъ иглой, выскочитъ богатырь; Бурза убиваетъ и дѣвицу и богатыря; далѣе кузница и въ ней наковальня; взмахнетъ кузнецъ молотомъ, выскочитъ богатырь; Бурза убиваетъ и кузнеца и богатыря. Послѣ того Бурза Воловичъ приходитъ въ хрустальное царство, гдѣ живетъ сама Яга-баба; у ней находилась въ плѣну царская дочь, унесенная съ верхняго свѣта и посаженная на цѣпь. Бурза Воловичъ разбилъ цѣпи и убилъ Ягу-бабу; Василій Нянькинъ сынъ выталпилъ ихъ на ремнѣ на верхъ; Бурза Воловичъ отдалъ спасенную царевну за Михайла царевича, брата Марьи царевны, жены Ивана царевича.

Эта вставка опять напоминаетъ эпизодъ о Θεодулѣ-Змѣѣ, какъ и вставка, приведенная выше подъ № 2. Ерусланъ гонится за Θεодуломъ, Θεодулъ утекаетъ отъ него въ каменные городскіе ворота; тутъ Ерусланъ разсѣкаетъ его надвое, беретъ его дочь и отдаетъ замужъ за князя Ивана. Какъ въ сказкѣ объ Ерусланѣ, такъ и въ каргопольской сказкѣ главный герой убиваетъ свое существо, и найденную около него дѣвицу дѣлаетъ женой своего товарища; Θεодулъ-Змѣѣ въ каргопольской сказкѣ обратился въ Ягу-бабу, дочь его въ царевну-плѣнницу; Яга-баба скрывается въ отверстіе подъ бѣлой плитой; въ сказкѣ объ Ерусланѣ какъ будто на мѣстѣ бѣлой плиты каменные ворота, въ которыя утекаетъ Θεодулъ-Змѣѣ. Освобожденная царевна, выданная за Михайла царевича (который тутъ на мѣстѣ князя Ивана), замѣтитъ, что онъ не налюбуется на ея красоту, говоритъ ему: „Какая у меня красота, какая у меня лѣпоты! Вотъ у царя Ахрамея есть дочь Марья царевна,—то красавица!“ Бурза Воловичъ услышалъ эту рѣчь и побѣжалъ къ царю Ахрамею. Эпизодъ каргопольской сказки закончился совершенно такъ же, какъ эпизодъ о князѣ Иванѣ; князь Иванъ, только что женившійся на дочери Θεодула-Змѣѣ, задаетъ ей вопросъ, есть ли кто ея краше? на что та отвѣчаетъ, что краше ея двѣ дѣвицы, кочующія въ полѣ, и Ерусланъ, слышавшій эти рѣчи, ѣдетъ искать этихъ дѣвицъ. Въ каргопольской сказкѣ Бурза Воловичъ на пути къ хрустальному царству Яги-бабы встрѣчаетъ двухъ дѣвицъ, и обѣихъ убиваетъ. Это можетъ быть тѣ дѣвицы, которыхъ ѣдетъ искать Ерусланъ и которыя кочуютъ въ полѣ; Ерусланъ, подобно Бурзѣ Воловичу, убиваетъ ихъ; разница однако въ томъ, что въ каргопольской сказкѣ дѣвицы встрѣчены на пути къ Ягѣ-бабѣ, а Ерусланъ ѣдетъ искать ихъ послѣ того, какъ убилъ Θεодула-Змѣѣ, и кромѣ того Ерусланъ убиваетъ ихъ по другой причинѣ: онъ спрашиваетъ одну дѣвицу, потомъ другую, есть ли кто его сильнѣе, и обѣ отвѣчаютъ, что Ивашка, сгорожъ индѣйскаго царства, сильнѣе его; это показалось Еруслану обиднымъ, и онъ убиваетъ ихъ одну за другой; затѣмъ онъ спрашиваетъ третью дѣвицу, и та даетъ ему такой отвѣтъ, что онъ оставляетъ ее въ живыхъ. И здѣсь, какъ

въ каргопольской сказкѣ, число три завершено, только третій членъ совершенно въ иномъ родѣ; въ сказкѣ объ Ерусланѣ это третья дѣвица, въ каргопольской—кузнецъ.

б) Бурза Воловичъ перелетѣлъ черезъ непроходимыя топи въ царство Ахрамея на птицѣ Ногуѣ; царство было одержимо змѣемъ-людоедомъ, который ежедневно выходилъ изъ моря; люди стали уже кидать жребій, кому итти на съѣденіе къ змѣю; царь объявилъ, что отдастъ свою дочь за того, кто убьетъ змѣя; Бурза Воловичъ пошелъ за царевну ночь спать на берегъ; всколыхнулось море и вышелъ змѣй; Бурза Воловичъ сталъ бить его оловяннымъ прутомъ; змѣй сталъ просить пощады и пообѣщалъ богатырю драгоценный камень о сени стахъ ставкахъ, который дѣлаетъ человека невидимымъ. Бурза Воловичъ взялъ камень, змѣя все таки убилъ и женился на дочери царя Ахрамея.

Этотъ послѣдній эпизодъ каргопольской сказки почти вполнѣ совпадаетъ съ предпослѣднимъ эпизодомъ сказки объ Ерусланѣ. Въ списокѣ Ундольскаго дѣло происходитъ въ индѣйскомъ царствѣ, въ лубочномъ—въ царствѣ Вахрамея, въ которомъ нельзя не узнать каргопольскаго Ахрамея. Царство индѣйское или царство Вахрамея также одержимо змѣемъ, который скрывается въ озерѣ; по жребію очередь итти на съѣденіе пала на дочь царя, она уже отвезена на берегъ, Ерусланъ бьется съ змѣемъ, уходитъ съ нимъ на дно озера, убиваетъ змѣя и выходитъ изъ воды съ самоцѣннымъ камнемъ.

Далѣе въ сказкѣ объ Ерусланѣ идетъ рассказъ о его поѣздкѣ въ Солнечное царство, о женитьбѣ на Солнечной царницѣ и о поединкѣ съ сыномъ. Каргопольская сказка не знаетъ этого эпизода, но слѣдъ существованія его въ первоначальной редакціи сохранился въ рассказѣ о поединкѣ Бурзы Воловича съ братомъ Васильемъ Нинькинымъ сыномъ; поединокъ отца съ сыномъ здѣсь замѣненъ поединкомъ между братьями; тема эта изъ конца сказки перенесена въ середину ея, и лишена той обстановки, которую она могла бы удержать, если бы явилась на своемъ мѣстѣ, послѣ освобожденія обреченной змѣю царевны; вслѣдствіе такого переноса поединка въ другое мѣсто сказки, драгоценный камень, добытый Бурзой Воловичемъ на днѣ моря, явился въ сказкѣ праздною подробностью.

Не на своемъ мѣстѣ въ каргопольской сказкѣ также и Ногуѣ-птица. Въ сказкѣ объ Ерусланѣ, въ списокѣ Ундольскаго, птица Хохотунъ переноситъ Еруслана, но не въ царство индѣйское, которое въ этомъ списокѣ стоитъ на мѣстѣ царства Ахрамея, а въ царство Зеленаго царя Огненный Щитъ, рассказа о которомъ и о добываніи желчи изъ его печени въ каргопольской сказкѣ совсѣмъ вѣтъ.

Сдѣланное сравненіе каргопольской сказки съ сказкой объ Ерусланѣ убѣждаетъ, что это одна и та же сказка. Тутъ мы нахо-

димъ сходство и въ сюжетахъ отдѣльныхъ эпизодовъ (удаленіе богатыря изъ царства вслѣдствіе его невыносимой силы, умерщвленіе злого существа и отдача найденной подлѣ него дѣвицы замужъ за товарища, поединокъ съ близкимъ родственникомъ по недоразумѣнію, освобожденіе царевны, обреченной змѣю), и сходство въ деталяхъ (вопросъ, есть ли дѣвица еще краше, птица переносица богатыря на себѣ въ другое царство, драгоценный камень, отнятый у змѣя), и даже сходство въ послѣдовательности эпизодовъ, хотя и не полное, сходство только до нѣкоторой степени. Наконецъ мы находимъ тутъ и вѣкоторыя сходныя имена: Ахрамей въ каргопольской сказкѣ стоитъ на мѣстѣ Вахрамея, Иванъ-царевичъ на мѣстѣ князя Ивана; Ерусланъ явился подъ именемъ Бурзы Воловича. Если въ имени Бурзы откинуть инициалъ, то это имя близко подойдетъ къ первой половинѣ имени Ерусланъ (или Урус-ланъ, какъ въ спискѣ Ундольскаго). Второй членъ, Воловичъ, конечно, можетъ намекать на происхожденіе богатыря отъ коровы, но ему приличіе было бы называться „коровьимъ сыномъ“; Воловичъ не совсѣмъ основательно; зачатъ онъ отъ съѣденной щуки, слѣдовательно волъ не былъ его отцомъ. Въ виду такой сомнительности этого имени можно думать, что оно получило настоящій свой видъ только въ позднее время, что за нимъ скрывается другое имя арханческое и можетъ быть варварское ¹⁾.

Чтобы не нарушить цѣльности сравненія каргопольской сказки со сказкой объ Ерусланѣ, я при обзорѣ эпизодовъ каргопольской сказки нѣкоторыя детали опустилъ. Теперь я возвращаюсь къ первому ея эпизоду, чтобы изложить его въ его полнотѣ.

Сказка начинается разсказомъ о царѣ, который молить Бога о дарованіи ему дѣтой; во снѣ онъ получилъ указаніе, что онъ долженъ закинуть въ океанъ неводъ и, что поймаетъ, тѣмъ покормить царицу. Попалась щука; изжарили ее, и царица съѣла рыбу; часть рыбы съѣла нянька, а выброшенные кишки съѣла корова. Родилось три мальчика: Иванъ царевичъ, Василій Нянькинъ сынъ и Бурза Воловичъ. Такъ какъ зачатіе ихъ было отъ одной причины, то сказка называетъ ихъ братьями. Три брата ѣдутъ, добѣзжаютъ до калиноваго моста; тутъ они ночуютъ; ночью по мосту ѣдетъ Издорище трехголовое; Бурза Воловичъ выскакиваетъ изъ-подъ моста и убиваетъ его. На вторую ночь онъ тоже на мосту убиваетъ другое Издорище, на третью убиваетъ третье Издорище. Тому, кто убьетъ Издорищей, обѣщана Марья царевна. Бурза Воловичъ беретъ ее и женитъ на ней Ивана царевича. Марья царевна оказалась въ родѣ Брунигильды: это было поленица. Она положила ночью на Ивана царевича свою руку и едва его не задушила. На слѣдующую ночь вмѣсто Ивана царевича въ ея

¹⁾ Впрочемъ въ русской сказкѣ „Иванъ Быковичъ“ тоже сынъ не была, а родился у коровы отъ съѣденной ухи.

спальною идетъ Бурза Воловичъ и бьетъ ее сначала желѣзными прутьями, потомъ мѣдными, потомъ оловянными; царевна взмолилась, но когда Бурза Воловичъ пришелъ къ ней на другую ночь, она обрубила ему ноги, а мужа заставила коровъ пасти. Бурза Воловичъ подружился съ братомъ Марьи царевны, Михайломъ цавевичемъ, которому алая сестра обрубила руки и выколола глаза. Михайло царевичъ сталъ возить на себѣ Бурзу Воловича. Нашли богатыри колодезь съ живой водой, искупались въ его водѣ, и исцѣлились; напился воды, и у нихъ силы прибыло. Далѣе идетъ разсказъ о поединкѣ съ Василиемъ Нянькинымъ сыномъ, объ освобожденіи царевны, находившейся въ плѣну у Яги-бабы, и о царствѣ Ахрамея. Въ концѣ сказки сказано, что Бурза Воловичъ далъ Ивану царевичу живой воды, и онъ сталъ сильнѣе своей жены.

Въ этомъ эпизодѣ каргопольской сказки мы находимъ мотивы русской сказки „Буря-богатырь, коровій сынъ“¹⁾. Царица, кухарка и корова зачинаютъ отъ уха изъ щуки; рождаются царевичъ, кушаревичъ и Буря-богатырь, коровій сынъ. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о боѣ Бури-богатыря съ тремя змѣями на мосту въ то время, какъ братья спятъ. Далѣе идетъ разсказъ, которому нѣтъ ничего отвѣчающаго въ каргопольской сказкѣ, разсказъ о погонѣ за братьями змѣи, матери убитыхъ змѣевъ, и о кузницѣ, въ которую братья спасаются. За этимъ эпизодомъ опять начинается совпаденіе съ каргопольской сказкой. Буря богатырь ѣдетъ въ индѣйское царство добывать для царевича невѣсту, индѣйскую царевну. Царевна выходитъ за царевича, кладетъ на него руку и начинаетъ его душить; Буря-богатырь идетъ на мѣсто царевича и укрощаетъ царевну, подобно Бурзѣ Воловичу. Тотъ же сюжетъ въ русской сказкѣ о Никитѣ Колтомѣ, который помогаетъ царю жениться на Еленѣ прекрасной²⁾. Елена кладетъ руку на своего мужа и тотъ едва выноситъ ея тяжесть; Колтома замѣняетъ царя и укрощаетъ богатыршу; разобиженная Елена мститъ Колтомѣ и велитъ обрубить ему ноги, а мужа дѣлаетъ пастухомъ коровъ. Безногаго Никиту Колтому носить на себѣ Тимофей Колтома, его братъ, которому Елена приказала выколоть глаза. Баба-яга указала имъ колодезь съ живой водой, и богатыри исцѣлили одинъ свои глаза, другой ноги. У Колтомы была шапка-невидимка, которую онъ надѣваетъ, когда онъ долженъ былъ натянуть лукъ; судя по другому варіанту, лукъ долженъ былъ натянуть самъ царь, но въ дѣйствительности это дѣлаетъ его товарищъ, и шапка-невидимка должна была скрыть обманъ. Въ каргопольской сказкѣ нѣтъ шапки-невидимки, но въ послѣднемъ эпизодѣ о царствѣ Ахрамея

¹⁾ *Афанасьевъ*, т. I, № 76, стр. 154.

²⁾ *Афанасьевъ*. I, № 116, 6, стр. 343.

Бурза Воловичъ овладѣваетъ камнемъ - невидимкой, который однако ему ни къ чему не служить.

Такое же чудесное зачатіе, какъ въ каргопольской сказкѣ, и въ бѣлорусской у Шейна „Сучкинъ сынъ“¹⁾. Три брата зачаты отъ рыбной ухи; одинъ родился отъ царицы, другой отъ кухарки, третій отъ суки. Три брата поселяются въ пустой избѣ въ полѣ; каждый день въ избу приходитъ чудовище Самъ Скокыцъ, борода зъ локыць, а носъ съ сажень и избиваетъ сначала царевича, потомъ кухаркина сына, но отъ Сучкина сына чудовище само терпитъ побои и уходитъ въ подземный міръ; братья спускаютъ Сучкина сына въ подземелье, гдѣ онъ освобождаетъ трехъ царевенъ²⁾.

Эту сказку мы находимъ вставленной въ каргопольскую въ видѣ эпизода о Ягѣ-бабѣ, послѣдняя на мѣстѣ чудовища Самъ-Скокыца. Эти отношенія яснѣе выступаютъ при сравненіи каргопольской сказки съ малорусской о двухъ братьяхъ Иванѣ Сухобродзенко и Васильѣ Сухобродзенко. Иванъ занимаетъ мѣсто Еруслана и Бурзы Воловича, на мѣстѣ князя Ивана и можетъ-быть Василья Нянькина сына; Василь бьется семь лѣтъ съ бабой, которая здѣсь на мѣстѣ Θεодула змѣя; Иванъ Сухобродзенко наѣзжаетъ въ полѣ на Василя и сначала бьется съ нимъ (въ каргопольской сказкѣ это поединокъ Бурзы Воловича съ Васильемъ Нянькинымъ сыномъ); потомъ они братаются и ѣдутъ вмѣстѣ противъ бабы; баба утекаетъ въ нору. Иванъ спускается за ней на канатѣ убиваетъ бабу, выноситъ ея дочку на верхъ и отдаетъ за брата Василя. Жена Василя говоритъ ему, что ея сестра краше ея; Иванъ Сухобродзенко подслушалъ и ѣдетъ отыскивать ее³⁾.

Большое сходство приведенныхъ устныхъ сказокъ о дающей чадородіе ухѣ съ книжною объ Ерусланѣ вызываетъ вопросъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Каргопольская сказка о Бурзѣ Воловичѣ занимаетъ середину между сказкой объ Ерусланѣ и другими устными сказками, какъ напр. „Буря богатырь“, „Сучкинъ

¹⁾ Сборн. отд. словесн. Акад. наукъ, т. LVII, Спб., 1893, стр. 102.

²⁾ Тотъ же сюжетъ у Худякова, в. II: № 42, „Усыня“ (подземное чудовище назым. Усыня, самъ съ ногу, борода съ локоть, усы по земѣ тащатся; это—змѣй о 12 головахъ; изъ подземнаго царства Ивана царевича выносить баба птица, стр. 14), № 43 „Аринадъ царевичъ“ (вмѣсто подземелья—гора, куда царевичъ занесъ Вихоръ; царевичъ схватился за тросточку, которую держалъ Вихоръ и съ которою полетѣлъ подъ облака), № 45 „Иванъ Кобылицынъ сынъ“, и № 46 „Иванъ Кошкинъ, Иванъ Давидъ и Иванъ Царицынъ“; у Манжуры (Сказки, пословицы и т. п. запис. въ Екатеринос. и Харьк. губ., Харьковъ 1890 г.; помѣщ. во II томѣ Сборника Харьк. истор.-этнологич. Общества): „Марко Сучченко“ (стр. 24), „Иванъ Царевичъ та Иванъ Кухаревичъ“ (стр. 28), и „Кыріакъ, Кобылицынъ сынъ, Верыдубъ, Верыгора та Прутывусъ“ (стр. 43—45); Кыріакъ ухватился за дубъ, съ которымъ летѣлъ змѣй и тотъ такимъ образомъ вынесъ его изъ подземелья наверхъ.

³⁾ Чубинскій, II, № 80, стр. 308.

сынъ“ и „Сухобродзенко“. Она представляется составленною изъ этихъ сказокъ, и въ то же время эта комбинація очевъ напоминаетъ комбинацію Еруслава. И „Бурза Воловичъ“ и „Ерусланъ“ — своды изъ однихъ и техъ же сказокъ, и именно изъ трехъ сказокъ: 1) сказки о коровьемъ сынѣ, убивающемъ змѣя или трехъ змѣевъ и добывающемъ дѣвицу (Буря богатырь), 2) сказки о коровьемъ сынѣ, спускающемся въ подземный мѣръ и освобождающемъ царевну (Сучкинъ сынъ, монгольск. сказка о Масангѣ), и 3) о богатырѣ, освобождающемъ царевну, обреченную на съѣденіе. Въ „Бурзѣ Воловичѣ“ эпизоды еще сохранили ясныя черты сказокъ, отъ которыхъ они произошли; въ „Ерусланѣ“ эти черты болѣе стерты.

Такъ, безъ посредства „Бурзы Воловича“ трудно было бы догадаться, что эпизодъ о Θεодулѣ-змѣѣ въ Ерусланѣ имѣетъ отношеніе къ сказкѣ о коровьемъ сынѣ, спускавшемся въ подземный мѣръ. Послѣдовательность нужно установить такую: сначала отдѣльныя сказки, потомъ своды въ родѣ „Еруслана“ или „Бурзы Воловича“. Въ сказкахъ, послужившихъ матеріаломъ для этихъ сводовъ и сохранившихся еще въ устахъ народа, мы ясно замѣчаемъ тектоническую гармонію; въ сводѣ „Бурза-Воловичъ“ эта гармонія уже разрушается, а въ „Ерусланѣ“ ее еще менѣе замѣтно. Если вѣрно наше представленіе, что сказки: „Буря-богатырь“, „Сучкинъ сынъ“, „Сухобродзенко“ если не тѣ самыя сказки, изъ которыхъ построены своды „Ерусланъ“ и „Бурза Воловичъ“, то варианты тѣхъ сказокъ, — то въ сказкѣ объ Ерусланѣ нельзя будетъ видѣть заимствованіе отдѣльнаго памятника изъ какой-то чуждописьменности. Она приняла къ намъ вмѣстѣ съ цѣлымъ комплексомъ сказокъ и ихъ вариантовъ.

Въ другой сказкѣ „Царь Каприкъ“, записанной Колосовымъ тамъ же, ¹⁾ два эпизода изъ сказки объ Ерусланѣ: 1) поѣздка за средствомъ для исцѣленія отца и 2) освобожденіе обреченной змѣю дѣвицы. У царя Каприка три сына; младшій Иванъ-царевичъ. Царю захотѣлось помолодѣть; онъ посылаетъ старшаго сына къ Царю-дѣвицѣ за живой водой и „морозлявой“ яблоней (Колосовъ поправляетъ моложавой, молодящей). Сынъ ѣдетъ, встрѣчаетъ „огненное пламя“ и ложится тутъ спать. Ёдетъ второй сынъ, доѣзжаетъ до огненнаго пламени и не узнаетъ брата. Враждебное между ними столкновеніе; второй братъ вышибъ изъ сѣдла перваго; вопросъ о родѣ-племени. Оба брата ложатся спать у огненнаго пламени. Третій сынъ доѣзжаетъ до пламени и не узнаетъ братьевъ; бой между ними; младшій побѣждаетъ. Вопросъ объ имени. Отвѣтъ: когда-бъ... (и пр., какъ въ былинахъ). ²⁾ Иванъ-

¹⁾ Сборникъ отдѣленія русск. яз. и словесн. И. Академіи Наукъ, т. XVII, Спб. 1877, стр. 205.

²⁾ Такое краткое изложеніе сказки дано самимъ Колосовымъ.

царевичъ перескочилъ черезъ пламя. На той сторонѣ онъ встрѣчаетъ одну послѣ другой трехъ старухъ; одна даритъ ему щетку, другая кремень, третья ширинку, крышку масла и крестикъ. Далѣе онъ встрѣчаетъ заставы: кота-вахиря и богатыря въ шесть сажень высоты. Коту отдаетъ масло, богатырю крестикъ и получаетъ пропускъ. Доѣзжаетъ до Царь-дѣвицы, достаетъ живой воды и яблокъ, спитъ съ дѣвицей и отѣзжаетъ; Царь-дѣвица съ 33 дѣвицами-богатырями гонится за нимъ; онъ бросаетъ щетку, становится лѣсъ, брошенный кремень обращается въ каменную стѣну, ширинка въ огненную рѣку. Спасшись отъ погони, онъ ложится отдохнуть на берегу моря; братья кладутъ его спящаго въ осину и бросаютъ въ море. Осину прибило къ острову; здѣсь дочь царя обречена на съѣденіе змѣю. Иванъ-царевичъ засыпаетъ около нея, но когда змѣй вышелъ, пробуждается отъ горячей слезы царевны и убиваетъ змѣя. Слѣпой и безногій зарѣзали Ивана-царевича и выдали себя за спасителей царевны; царевна нашла тѣло убитаго царевича и подлѣ него живую воду и оживила его. Иванъ-царевичъ возвращается къ отцу и находитъ тамъ Царь-дѣвицу съ двумя сыновьями.

Ерусланъ въ этой сказкѣ выступаетъ подъ именемъ Иванъ-царевича, который, какъ и Бурза Воловичъ, имѣетъ двухъ старшихъ братьевъ. Эпизодъ о Царь-дѣвицѣ—это поѣздка Еруслана къ Зеленому царю, Огненный Щитъ-Пламенное Копье; живая вода и молодильныя яблоки, то есть средства противъ старости, на мѣстѣ желчи изъ печени царя Огненный Щитъ, которая возвращаетъ потухшее зрѣніе, т. е. служитъ противъ одной изъ немощей старости. Царь-дѣвица на мѣстѣ царя Огненный Щитъ; „огненное пламя“ каргопольской сказки, конечно, отголосокъ имени царя; Огненный Щитъ жжетъ своими лучами приближающихся къ нему; въ каргопольской сказкѣ Царь-дѣвицѣ такого свойства не приписано, но въ сходной смоленской сказкѣ объ Игрѣ,¹⁾ добывающемъ живую воду, Царь-дѣвица имѣетъ въ рукахъ щитъ, который жжетъ своими лучами. Въ каргопольской сказкѣ „огненное пламя“ явилось въ видѣ огражденія царства Царь-дѣвицы; богатыри доѣзжаютъ до него и далѣе, повидимому, ѣхать не рѣшаются, только Иванъ-царевичъ сумѣлъ перелетѣть черезъ него²⁾.

Ерусланъ на дорогѣ къ царю Огненный-Щитъ встрѣчаетъ стадо птицъ хохотуней, и одна изъ нихъ переноситъ его въ царство Огненнаго-Щита. Объ Иванъ-царевичѣ только глухо сказано, что онъ перелетѣлъ черезъ пламя, а на чемъ, на ковѣ или на птицѣ, не объяснено. Въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“ есть птица; Бурза

¹⁾ Добросовольскій, Смоленскій Сборникъ, Спб., 1891, ч. I, стр. 505.

²⁾ Жилище валькириі Брунигизды было окружено со всѣхъ сторонъ пламенемъ. Ковъ Гуннара (Гунтера) неидетъ. Сигурдъ принялъ видъ Гуннара и на ковѣ Грани промчался черезъ пламя.

летитъ на Ногуй-птицѣ, но этотъ мотивъ помѣщенъ не въ отвѣчающемъ эпизодѣ, а именно, онъ вставленъ въ поѣздку Бурзы въ царство Ахрамея, т. е. въ эпизодъ о царевнѣ, обреченной на съѣденіе змѣю. Связь этого мотива—летаніе на птицѣ или конѣ—со сказкой о заточенной царевнѣ пользуется большимъ распространеніемъ, и потому появленіе птицы, несущей богатыря, въ эпизодѣ объ обреченной змѣю царевнѣ имѣло столько же шансовъ, какъ и въ эпизодѣ о Царь-дѣвицѣ.

Въ смоленской сказкѣ живую воду привозитъ Игръ; у царя три сына, Игръ изъ нихъ младшій; они поочередно объѣзжаютъ царство, но объѣхать удается только младшему. Игръ совершаетъ объѣздъ на конѣ, котораго ему указалъ встрѣтившійся ему человекъ; Игръ самъ поймалъ коня, когда тотъ приближалъ къ криницѣ пить. Ловля коня описывается и во всѣхъ вариантахъ сказки объ Ерусланѣ; Ерусланъ тоже самъ ловитъ, чѣмъ онъ отличается отъ монгольскаго богатыря Иринъ-Сайна, для котораго коня ловитъ царскій пастухъ; въ русской сказкѣ царскій пастухъ только указываетъ, гдѣ и котораго поймать коня. Пастухъ по большей части называется Ивашкой; въ смоленской сказкѣ въ эпизодѣ съ конемъ также упоминается „Ивашка, сѣрая сирмыжка“, но онъ въ ловлѣ коня не участвуетъ ни дѣйствіемъ, ни совѣтомъ. Вѣроятно, сказка забыла значеніе Ивашки; вѣроятно, онъ-то, а не другой какой-то человекъ, какъ рассказано въ сказкѣ, указалъ Игру, гдѣ добыть коня. Игръ ловитъ коня у криницы; и Ерусланъ также ловитъ своего коня, когда тотъ пришелъ на водопой. Этотъ эпизодъ уже даетъ поводъ подозрѣвать, что Игръ одно лицо съ Ерусланомъ.

На пойманномъ конѣ Игръ ѣдетъ въ „Царь-городъ“; дорогой онъ проѣзжаетъ мимо трехъ дѣвицъ, которыя даютъ ему совѣтъ взять въ Царь-городъ живой и мертвой воды. Въ Царь-городѣ онъ находитъ спящую царевну и оставляетъ на ея груди надпись: „былъ чужеземецъ“. На обратномъ пути, перескакивая черезъ стѣну, конь задѣлъ ногой за протянутыя струны; въ городѣ поднялась тревога, дѣвица пробудилась и погналась за Игромъ съ огненнымъ щитомъ въ рукѣ, который за двѣнадцать верстъ печетъ. Игръ махнулъ полотенцемъ, даннымъ ему одной изъ придорожныхъ дѣвицъ, и явилась рѣка. Послѣ того братья нашли Игру спящимъ и столкнули въ подземное царство. Здѣсь царевна обречена на съѣденіе Чуду; Игръ засыпаетъ около царевны, пробуждается отъ ея горячей слезы и убиваетъ Чуду; но Ванька бросаетъ соннаго Игру въ воду и присвоиваетъ его подвигъ себѣ; царевна выневодила тѣло Игру, нашла на немъ пузырьки съ живой и мертвой водой и оживила богатыря.

Сказка „Царь Каприкъ“ и сказка объ Игрѣ почти тождественны; онѣ состоятъ изъ двухъ одинаковыхъ эпизодовъ: 1) поѣздка къ Царь-дѣвицѣ и 2) освобожденіе обреченной змѣю царевны.

Оба эпизода въ обѣихъ сказкахъ въ деталяхъ почти вполне совпадаютъ. Обѣ сказки начинаются съ того, что у царя три сына, только въ сказкѣ объ Игрѣ царь не отдаетъ приказанія добыть живой воды; вода все таки тутъ есть; она нужна была редакціи, потому что потомъ она пригодится для спасенія самого Игра.

Тѣ же два эпизода находятся и въ сказкѣ объ Ерусланѣ. Эпизоду о Царь-дѣвицѣ въ Ерусланѣ отвѣчаетъ поѣздка Еруслана за цѣлительной желчью Зеленаго царя-Огненный Щитъ; второй эпизодъ еще яснѣе усматривается въ рассказѣ объ индѣйскомъ царствѣ. У приведенныхъ выше сказокъ съ Ерусланомъ есть много общихъ деталей, и не только деталей, которыя имѣютъ большое распространеніе, каковы напримѣръ сонъ богатыря около царевны, обреченной на съѣденіе змѣю, пробужденіе отъ ея горячей слезы, упавшей спящему на щеку; эти подробности повсюду сопутствуютъ сюжету о царевнѣ, обреченной змѣю. Но есть детали, имѣющія ограниченное распространеніе, а нѣкоторыя даже какъ бы ограниченное вариантами Еруслана, однако и такія встрѣчаются въ сказкѣ „Царь Каприкъ“ и въ сказкѣ объ Игрѣ. Огненный жгущій щитъ не принадлежитъ къ образамъ распространеннымъ; въ Ерусланѣ мы имѣемъ царя-Огненный Щитъ, который жжетъ, и въ сказкѣ объ Игрѣ также мы имѣемъ жгущій огненный щитъ; это указываетъ на особенную близость этихъ сказокъ.

Другая подробность въ сказкѣ объ Игрѣ, постоянно встрѣчающаяся въ вариантахъ сказки объ Ерусланѣ—это ловля коня, о которой уже было сказано выше.

Въ сказкѣ „Царь Каприкъ“ вмѣсто огненнаго щита огненное пламя; ловли коня нѣтъ, но за то есть другія черты, сильно намекающія на Еруслана; младшій братъ наѣзжаетъ на спящаго въ степи старшаго, не узнаетъ его, ложится возлѣ него спать, а пробудившись, богатыри вступаютъ въ бой. Этотъ мотивъ, не знаю, встрѣчающійся ли внѣ сказки объ Ерусланѣ, тѣсно придвигаетъ сказку „Царь Каприкъ“ къ сказкѣ объ Ерусланѣ¹⁾.

Послѣ сдѣланнаго обзора и сравненія приведенныхъ сказокъ можно составить себѣ такое мнѣніе о составѣ сказки о Ерусланѣ; въ составъ ея вошли три сказки: 1) о Царь-дѣвицѣ и добываніи цѣлебнаго средства, 2) о царевнѣ, заточенной чудовищемъ въ подземномъ мірѣ, и богатырѣ коровьемъ сынѣ, освобождающемъ ее, и 3) о царевнѣ, обреченной на съѣденіе змѣю. Сказки эти живутъ и доселѣ въ памяти народа въ отдѣльныхъ редакціяхъ, и эти отдѣльныя редакціи цѣлнѣе и полнѣе деталями, чѣмъ эпизоды

¹⁾ Богатырь, наѣзжающій на спящаго другого богатыря, вступающій въ поединокъ съ нимъ и потомъ узнающій въ немъ своего сына, находится въ монгольской сказкѣ о Дзалута-мэргэвѣ (Очерки с.-в. Монг., IV, 508, 509); въ этой сказкѣ я еще вернусь ниже при разборѣ французской сказки: Jean de l'Ours.

сказки объ Ерусланѣ. По этимъ отдѣльнымъ сказкамъ можно не то чтобы возстановить самую древнюю редакцію сказки объ Ерусланѣ—можетъ быть нынѣ существующая редакція и есть древнѣйшая,—а составить новую редакцію, такъ сказать „исправленную и дополненную по источникамъ“. Такъ, напримѣръ, во всѣхъ сказкахъ, перебранныхъ нами выше, въ „Царѣ Каприкѣ“, въ „Бурзѣ Воловичѣ“, въ „Бурѣ богатырѣ“, въ „Игрѣ“—говорится о трехъ братьяхъ; въ сказкѣ объ Ерусланѣ братьевъ у Еруслана нѣтъ. Согласно съ этими сказками исправленную и дополненную сказку объ Ерусланѣ также можно было бы начать рассказомъ о рожденіи трехъ братьевъ; Ерусланъ изъ нихъ младшій. Что это очень древнее представленіе, объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что въ дюрбютской сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ, въ которой содержатся намеки на Еруслана ¹⁾, у Иринѣ-Сайна есть два брата. Сказка, правда, не начинается рассказомъ о рожденіи трехъ сыновей у царя; напротивъ, она рассказываетъ, что у царя родился одинъ сынъ Иринѣ-Сайнъ, но въ дальнѣйшемъ текстѣ сообщается, что было три брата: Китынѣ-Зеби, Китынѣ-Арсланъ и Иринѣ-Сайнъ. Иначе въ монгольской повѣсти о Гэсэръ; ова начинается рассказомъ о трехъ сыновьяхъ царя, но не земного царя, а царя неба; младшій изъ нихъ спускается на землю и здѣсь воплощается, родится чудеснымъ образомъ отъ дѣвицы; это и есть Гэсэръ; собственно, исторія самого Гэсэра начинается рассказомъ о рожденіи только его одного, какъ и сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ ²⁾. Можетъ быть и эта послѣдняя имѣла подобную подставку, въ которой былъ рассказъ о трехъ небесныхъ братьяхъ, но эта подставка отвалилась. Такую же судьбу можно подозрѣвать и у сказки объ Ерусланѣ; она также, можетъ быть, начиналась рассказомъ о трехъ небесныхъ братьяхъ, изъ которыхъ младшій народился на землѣ (сыномъ Лазаря или царя Каприка).

Это кажется мнѣ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что сказка объ Игрѣ, на взаимныя отношенія которой со сказкой объ Ерусланѣ только что было указано, представляетъ пересказъ одной главы изъ повѣсти о Гэсэръ, именно главы о Гумэнъ-ханѣ. Повѣсть о Гэсэръ начинается съ того, что царь неба посылаетъ поочередно трехъ своихъ сыновей объѣхать землю; два старшихъ не могутъ этого исполнить, можетъ только младшій, который ниже въ повѣсти будетъ дѣйствовать подъ именемъ Гэсэра. Въ смоленской сказкѣ царь посылаетъ трехъ своихъ сыновей объѣхать царство, два старшихъ не могутъ, удается это только младшему Игру; слѣдовательно, Игръ—это Гэсэръ. Далѣе, въ отдѣльной главѣ о Гэсэръ говорится, что онъ призванъ исцѣлить царя Гумэнъ-хана,

¹⁾ См. Вост. мотивы, 288 и 292.

²⁾ Младшій изъ трехъ небесныхъ братьевъ, явившійся на землѣ подъ именемъ Гэсэра, и имя носитъ особое.

который впалъ въ вѣноть; Гасаръ поднимается по лѣстницѣ на небо, подпавляет небожительницу, у которой хранились талисманы (эрдени), и во время ея сна похищаетъ эти талисманы. Небожительница просыпается, замѣчаетъ покражу, сердится и въ сердцахъ разлиняетъ по небу молоко изъ своихъ грудей; образовался Млечный путь. Въ смоленской сказкѣ Игръ ѣдетъ въ Царь-городъ, гдѣ находитъ спящую дѣвицу; о городской стѣнѣ въ передній путь ничего не сказано, но на обратномъ пути онъ долженъ былъ перескочить черезъ стѣну; конечно, и въ передній путь онъ долженъ былъ перескочить или перелѣзть черезъ нее. Пользуясь тѣмъ, что дѣвица спитъ, онъ взялъ у ней живой и мертвой воды ¹⁾. Когда онъ сталъ удаляться, царевна проснулась и бросилась вслѣдъ за нимъ; Игръ взмахнулъ полотенцемъ, образовалась рѣка; тогда дѣвица взмахнула полотенцемъ, сдѣлался мостъ ²⁾; Игръ проѣхалъ по нему, а дѣвица не могла. Тутъ путаница: вовсе не въ интересахъ погони было устраивать мостъ черезъ рѣку, напротивъ, ей было нужно задержать бѣглеца; рѣка, новидимому, возникла впереди Игра, потому что онъ долженъ по мосту переѣзжать черезъ нее въ дальнѣйшемъ своемъ бѣгствѣ; редакция не сообразила, что для Игра было бы выгодноѣ, если бѣ рѣка возникла сзади его. Можетъ быть, это мѣсто должно быть

¹⁾ Въ трансильванской сказкѣ (Covquin, II, 71) герой проникаетъ въ жилище спящей принцессы черезъ нору, которую дѣлаютъ его товарищи и три гиганта; въ покоѣ принцессы онъ пьетъ три раза изъ «юла» вино, беретъ кольцо съ руки принцессы, закалываетъ шпагой одного за другимъ трехъ гигантовъ въ то время, какъ они лѣзли по той же норѣ. Разсказъ напоминаетъ свѣрскую сагу о Суттунговомъ вѣнѣ: Одинъ проникаетъ въ жилище Гунляды черезъ нору, просверленную Бойглемъ, и выпиваетъ три глотка вина; въ сагѣ пять смерти трехъ гигантовъ, но есть смерть девяти козцовъ; Бойгию приписано павѣреніе заколотъ Одина сверломъ въ то время, когда онъ будетъ лѣзть по норѣ (см. Вост. мотивы, 266). Въ кельтскомъ романѣ Парсиваль называетъ на замокъ спящей дѣвицы, снимаетъ съ ея руки кольцо и беретъ себя, а свое ей оставляетъ. Для изучающаго сказку объ Еруславѣ въ ряду темъ, связанныхъ съ именемъ Парсиваль, кромѣ эпизода съ кольцами, могутъ быть интересъ 1) разсказъ о пріобрѣтеніи чаши Граля и 2) разсказъ о кузнецѣ, который куетъ для Парсивала мечъ, необходимый для совершенія подвига. Въ сказкахъ, которыми я займусь ниже, Медвѣжій сынъ (Jean de l' Ours французскихъ сказокъ) прежде, чѣмъ начать свои подвиги, заказываетъ кузнецу палицу, *железную baguette*. Еруславъ, какъ и Парсиваль, вмѣсто палицы имѣетъ мечъ. Въ преданіяхъ упоминаются мечи, всаживаемые въ землю (мечъ скифовъ) или въ тѣло звѣря (ножъ Аролбай—Эго-хана въ монхъ Очеркахъ с.-з. Монг., IV, 615, мечъ Медвѣжьяго сына въ аварской сказкѣ, всаживаемый въ тѣло змѣи Сармыгъ, *ibid.*, 782), или замурованные въ стѣну, или всаживаемые въ скалу (мечъ Аролбай—Эго-хана, Очерки с.-з. Монг., IV, 606; мечъ въ славянской повѣсти о Вавилонскихъ царствѣхъ); силачи не могутъ вытянуть засаживаемый мечъ, и только герою сказки удастся это сдѣлать. Въ тангутской легендѣ человѣкъ пытается высвободить изъ земли врытый въ нее камень, но тщетно, потому что это былъ высушенный ковецъ osv земли (Танг.-тиб. окраина Китая, II, 241)—образъ, имѣ кажется, внушенный представленіями о неподвижно стоящей Полярной звѣздѣ.

²⁾ Смоленск. Сборн., 505.

исправлено такъ: дѣвица взмахнула платкомъ или полотенцемъ, явилась рѣка (Млечный путь монгольской небожительницы?) впереди Игры, чтобы задержать его; но онъ взмахнулъ полотенцемъ, даннымъ ему его покровительницей, придорожной дѣвицей, и на рѣкѣ возникъ мостъ, по которому онъ и проѣхалъ ¹⁾. Царь-городъ смоленской сказки—это небо монгольской; дѣвица въ городѣ—это монгольская небожительница. И у той и у другой что то похищается въ то время, какъ онѣ спятъ; и къ той и къ другой, чтобы добраться, нужно или перелазить черезъ стѣну или подняться по лѣстницѣ; обѣ онѣ пробуждаются и гонятся за похитителемъ; внезапно появляется рѣка, въ одномъ случаѣ водяная, въ другомъ молочная. Похищенные вещи потомъ пригодились самому похитителю; Игрѣ убить, но его оживляютъ той живой водой, которую онъ похитилъ въ Царь-городѣ; Гэсэру нѣсколько разъ угрожаютъ погибелью, слѣдуетъ рядъ казней, но похищенные на небѣ талисманы спасаютъ его отъ смерти.

Эти совпаденія устанавливаютъ тождество персонажей Гэсэра, Иринъ-Сайна, Игры и Еруслана; Гэсэръ, Иринъ-Сайнъ и Игрѣ имѣютъ братьевъ; я думаю, какъ объ этомъ уже заявлено выше, что и Ерусланъ имѣлъ двухъ братьевъ, хотя русская сказка теперь ихъ и не знаетъ. Въ дюрбютской сказкѣ три брата: Китынъ-Зеби, Китынъ-Арсланъ и Иринъ-Сайнъ; послѣдній два раза вступаетъ по недоразумѣнію въ поединокъ съ своими родственниками; сначала съ племянникомъ, сыномъ Китына-Зеби, потомъ съ братомъ Арсланомъ, оба поединка кончаются примиреніемъ. Въ русской сказкѣ также два поединка, кончающіеся примиреніемъ; сначала Ерусланъ бьется съ княземъ Иваномъ, русскимъ богатыремъ; потомъ съ своимъ сыномъ Ерусланомъ (Еруслановичемъ); въ русской сказкѣ только въ одномъ случаѣ поединки родня, относительно же князя Ивана, родство его съ Ерусланомъ не установлено; только примирившись послѣ боя, они называются „названными братьями“. Исходя изъ параллелей съ сказкой объ Иринъ-Сайнѣ, я думаю, что они были настоящими братьями; въ поединкѣ Иринъ-Сайна съ племянникомъ Иринъ-Сайнъ является богатыремъ старшаго возраста; слѣдовательно, этому поединку въ русской сказкѣ будетъ параллельнъ поединокъ Еруслана отца съ Ерусланомъ сыномъ; въ поединкѣ же Иринъ-Сайна съ Арсланомъ

1) Что такъ и было, объ этомъ въ нѣкоторой степени свидѣлствуетъ сказка у Леонасьева, № 60, „Баба-яга и Заморышекъ“. Изъ сорока одного яйца родится сорокъ мальчиковъ и сорокъ первый Заморышекъ. Братья странствуютъ и находятъ замокъ, въ которомъ живетъ Баба-яга и съ нею сорокъ ея дочерей. Въладѣствіе хитрости Заморышка сорокъ дочерей Бабы-яги обезглавлены; братья убѣгаютъ изъ замка; Баба-яга гонится за ними съ огненнымъ щитомъ, который „налить на всѣ четыре стороны“. Братья прибѣгаютъ въ синему морю, Заморышекъ взмахнулъ платкомъ, сталъ мостъ черезъ море; когда братья перешли по нему, Заморышекъ вновь взмахнулъ, моста не стало (т. I., стр. 88).

Иринъ-Сайнъ является младшимъ родственникомъ; вѣроятно этому то поединку и отвѣчаетъ бой Еруслана съ княземъ Иваномъ; какъ въ русской сказкѣ, такъ и въ дюрбютской поединокъ кончается мировой, послѣ которой одинъ богатырь помогаетъ другому въ приобрѣтеніи невѣсты, въ одной личнымъ участіемъ и силой, въ другой совѣтами. На родство Ивана съ Ерусланомъ указываютъ и нѣкоторыя русскія сказки, приведенныя выше; въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“ на мѣстѣ князя Ивана новидимому стоитъ Василій Нянькинъ сынъ; сказка называетъ его братомъ Бурзы Воловича на томъ основаніи, что оба зачаты отъ сѣжденной щуки. Въ сказкѣ „Царь Каприкъ“ эпизоду о князѣ Иванѣ отвѣчаетъ рассказъ о богатыряхъ, съ которыми Иванъ царевичъ бьется около огненнаго пламени. Молодой богатырь, наѣхавъ на снѣгаго старшаго, ложится рядомъ спать, то-есть поступаетъ такъ же, какъ Ерусланъ, наѣхавъ на спящаго князя Ивана. Родство, которое тутъ установлено между поединщиками, не можетъ быть выведено изъ сказки объ Ерусланѣ; судя по такой детали, какъ сонъ богатырей, это бой Еруслана съ княземъ Иваномъ, а они не названы братьями. Это родство поединщиковъ ведетъ свое начало отъ какой-то древней редакціи, которая древнѣе нынѣшней редакціи сказки объ Ерусланѣ. Побочныя къ Еруслану сказки, какъ „Бурза Воловичъ“, „Царь Каприкъ“ и „Буря богатырь“ сохранили въ себѣ вѣкоторыя болѣе древнія черты, чѣмъ сказка объ Ерусланѣ. Существованіе этихъ побочныхъ сказокъ, сохранившихъ болѣе древнія черты, показываютъ, что сказка объ Ерусланѣ не можетъ считаться литературнымъ заимствованіемъ. Если-бъ мы получили Еруслана изъ Ирана въ видѣ книги, или если-бъ народъ посредникъ, между нами и Ираномъ, передавшій намъ Еруслана устно, самъ все-таки получилъ его въ видѣ книги, сказка была бы у насъ одинокимъ явленіемъ, не окруженнымъ такими побочными сказками, которыя представляли бы въ себѣ эпизоды въ болѣе цѣльномъ и стройномъ изложеніи, чѣмъ въ сказкѣ объ Ерусланѣ, и которыя помогали бы установить связь этой сказки съ монгольскими сказками объ Иринъ-Сайнѣ и Гасэрѣ.

Третій сводъ еруслановскихъ томъ представляетъ угро-русская сказка „За одного мясорощьскаго сына“¹⁾. Я передамъ ее здѣсь не въ полномъ переводѣ, а въ вольномъ изложеніи, но въ полномъ составѣ ея эпизодовъ и деталей.

У одного мясороща (мясника) былъ сынъ по имени Кароль. Этотъ Кароль отправляется странствовать; отецъ далъ ему запасъ и тарканистаго (geschekt) пса.

Пришелъ Кароль къ лѣсу; его предупреждаютъ, что внутри лѣса живутъ черти (пропасники); шесть дней идетъ онъ безъ ѣды,

¹⁾ Записки науковаго товариства імені Шевченка, під ред. Мих. Грушевського, Т. XXIX (1899, т. III). У Львові. Стр. 138—145.

запасъ вышелъ; на седьмой догоняетъ нищаго и даетъ ему изъ остатковъ милостыню (алмужну); тотъ уходитъ своею дорогою. Кáроль догоняетъ другого, даетъ и ему, и тотъ уходитъ. Дого- няетъ третьяго, даетъ милостыню; тотъ палахомъ отрубаетъ тар- канистому псу голову. Кáроль лѣвой рукой отъ себя ножомъ хо- четъ ударить нищаго ¹⁾; нищій говоритъ ему: бей дважды и трижды. Кáроль догадался, что это чортъ и не сталъ его бить, а помо- лился; тотъ издохъ. Кáроль выкопалъ двѣ ямы, въ одной похо- ронилъ пса и воткнулъ въ могилу вербу, въ другой нищаго. Пошелъ далѣе, дошелъ до хижины; въ ней старый, сѣдой чо- ловѣкъ молится Богу. Прожилъ тутъ сутки. У старца рушникъ; постелеть его, на немъ появляется всякая пища ²⁾; старецъ даетъ Кáролю трехъ псовъ: Дунаю, Драву и Тису, шкатулку мази (ма- сти) и мѣдный пруть. Пошелъ Кáроль и дошелъ до крѣпости; въ ней до 600 разбойниковъ, песьоглавцы Кутя-татаре. Они посадили его за столъ ѣсть; Кáроль плеснулъ одну ложку псу, тотъ по- махалъ головой; это служило указаніемъ, что не слѣдуетъ ѣсть. Песиглавцы говорятъ: эти псы не могутъ быть среди насъ; ихъ нужно запретъ. Заперли ихъ и повели Кáроля по „хижамъ“, а въ нихъ кучами золото и серебро; ступилъ Кáроль черезъ по- слѣднюю дверь и очутился въ глубокой и темной пивницѣ. Онъ вспоминалъ про своихъ трехъ псовъ; они учуяли это, стали искать свободы, вывалились, пришли къ той хижѣ, въ которой Кáроль самъ себя похоронилъ; отворили дверь, вынули Кáроля. Дунай посовѣтовалъ ему расплестъ мѣдный пруть и бить имъ песиглав- цевъ; собаки схватили ихъ за ноги, а Кáроль бьетъ ихъ прутомъ; всѣхъ 600 перебили. Побросали тѣла въ ту пивницу, гдѣ сидѣлъ Кáроль; набралъ онъ золота и серебра и наложилъ на остальное печать.

Пришелъ Кáроль въ одно селеніе; на каждомъ домѣ черная

¹⁾ Русско-сибирское повѣрье рекомендуетъ бить нечистую силу на-отмашъ, лѣвой рукой на лѣво, правой направо.

²⁾ Старецъ-отшельникъ не даетъ этотъ рушникъ Кáролю, но когда потомъ отшельникъ въ видѣ голубя вознесся къ небу, Кáроль взялъ его книжку и этотъ рушникъ и унесъ домой. Не было ли въ этомъ мѣстѣ разсказа о трехъ диковинкахъ, въ числѣ которыхъ часто встрѣчается скатерть самобранная? Въ самарской сказкѣ Борма Ярыжка ѣдетъ въ Вавилонское царство, населенное зѣйями, чтобы привести оттуда корону, скипетръ и книжку (Садовниковъ, Сказки и пред. Самарск. края, Спб., 1884, стр. 22—27). Въ вариантѣ этой сказки Иванъ Туртыгинъ получаетъ подарки: коверъ-самолетъ и шапку-невидимку (ibid., стр. 21). Въ другомъ вариантѣ (у Барсова) Борма, герой преда- нія, на пути въ Вавилонъ встрѣчаетъ перевозчика Правду, который перево- зить его черезъ море и даетъ ему необходимые совѣты (И. Н. Ждановъ, Русск. былевой эпосъ, стр. 11). Въ разсказѣ Генриха von Neustat Аполонію на пути въ Вавилонъ встрѣчается басвословый зѣяръ инокоръ Milgot и сва- бжаетъ его вельемъ или кореньемъ, которое чудесно питаетъ человека и воз- вращаетъ ему силу (А. Н. Веселовскій, Повѣсть о Вавилонск. царствѣ, въ Славянск. Сборникъ, III, стр. 162).

завѣса. Семнадцать лѣтъ назадъ была война; пришли черти къ „дцсарю“, говорить, если дашь то, что не знаешь, что его имѣешь, то поможемъ докончить войну. Взяли съ него записъ кровью съ печатью, что онъ черезъ семнадцать лѣтъ отдастъ имъ обѣщанное. Вернулся царь, окончивъ войну, домой, увидѣлъ беременную жену и заплакалъ. Родилась царевна. Кáроль по совѣту псовъ берется освободить царевну. Взялъ съ собой Христово распятіе и двѣ свѣчки, и пошелъ туда, гдѣ будутъ отдавать царевну „шатану“; онъ вынулъ „масть“ изъ шкатулки, положилъ на столикъ, приказалъ царевнѣ раздѣться до нага, помазалъ ее мазью, далъ ей книжку въ руки, велѣлъ молиться Богу и засвѣтилъ свѣчки. Въ 11 часу пришли шатаны; не могутъ до нея достигнуть. Кáроль велѣлъ имъ принести записъ, данную царемъ. Шатаны послали одного; остальные прилипли на стульяхъ, потому что онъ на каждомъ стулѣ положилъ мази ¹⁾. Самъ сатана принесъ письмо; Кáроль выхватилъ письмо, положилъ подлѣ свѣчки и началъ бить мѣднымъ прутомъ шатановъ; собаки помогаютъ ему, а шатаны не могутъ оборониться, потому что прилипли. Кáроль побилъ всѣхъ, взялъ 12 кадей золота, 12 кадей серебра, собралъ мазь въ шкатулку, вымылъ царевну и одѣлъ ее. Она сняла съ себя гранатки и привязала одинъ шнуръ Дунаю, другой Дравѣ, третій Тисѣ, разломила пополамъ перстень и дала половину Кáролю; зоветъ его идти вмѣстѣ, чтобы пережениться. Кáроль говорить, что ему еще нужно странствовать годъ, три мѣсяца, шесть дней. Если не вернусь, говорить, можешь идти за кого хочешь. Поѣхали; кучеръ взялъ пистолетъ и велитъ ей идти за него замужъ и сказать отцу, будто онъ, кучеръ, освободилъ ее. Царевна заперлась въ своей кижѣ и говорить, что будетъ ждать годъ 3 мѣсяца и 6 дней, а ранѣе не пойдетъ за кучера. Кáроль посылаетъ ей письмо съ Тисой. Пришли въ церковь; царевна взяла Кáроля, подвела къ владыкѣ и говорить, что она съ этимъ будетъ вѣнчаться. Повѣнчавшись, пришла домой. Она спрашиваетъ кучера: что слѣдуетъ сдѣлать тому, кто насъ разлучить? Тотъ говорить: привязать за руки къ двумъ конямъ и разорвать. Тогда она вывязала изъ платка половину перстня, и Кáроль вынулъ свою. Кáроля короновали. Онъ поѣхалъ за родителями. Везетъ ихъ черезъ лѣсъ и показываетъ, гдѣ верба, что тутъ тарко зарытъ; потомъ показываетъ хижу, въ которой старецъ живетъ. Старецъ говорить ему: „Теперь освободи псовъ; это не псы; отруби имъ головы“. Кáроль отрубилъ имъ головы; они стали

¹⁾ Ср. у Афанасьева, Народн. русск. легенды, Лондонъ, 1859 г., стр. 199 съ сказкой „Коваль Захарко“, перепечатанной изъ Москвитинина, 1843 г., № 1, стр. 132—140; Захарко имѣлъ силу залясть чертей, такъ что они не могли сдвинуться съ мѣста, а самого сатану посадилъ въ кошель и разбилъ молотомъ на наковальнѣ.

тремъ голубями и полетѣли къ небу. Кáроль зоветъ старца съ собой; тотъ говоритъ: „Не могу идти; меня Богъ покаралъ. Освободи и меня, отруби мнѣ голову“. Кáроль отрубилъ; вылетѣлъ золотой голубь, поблагодарилъ Кáроля и улетѣлъ въ небо. Взяли книжку старца, рушникъ, что давалъ ему пищу, пошли къ кладовымъ песиглавцевъ, забрали все золото и пошли домой въ свое царство.

Въ этой угро-русской сказкѣ два эпизода: 1) хожденіе въ страну песиглавцевъ и 2) освобожденіе царевны, обреченной черту, подобно тому, какъ и въ сказкѣ „Царь Каприкъ“, въ которой также два эпизода; второй эпизодъ одной сказки совпадаетъ со вторымъ эпизодомъ другой; тутъ также освобожденіе обреченной змѣю царевны, присвоенія подвига другимъ лицомъ и разоблаченіе. На мѣстѣ перваго эпизода, т. е. на мѣстѣ хожденія къ песиглавцамъ, съ сказкѣ „Царь Каприкъ“ стоитъ поѣздка къ царь-дѣвицѣ. Угдорусскій эпизодъ не походитъ на каргопольскій, но здѣсь есть одна деталь, напоминающая Еруслана. Когда Кáроль замahнулся на чорта, бывшаго въ образѣ нищаго, чортъ сталъ просить его бить дважды и трижды, но Кáроль догадался, что это чортъ, и не послушался. Это напоминаетъ совѣтъ Расла-нея, данный Еруслану, бить царя Огненный-Щитъ только разъ, и не бить два раза ¹⁾. По мѣсту въ былинѣ и по этой детали песиглавцы какъ будто стоятъ на мѣстѣ царя Огненный-Щитъ (или царь-дѣвицы), но въ ихъ странѣ герой сказки находитъ не цѣлительную желчь или не живую воду, а золото и серебро. На какое-то отношеніе этихъ песиглавцевъ къ царю Огненный-Щитъ указываетъ и другой мотивъ; въ одной сказкѣ у Афанасьева, № 219, мать Ивана царевича живетъ съ Огненнымъ царемъ и хочетъ отравить сына ядовитыми лепешками; Иванъ-царевичъ беретъ лепешку отъ матери, но собака вырываетъ ее; въ угдорусской собака махаетъ головой, т. е. учить не ѣсть. Изъ сравненія этихъ деталей можно сдѣлать заключеніе, что персонажъ Еруслана въ нѣкоторыхъ вариантахъ назывался именемъ Кáроль, что въ числѣ сюжетовъ, связанныхъ съ именемъ Кáроль, былъ также сюжетъ о матери-измѣнницѣ (или сестрѣ-измѣнницѣ), завязавшей любовную связь съ богатыремъ, врагомъ сына, и пытающейся извести сына, и что этотъ сюжетъ не вошелъ въ сводъ объ Ерусланѣ, можетъ быть, потому, что былъ соединенъ только съ именемъ Кáроль или Иванъ-царевичъ, и не рассказывался съ именемъ Еруслана (по крайней мѣрѣ въ той средѣ, въ которой составилъ сводъ о Ерусланѣ).

¹⁾ Тотъ же совѣтъ въ сказкѣ № 71 у Афанасьева, стр. 128: царевна даетъ наставленіе Ивану Царевичу рубить Вихря (змѣя?) только разъ; своди будутъ кричать: руби еще! но Иванъ-царевичъ долженъ сказать: богатырская рука два раза не бьетъ.

Въ угрорусской сказкѣ три ¹⁾ собаки являются покровителями Кáроля какъ въ эпизодѣ о песиглавцахъ, такъ и въ эпизодѣ о женщинѣ, обреченной чертямъ. Собаки являются и въ отдѣльныхъ сказкахъ, излагающихъ съ большей цѣльностью тѣ же темы, какъ тему о женщинѣ измѣнницѣ, такъ и тему о женщинѣ, обреченной змѣю ²⁾. У Афанасьева въ № 119, т. е. въ той самой сказкѣ, въ которой описывается любовь матери Ивана-царевича къ Огненному царю и измѣна сыну, послѣдняго выручаютъ изъ бѣды двѣ собаки.

Собаки угрорусской сказки не простые собаки, а обращенные люди новидимому. Окончивъ свою покровительственную миссію, онѣ обращаются въ трехъ голубей, которые улетаютъ къ небу. Тутъ мы, кажется, имѣемъ дѣло съ образомъ, распространеннымъ въ тюркомонгольскихъ сказкахъ, именно съ образомъ дѣвицъ, такъ называемыхъ въ монгольскихъ сказкахъ небесныхъ дѣвъ, которыя летаютъ чаще всего въ числѣ трехъ и въ видѣ лебедей или голубей. Три дѣвицы покровительницы, предупреждающія опасности, которыя угрожаютъ богатырю, или спасающія его отъ смерти, часто попадаютъ въ сказкахъ и составляютъ обычное явленіе въ монгольскихъ сказкахъ съ сюжетомъ о женщинѣ измѣнницѣ, въ союзѣ съ любовникомъ убивающей своего сына или брата. Богатырь обыкновенно находитъ ихъ въ степи въ то время, какъ ѣдетъ по порученію матери въ опасную поѣздку за цѣлебнымъ средствомъ отъ ея мнимой болѣзни. Ерусланъ на пути къ царю Огненный-Щитъ встрѣчаетъ трехъ дѣвицъ, которыя кочуютъ въ полѣ въ шатрахъ. Покровительственной роли дѣвицамъ не приписано. Ерусланъ спрашиваетъ ихъ, есть ли богатырь его сильнѣе, и, недовольный ихъ отвѣтомъ, убиваетъ ихъ. Эта излишняя жестокость, приписанная богатырю, дѣлаетъ эпизодъ сомнительнымъ, и дѣйствительно, по сравненію съ тѣмъ, что сказано выше по поводу сказки о Кáролѣ, надо думать, что тутъ большой пропускъ и искаженіе. Вѣроятно эти три дѣвицы—остатокъ отъ сюжета объ измѣнѣ матери, который тутъ прежде находился, т. е. отъ сказки Афанасьева № 119 объ Иванѣ-царевичѣ (на мѣстѣ Еруслана) и Огненномъ царѣ. Три небесныя дѣвы стоятъ и въ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ; онѣ неоднократно оказываютъ ему свое покровительство; повѣсть выдаетъ ихъ за небесныхъ сестеръ Гэсэра ³⁾; въ концѣ повѣсти сестры Гэсэра улетаютъ на

¹⁾ Число три и еще разъ встрѣчается въ этой сказкѣ: три встрѣчи съ нацимъ. Въ славянѣ о Ерусланѣ оно также встрѣчается часто: три побитыхъ рати, три дуба съ костями, три меча, три кочующія въ полѣ дѣвицы.

²⁾ У Cosquin'a три собаки съ именами Brise-Vent, Brise-Fer и Brise помогаютъ герою освободить принцессу, обреченную на създеніе чудовищу съ семью головами (1, 57).

³⁾ У Гэсэра кромѣ родни на землѣ была еще небесная родня, такъ какъ онъ сынъ небеснаго царя, воплотившійся на землѣ. Кромѣ небесныхъ сестеръ,

небо ¹⁾. Собака Кáролю даетъ старецъ отшельникъ, встрѣченный Кáролемъ на пути къ песиглавцамъ; кромѣ собакъ старецъ даетъ богатырю мастику и мѣдный пруть. Въ верхоянской сказкѣ, представляющей вариантъ ко второму эпизоду сказки о Кáролѣ, т. е. нѣмлющему своимъ содержаніемъ рассказъ о женщинѣ, обреченной змѣю (собственно выдаваемой замужъ за многоголовое чудовище ²⁾ и спасенной богатыремъ, подвигъ котораго присвоиваетъ себѣ коварный чело́вѣкъ, однако потомъ изобличенный ³⁾, покровительство герою оказываетъ чело́вѣкъ, который называется Пилигримомъ, и который передъ тѣмъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ смоленской сказкѣ сходный персонажъ со сходнымъ именемъ, Палугримъ, сидящій на дубѣ на границѣ царства, помогаетъ Игру съѣздить къ царь-дѣвицѣ (собственно къ дѣвицѣ Иринѣ, дочери мурумскаго царя) ⁴⁾, даетъ ему коня; три дѣвицы, которыхъ Игръ встрѣчаетъ вслѣдъ за тѣмъ, даютъ ему три подарка, которые превращаясь въ лѣсъ, въ болото, и въ рѣку, спасаютъ его отъ погони. Въ смоленской сказкѣ съ сюжетомъ, соответствующимъ второму эпизоду сказки о Кáролѣ, мѣсто старца покровителя, дѣлающаго подарки, занимаетъ Дивный мужикъ или Дивный старикъ; онъ сидитъ въ столбѣ ⁵⁾; въ вологодской сказкѣ того же содержания это Дивный мужикъ, сидящій на дубѣ ⁶⁾. Старикъ, покровительствующій Кáролю, своимъ отшельничествомъ напоминаетъ эти персонажи, уединенные въ столбѣ, въ тюрьмѣ или на дубѣ.

Въ сказкѣ у Афанасьева № 119 собака Ивану царевичу даетъ царевна, на которой онъ потомъ женится. Можетъ быть, и въ сказкѣ, послужившей матеріаломъ для перваго эпизода сказки о Кáролѣ, тутъ тоже стояла женщана, но при слятіи со вторымъ эпизодомъ, подъ вліяніемъ сказокъ о Пилигримѣ или Дивномъ старикѣ, женщана исчезла. Въ монгольской повѣсти Гэсэру кромѣ трехъ сестеръ покровительствуетъ постоянно еще небесная мать или небесная бабушка. Вариантъ повѣсти, переведенный Шмидтомъ, кончается тѣмъ, что Гэсэръ освобождаетъ мать изъ царства мертвыхъ (изъ зачарованнаго состоянія?) и отпращиваетъ ее на небо съ помощью трехъ небесныхъ сестеръ. Угровская сказка кончается тѣмъ, что Кароль отрубаетъ головы тремъ собакамъ, а потомъ и старцу покровителю; собаки обращаются

повѣсть называется еще небесную мать его (въ вариантѣ небесную бабушку) и небесныхъ братьевъ.

¹⁾ Die Thaten Bogdo-Gesser chan's, übers. v. Schmidt, St. Ptb, 1839, T. 286.

²⁾ Во французской сказкѣ у Коскена (Cosquin, II, 257) принцесса, освобожденіе которой присвоиваетъ самованецъ, была не просватана, а обречена на съѣденіе чудовищу съ семью головами.

³⁾ Верхоянскій Сборникъ, Иркутскъ, 1890, стр. 268—288.

⁴⁾ Добровольскій, Смоленск. этн. сборн., стр. 458.

⁵⁾ Ibid., 471.

⁶⁾ Труды этн. отд. Н. Общ. люб. естеств., австр. и этн., т. XI, М. 1890, стр. 175.

въ голубей, а старецъ въ золотого голубя, и всѣ улетаютъ къ небу ¹⁾).

О трехъ милостыняхъ, поданныхъ тремъ нищимъ, разсказано въ русской народной легендѣ „Солдаты и смерть“. Солдаты выслужили у царя только три сухаря; встрѣчаетъ убогаго, который проситъ у него милостыню; солдаты отдаютъ одинъ сухарь; встрѣчаетъ другого и отдаютъ другой сухарь; наконецъ третьему убогому отдаютъ послѣдній и отъ этого третьяго убогого получаютъ въ подарокъ карты, въ которыя если будешь играть, всегда будешь выигрывать, и торбу, въ которую все соберется, если скажешь: ползай въ торбу ²⁾. Въ другомъ вариантѣ солдату, выслужившему три денежки, на встрѣчу идетъ Христосъ и апостолы; солдаты подаютъ три милостыни за три раза, а Христосъ даетъ три подарка: кисеть съ неубывающимъ табакомъ, кошель съ неубывающими деньгами и суму, всегда полную по желанію ³⁾. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о царскомъ дворцѣ, одержимомъ по

¹⁾ Тѣ же два сюжета: объ измѣнницѣ женщинѣ и о женщинѣ, обреченной гибели, которые заключаются или заключались по предположенію въ сказкѣ о Каролѣ, вѣроятно и въ русской былинѣ о Потокѣ, только въ другой послѣдовательности, именно эпизодъ о женщинѣ, обреченной смерти и спасенной богатыремъ, стоитъ первымъ, а эпизодъ о женѣ измѣнницѣ вторымъ; въ серединѣ между эпизодами является покровительствующій персонажъ, пилигримъ, или три пилигрима; въ сказкѣ вмѣсто договора мужа съ женой, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, пойти вмѣстѣ въ могилу, договоръ отца съ чортомъ, отдать, чего не знаешь дома; масть попала въ сказку подъ влияніемъ редакціи, сходной съ былинной, но въ былинѣ воскрешеніе производится посредствомъ окропленія живой водой; масть въ финскомъ разсказѣ о Леминкейнеахъ; въ бретонской сказкѣ (Cosaquin, II, 344), которую А. Н. Веселовской воспользовался для сближенія съ русской былинной о Михаилѣ Потокѣ (въ рецензіи на книгу Коскина „Лорренскія сказки“ въ Журн. М. Н. Пресв., 1887, апрѣль, стр. 297 и слѣд.) подъ носомъ умершей три раза проводить цвѣткомъ розы; въ сказкѣ у Афанасьева, нов. изд. т. II, стр. 14. Змѣя привноситъ листокъ, прикасается къ нарубленной змѣѣ и та оживаетъ; въ лорренской сказкѣ Victor La Fleur оживляетъ свою умершую жену, помазавъ ея тѣло мастью, полученной отъ „бѣлой дамы“ (Cosaquin, II, 342).

По повѣрью вотіяковъ трава *Sedum Telephium*, по-вотіяки у лѣбъ, имѣетъ даръ возвращать людямъ половую способность, и воскрешать убитыхъ змѣй; впрочемъ *Sedum Telephium* не настоящая ульмбъ; она такъ названа только потому, что не вянеть; настоящую люди не видятъ; чтобы найти настоящую нужно найти табунъ змѣй и убить одну; тогда змѣя привесуетъ эту траву и проведутъ ею вдоль хребта убитой, послѣ чего она оживаетъ. (Извѣстія Общества истор., археол. и этногр. при Казанск. ун-верс., т. III, 1880—1882 г., стр. 248). Въ русской народной медицинѣ вода, прогнанная черезъ листья *Sedum*, назыв. „живою водой“ (Анненковъ, Ботан. словарь, 1878 г., стр. 325). Въ болгарской легендѣ на Волгѣ парили царевну вѣнчанку изъ *сарбанъ*—березы и излечили отъ семилѣтней потери языка. Вотъ мотивы сарбана даютъ даръ человѣческой рѣчи. У казанскихъ татаръ *сарбанъ*, *Melilotus officinalis* L. (Изв. Общ. ист., арх. и этн. при. каз. ун., 246), который по русски назыв. *доникъ* отъ имени женской болѣзни *донъ*, *донная*, др.-русс. *днѣ*.

²⁾ *Афанасьевъ*, Народн. русскія легенды. Лондонъ, 1859: „Солдаты и смерть“, вар. с, стр. 60.

³⁾ На той же страницѣ вариантъ, помѣщенный подъ строчкой.

вочаиъ чертиами; солдатъ ночуетъ во дворцѣ; черти наполняютъ дворецъ ночью; солдатъ играетъ съ ними въ карты, выигрываетъ у нихъ все ихъ серебро и золото, и потомъ велитъ чертяиъ лѣзть въ торбу, а золото и серебро относить царю. Утромъ кузнецы бьютъ молотами по торбѣ¹⁾. Эпизодъ о трехъ нищихъ въ легендѣ у Афанасьева изложенъ симметричнѣе и осмысленнѣе, чѣмъ въ угрорусской сказкѣ. Третій нищій въ угрорусской сказкѣ получилъ печальный конецъ подѣ какимъ то постороннимъ вліяніемъ; судя по легендѣ у Афанасьева, третій нищій я старецъ отшельникъ—тожественное лицо. Въ „Вост. мотивахъ“ я указалъ на сербскую сказку о Радованѣ, который, подобно Каролу, находитъ въ лѣсу нодѣ сосной отшельника и получаетъ отъ него порученіе сходить на озеро, куда летаетъ драконъ, и принести воды, исцѣляющей слѣпоту. Радованъ, кромѣ воды приносить еще три пера дракона, которыя оказали ему услугу въ дальнѣйшемъ его походе²⁾. Не была ли редакція о Каролѣ ближе къ сербской сказкѣ? не говорилось ли, что Кароль получалъ цѣлительную мазь не отъ отшельника, а ходилъ за нею по его порученію къ песнглавцамъ? Въ настоящей же редакціи эпизодъ о песнглавцахъ стоитъ безъ концепціи съ послѣдующимъ эпизодомъ о царевнѣ, обреченной чертямъ, и является въ сказкѣ произвольнымъ и излишнимъ накопленіемъ.

Мотивъ: „бей только одинъ разъ“³⁾, кажется, находился прежде въ бурятской сказкѣ о Гули-ханѣ и Ханѣ-Гужирѣ, и именно въ эпизодѣ, представляющемъ параллель къ Еруслану. Ханъ Гужиръ наѣзжаетъ на тѣло погибшаго богатыря въ родѣ того, какъ Ерусланъ наѣзжаетъ на Расланя; этотъ богатырь Хухудой даетъ Ханѣ-Гужирѣ мечъ, подобно тому, какъ Расланей Еруслану, и проситъ убить чудовище Наранъ-Гэрэла; Наранъ-Гэрэла здѣсь, слѣдовательно, на мѣстѣ царя Огненный Щитъ; Хухудой даетъ совѣтъ богатырю, если ему не удастся сразу разрубить Наранъ-Гэрэла⁴⁾, скорѣе рубить во второй разъ. Слѣдовательно, совѣтъ совершенно противоположный тому, который даетъ Расланей Еруслану. Убивъ Наранъ-Гэрэла, Ханъ-Гужиръ вырѣзываетъ его печень и достаетъ изъ нея масло; это масло на мѣстѣ желчи, которую добываетъ Ерусланъ изъ печени царя Огненный Щитъ. Совѣтъ Хухудой не отвѣчаетъ совѣту Расланей, но во

¹⁾ Тамъ же, стр. 65. Въ вар. а у Афанасьева, стр. 53, солдатъ, чтобы напугать чертей, жѣрветъ землю въ аду, будто хочетъ строить соборъ; въ киргизской сказкѣ хитрый Аадаръ-козе жѣрветъ землю, чтобы узнать, гдѣ середина земли.

²⁾ Вост. мотивы, 166.

³⁾ См. *Reinhold Köhler*, Kleinere Schriften, Weimar, 1898, S 469. Въ турецкой сказкѣ Atola бьетъ дева; въ кабилской вмѣсто чудовища быкъ.

⁴⁾ Разсѣяніе пополамъ народное воображеніе видитъ въ сѣвахъ луны. Наранъ-Гэрэла по-монгольски „солнечный лучъ“ или „сіяніе солнца“; скорѣе бы ждать на этомъ мѣстѣ „лунный лучъ“, Саранъ-Гэрэла.

всякомъ случаѣ дѣло идетъ о томъ, какъ бить мечемъ. Можетъ быть, въ другихъ вариантахъ совпаденіе съ русской сказкой было полное; инородцы туруханскаго края для исцѣленія болѣзни вырѣзываютъ изъ дерева фигуру (въ видѣ рыбы или животнаго), олицетворяющую болѣзнь, и бьютъ ее деревяннымъ молоткомъ только разъ; повторенный ударъ можетъ только усилить болѣзнь.

Въ виду созвучія именъ Кáроль и Гэрэлъ при сходныхъ мотивахъ навязывается вопросъ, нѣтъ ли тутъ дѣйствительно чего нибудь большаго, чѣмъ случайное созвучіе. Правда, персонажи, носящіе эти имена, не совпадаютъ; въ угрорусской сказкѣ Кáроль богатырь, герой сказки, въ бурятской Гэрэлъ злое существо, убиваемое героемъ сказки. Но имя Наранъ-Гэрэлъ встрѣчается въ другихъ сказкахъ, какъ имя персонажа, ничего не заключающаго въ себѣ злого или чудовищнаго. Такъ, наприм., въ Шиддикурѣ именемъ Наранъ-Гэрэлъ называется царевичъ, котораго хочетъ погубить мачеха; она притворяется больной, какъ мать Ивана царевича въ сказкѣ Афанасьева № 119, и говоритъ, что выздоровѣетъ только въ томъ случаѣ, если у царевича Наранъ-Гэрэла вырѣжутъ сердце и дадутъ ей съѣсть. Если въ самомъ дѣлѣ въ угрорусской сказкѣ въ эпизодѣ о песиглавахъ стоялъ сюжетъ о матери или женщинѣ, искавшей погубить Кароля, то судьба Кароля въ такомъ случаѣ совпадала съ участіемъ Наранъ-Гэрэла въ Шиддикурѣ.

Во второмъ эпизодѣ Кароль является спасителемъ женщины, обреченной чертямъ. Въ южнорусскомъ преданіи Кирила-Кожемяка спасаетъ царевну, унесенную змѣей. Сходство только въ темѣ; обстановка темы подробностями другая. Отмѣчу только, что и тутъ и тамъ обнаруживается пристрастіе къ числу двѣнадцать; Кирила сразу разрываетъ *двѣнадцать* кожъ; въ побочныхъ сказкахъ или преданіяхъ объ умерщвленіи змѣи—двѣнадцать кузнецовъ, двѣнадцать молотковъ и пр. ¹⁾ Кароль, перебивъ всѣ злыя существа, увозитъ съ собой *двѣнадцать* кадей золота *двѣнадцать* кадей серебра.

Въ своихъ „Восточныхъ мотивахъ“ я высказался за тожество Наранъ-Гэрэла съ Наранъ-ханомъ бурятскаго преданія. Наранъ-ханъ, „Солнце-царь“—царь солоновъ, или солонготовъ ²⁾; преданіе рассказываетъ, что Чингисъ-ханъ или увозитъ у него дочь, или выдаетъ за него дочь свою замужъ. Въ обоихъ случаяхъ роется ровъ, по которому везутъ невесту; этотъ ровъ и валъ и теперь указываютъ въ Забайкальѣ и сѣверной Монголіи подъ названіемъ у русскихъ „вала Чингисъ-хана“, у монголовъ Чингисанъ-Харимъ. Въ первомъ случаѣ увозъ дѣвицы вѣроятно изображался, какъ насилие, похищеніе. Ровъ рыли для того, чтобы спасти невесту и

¹⁾ См. Вост. мотивы, 819.

²⁾ Солонготъ—множ. число отъ солонъ.

кортежъ ея отъ гонящагося за ними Наранъ-хана, которому сказка приписываетъ свойство жечь лучами ¹⁾; слѣдовательно, это персонажъ въ родѣ царя Огненный Щитъ и въ родѣ Царь-дѣвницы, которая гонится съ жгущимъ щитомъ. Въ виду этого отождествленія Наранъ-хапа съ Огненнымъ Щитомъ я думаю, что и о Наравъ-Герэль-ханѣ, печень котораго вырѣзалъ Ханъ-Гужиръ, тоже передавалось, что онъ жегъ лучами (герэль—лучъ), а съ другой стороны, что имя Наранъ-ханъ могло передаваться сложнѣе въ формѣ Наранъ-Герэль-ханъ, т. е. что форма Герэль ставилась иногда въ преданіяхъ рядомъ съ именемъ Чингисъ-ханъ. Герэль былъ царь слоновъ, противникъ Чингисъ-хана.

Съ именемъ Кирила-Кожемяки также связанъ валъ, но происхожденіе его объяснено иначе; въ русскомъ преданіи Змѣеборецъ пашетъ землю на Змѣѣ, проводитъ борозду: вотъ отчего образовался Змѣевъ валъ подъ Кіевомъ. Мотивы проведенія борозды не объяснены.

Кароль идетъ къ песиглавцамъ. На пути—старецъ-отшельникъ, который молится Богу. Старецъ даетъ Каролю разные обереги, трехъ собакъ, мазь и мѣдный пруть. Кароль приходитъ къ песиглавцамъ; они водятъ его съ коварнымъ умысломъ по своимъ кладовымъ и показываютъ свое богатство, груды золота и серебра.

Въ такъ называемой солунской легендѣ на славянскаго апостола Кирилла перенесена очевидно какая-то народная сказка. Кириллъ идетъ въ страну болгаровъ; на пути къ нимъ въ Солуни заходитъ къ митрополиту; тотъ его отговариваетъ, говорить, что болгары челоуѣкоядцы. Песиглавцы, какъ это видно изъ другихъ преданій объ нихъ, синонимъ челоуѣкоядцевъ, и слѣдовательно Кароль попалъ къ челоуѣкоядцамъ; дружественно относящійся солунскій митрополитъ какъ будто на мѣстѣ старца-отшельника. Обереги, которые отшельникъ давалъ Каролю, въ солунскую легенду не попали. Съ другой стороны подробности солунской легенды, какъ наприм. осада Солуни болгарами и требованіе выдачи Кирилла, „говорящій голубь“, роняющій какой то „зборькъ“, въ угрорусской сказкѣ никакими намеками не представлены, но за то въ другихъ преданіяхъ о Кириллѣ мы находимъ еще нѣкоторые намеки на сказку о Каролѣ.

¹⁾ Въ другомъ вариантѣ ровъ нуженъ былъ для того, чтобы скрыть невестку отъ тещи; таковъ обычай, соблюдаемый въ монгольскихъ семьяхъ—тестя не должны видѣть лицо невестки. Въ арабской сказкѣ (Cosquin, II, 365) царь посылаетъ молодого челоуѣка въ опасныя мѣста съ расчетомъ, что онъ тамъ погибнетъ, въ родѣ того, какъ въ монгольской сказкѣ Гули-ханъ посылаетъ Ханъ-Гужира достать желчь Наранъ-Герэль-хана. (Записки Вост.-сиб. Отд. Геогр. Общ. по вѣд., т. I, в. I, ст. 149), и въ заключеніе поручаетъ ему принести дочь султана Зеленой Земли; молодой челоуѣкъ привозитъ, но принцесса говоритъ, что на ея родинѣ свадебный обрядъ совершается такъ: роютъ ровъ до рѣки, по краямъ его раскладываютъ огонь, и женихъ бросается черезъ огонь въ рѣку.

Песиглавцы пытаются отравить Кароля, но Кароль плеснул одну ложку предложенной ему пищи собакамъ, та замахала головой, и Кароль не сталъ есть. Сарацины, которые въ другихъ преданіяхъ стоятъ, можетъ быть, на мѣстѣ челоуѣкоядцевъ солунской легенды, пригласили Кирилла на обѣдъ и дали ему испить яду, но Господь спасъ его, какъ коротко, къ сожалѣнію, говорить преданіе ¹⁾).

Подобно песиглавцамъ, водившимъ Кароля по палатамъ, заваленнымъ золотомъ, и сарацины провели Кирилла по храминамъ своего царя. Показавши ему все богатство и храмины, украшенныя золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями и бисеромъ, они сказали ему: „виждь фѣлософе, дивное чудо, сила велика и богатство много амерымѣино владыки срацинска“ ²⁾).

Въ монгольскихъ преданіяхъ показываніе богатства связано съ именемъ какого-то богатаго хана Кункэра ³⁾. Когда Абдыль-хотонъ, посланный царемъ Едженъ-хавомъ за кораллами для украшенія строящагося дворца, зашелъ въ царство Кункэра, его впустили въ кладовую, гдѣ хранились кораллы, а потомъ, чтобы онъ подивился богатству Кункэръ-хана, провели его подлѣ золотой горы, отъ которой подданные Кункэра отламываютъ куски золота. Абдыль-хотонъ украдкой набралъ въ свою пазуху и коралловъ и золота, а когда ему подарили золотую монету, онъ ее бросилъ и о достоинствѣ драгоценностей Кункэръ-хана отозвался съ презрѣніемъ; вернувшись къ своему хану, онъ хвалится, что и драгоценности принесъ, за которыми его посылалъ ханъ, и славу своего хана, какъ богатаго хана, не уронилъ ⁴⁾. Богатое царство Кункэра повѣрье помѣщаетъ на западѣ, т. е. тамъ же, гдѣ монгольское повѣрье помѣщаетъ и своихъ: *мохой-эрти*, *мохой-ертэ*, *мохой-еритя*, т. е. людей съ собачьими головами, ⁵⁾, съ ко-

¹⁾ *Библасовъ*, Кириллъ и Мессодій, Сиб., 1871, стр. 154.

²⁾ *Ibid.*, 152 Въ другихъ спискахъ не амерымѣино, а *амаеримно*, *амаеримно*. На домахъ въ сарацинскомъ царствѣ, правда не во всѣхъ, а только христианскихъ, изображены различные „образы демонскіе, странные и гнусныя вещи“. Если сарацины стоятъ на мѣстѣ челоуѣкоядцевъ, то не будетъ ли это мѣсто затемненныхъ отголоскомъ разсказа повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ о змѣяхъ, которые были нарисованы „на хоромахъ на каждомъ бревнѣ, и на дверяхъ, и на окошкахъ“ (А. Н. Веселовскій. Отрывки изъавт. эпоса въ русскомъ, въ Славянск. Сборникѣ, III, 127).

³⁾ Кункэръ-ханъ по телегитскому повѣрью въ Алтаѣ „ежедневно умираетъ и снова возрождается, такъ что вѣчно живетъ“. (Очерки с.-в. Монг. IV, 321); слѣдовательно, это персонажъ въ родѣ русскаго папы римскаго, остяцкаго Тунгъ-поха и сойотскаго Джедай-хана. (См. Вост. мотивы, 459). То же повѣрье монголы связываютъ съ далай-хамой (см. Этногр. Обзор. кн. XX, стр. 10; и Памятники древн. письменности и искусства, СХХХІІІ, 1899 г. въ старинной статьѣ „Вѣдомость о кит. землѣ и глуб. Индѣи“. стр. 30).

⁴⁾ Очерки с.-в. Монг. IV, 321.

⁵⁾ *Ibid.*, 322. Ордокское повѣрье помѣщаетъ собачье царство, *мохой-барласу*, на сѣверовостокѣ (Танг.-тиб. окраина Китая, II. 351).

горыми, впрочемъ, разсказъ, записанный мною, не соединяетъ представленія о золотѣ и богатствѣ, но изображаетъ все же, какъ и другія повѣрья, человѣкоядцами.

Въ русскихъ сказкахъ встрѣчается Золотая гора. У Чубинскаго въ сказкѣ № 51 „Про Золоту гору“¹⁾ передается, что три брата, странствуя, заночевали въ лѣсной хатѣ; возлѣ былъ мостъ; по этому мосту идетъ ночью змѣй; младшій братъ семилѣтокъ убиваетъ его; въ слѣдующія ночи онъ убилъ еще двухъ змѣевъ; эти поединки съ змѣями происходятъ на Золотой горѣ; по убійствѣ трехъ змѣевъ, братья берутъ отъ горы *золото*. Гора указываетъ на какое-то высокое положеніе, можетъ быть на небо; „Золотая“—эпитетъ, придаваемый въ ордынскій терминологіи Полярной звѣздѣ: *Золотой* колъ, Золотой гвоздь. Алтайское повѣрье знаетъ *Золотую* гору, Алтынъ-ту, которая съ неба виситъ внизъ и только на локоть не достигаетъ земной поверхности. На вершинѣ монгольской міровой горы Сумбырь народное повѣрье помѣщаетъ храмъ и Полярная звѣзда, это—*Золотая* маковка на этомъ храмѣ²⁾. Если подѣ Золотой горою дѣйствительно слѣдуетъ угадывать Полярную звѣзду, то подѣ мостомъ (въ сказкахъ и былинахъ это часто калиновый мостъ), служащимъ дорогой, по которой ходитъ Змѣй (Змѣева гора) придется подразумѣвать Млечный путь. У Афанасьева въ сказкѣ „Золотая гора“, № 136³⁾, Золотая гора находится на островѣ въ морѣ; купецъ ѣздитъ туда съ работникомъ, котораго поить соннымъ зельемъ и зашиваетъ въ шкуру лошади; вѣроны поднимаютъ мнимую пададь на гору; работникъ спускаетъ съ вершины горы накопанное золото; купецъ уплываетъ съ золотомъ, оставляя работника на горѣ (подобно тому, какъ братья оставляютъ коровьяго сына въ подземельѣ). Уже девяносто девять такихъ обманутыхъ людей погибло на вершинѣ горы. Работника спасаютъ кремь и кресало, подаренныя ему дѣвницей; при ударѣ кремня о кресало явились два челоѣка, которые спустили его съ горы. Теперь работникъ перехитрилъ купца: онъ въ свою очередь напоилъ его соннымъ зельемъ и зашилъ въ шкуру, и когда тотъ, занесенный вѣронами на вершину горы, накопалъ и спустилъ золото внизъ, работникъ уплываетъ, оставивъ купца на горѣ на вѣки. Эта тема, обмѣнъ мѣстомъ, при чемъ второй персонажъ обреченъ на вѣчное прикрѣпленіе къ мѣсту, кажется, указываетъ на Полярную звѣзду⁴⁾.

Птицы, переносящія челоѣка на гору въ шкурѣ жнвотнаго, повидимому, принадлежатъ къ категоріи разсказовъ о добывавіи драгоцѣнныхъ камней; по монгольскому повѣрью благовонное де-

¹⁾ Чубинскій, II, 167

²⁾ Вост. мотивы, 330.

³⁾ Афанасьева, II, 118.

⁴⁾ См. Вост. мотивы, 197, 479

рево Зандонъ, стоящее на мѣстѣ драгоцѣнныхъ камней западныхъ преданій, приносится птицей Ханъ Гарики ¹⁾; на отношенія этой птицы къ Полярной звѣздѣ мною указано въ „Вост. мотивахъ“ ²⁾.

Ни у Чубинскаго, ни у Афанасьева герою не придается необыкновеннаго происхожденія (у перваго это семилѣтокъ, одинъ изъ трехъ сыновей, у втораго работникъ), но одна сказка у Садовникова заставляетъ подозрѣвать таковое; у Садовникова въ сказкѣ № 34 „Медвѣжій сынъ“ ³⁾ женщина, увлеченная медвѣдемъ въ берлогу, родила сына; сынъ убиваетъ отца—медвѣдя, какъ въ аварской сказкѣ „Медвѣжье ухо“, и выходитъ съ матерью на ея родину; но онъ не годится для человѣческаго общества: кого схватить за руку,—рука прочь, за голову,—голова прочь. Чтобы отдѣлаться отъ него, его посылаютъ на мельницу, гдѣ было много чертей; „въ полночь черти облѣпили всѣ колеса“. Медвѣжій сынъ избилъ ихъ всѣхъ; тогда пришелъ самъ сатана, пообѣщавъ ему золота и просилъ уйти. Медвѣжій сынъ насыпалъ себѣ золота и ушелъ. Мельницу, какъ средство отдѣлаться отъ богатыря, находимъ также и въ сказкѣ у Чубинскаго, № 50 „Про охоту“ ⁴⁾, которая содѣйствіемъ сходна съ угрорусскою сказкой о Кáролѣ. Герою сопутствуютъ, какъ и Кáролю, помогающіе животныя, только здѣсь не собаки, а левъ, медвѣдь, волкъ, лисица и соколъ. Сестра героя измѣнница, живетъ съ Змѣемъ (какъ мать Ивана царевича съ Огненнымъ царемъ въ сказкѣ у Афанасьева); она посылаетъ брата въ опасныя поѣздки; послѣдняя поѣздка имѣетъ цѣлью принести муки изъ мельницы; у мельницы двѣнадцать дверей, соответствующихъ „хижамъ“ сказки о Кáролѣ; герой проникъ до самой задней комнаты, захватилъ муки, но долженъ былъ опрометью скакать на волю; двери одна за другой захлопывались, и послѣднія отскли хвостъ у его лошади; самъ онъ высочилъ, но охота его т. е. звѣри остались въ мельницѣ. Змѣй хочетъ съѣсть вернушагося богатыря; но богатырь взмогся на столъ и поджидаетъ охоту. Звѣри грызутъ двери мельницы; прогрызли всѣ двѣнадцать, приближали и разорвали змѣя.

Въ своихъ „Восточныхъ мотивахъ“ для сравненія съ славянскими преданіями я воспользовался также одной монголо-тибетскою сказкой. Эрдени-Хараликъ совершаетъ поѣздку для того, чтобы привезти своему народу предметъ, который можетъ доставить ему благоденствіе. Это—дѣвица Билге-виликъ. Онъ ѣдетъ за нею въ страну Удаюну не смотря на то, что его предупреждали, что Удаюна населена человѣкоядцами (когда Кáроль отправляется странствовать и входитъ въ лѣсъ, его предупреждаютъ, что этотъ лѣсъ

¹⁾ Очерки с.-в. Монг. IV, 188; см. также Вост. мотивы, 449.

²⁾ Стр. 650.

³⁾ Сказки и прел. Самарск. края, Сиб., 1884, стр. 150.

⁴⁾ Чубинскій, т. II, стр. 157—167.

населенъ чертями или пропазниками). Хараликъ можетъ исполнить свою задачу только въ томъ случаѣ, если онъ добудетъ сердце и печень коровы Куринъ, которая мечетъ пламенемъ. Судьба Харалика похожа на судьбу бурятскаго Ханъ-Гужира; этотъ богатырь получить руку дочери Гули-хана только въ томъ случаѣ, если онъ принесетъ масло изъ печени Наранъ-Гэрэла (который, по моему предположенію, жегъ своими лучами). Хараликъ сначала благополучно минуетъ отвратительныхъ асуровъ, потомъ добываетъ сердце и печень коровы, и получаетъ возможность доставить дѣвицу своему царству ¹⁾.

Два эпизода, сначала эпизодъ съ собаками или звѣрями, которые помогаютъ герою, брату измѣнницы сестры или матери, и попадаютъ въ западню, но выдираются изъ нея, потомъ эпизодъ съ дѣвицей, обреченной на съѣденіе чудовищу или змѣю, расположенные именно въ этомъ порядкѣ, находятся въ вѣкоторыхъ вариантахъ сказки, которая иногда получаетъ названіе „Звѣриное молоко“. Такъ напримѣръ эти два эпизода можно найти у Афанасьева, № 118 „Звѣриное молоко“, вар. с ²⁾, и у Романова, № 2 „Пуща драмуша“, № 3 „Хортки“ и № 4 „Мѣдзяный воликъ“ ³⁾. Схема сказки такая. Герой, иногда это Иванъ-царевичъ, живетъ уединенно съ своей сестрой, иногда матерью. ⁴⁾ Женщина спознается съ змѣей или съ разбойникомъ ⁵⁾ и старается сгубить

¹⁾ Хараликъ не убиваетъ корову Куринъ, а только заявляетъ желаніе имѣть ея сердце и печень, и корова сама умираетъ. Король же убиваетъ третьяго нищаго, а только молится, и нищій (чортъ) умираетъ.

²⁾ Афанасьевъ, II, стр. 8.

³⁾ Романовъ, III, стр. 40.

⁴⁾ Первый эпизодъ передается и въ видѣ отдѣльной сказки, безъ разсказа о царевнѣ, обреченной змѣю, какъ напримѣръ, у Афанасьева, № 118, „Звѣриное молоко“, вар. а и в, у Романова, № 1 „Звѣриное молоко“, № 7 „Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ“, № 8 „Иванъ Златовусъ“, у Чубинскаго, № 48, „Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ“ и у Садовникова, № 11 „Воликъ, мѣдзяный лѣбъ“.

⁵⁾ Разбойники являются у Афанасьева № 118 вар. в и у Романова, № 2. У Романова братъ и сестра, осиротѣвшіе послѣ смерти отца, находятъ въ лѣсу домъ изъ 12 покосовъ, въ которомъ живутъ двѣнадцать разбойниковъ; братъ убитъ изъ пухъ одиннадцать, двѣнадцатый спрятался подъ печь; атотъ поглядный заводитъ связь съ сестрой и въ союзъ съ ней убиваетъ ея брата (стр. 41). У Афанасьева братъ одинъ пошелъ къ лѣсу, набрелъ на домъ, вошелъ въ него, вшелъ въ немъ наду съ виномъ и плавающимъ въ немъ кошомъ, сѣлъ на стулъ возлѣ кадки и привялся пить; входятъ двѣнадцать разбойниковъ, также садятся вокругъ кадки и одному изъ нихъ не достаетъ стула; начинается ссора изъ-за стула, переходитъ въ драку и герой сказки убиваетъ всѣхъ, за исключеніемъ атамана, который спрятался въ уголъ за бочку. Потомъ онъ насыпаетъ золота въ плетушку и относитъ сестрѣ. Сестра въ союзъ съ атаманомъ хочетъ погубить брата, посылаетъ его за яблоками въ садъ, гдѣ живутъ 24 разбойника и гдѣ также было много накоплено всякаго богатства, золота и драгоцѣнныхъ камней; онъ убиваетъ всѣхъ 24 разбойниковъ (стр. 8). Въ этой картинѣ сквозятъ черты нѣ народныхъ представленій о созвѣздіи Плеяды. Число 24 есть удвоеніе двѣнадцати, а 12 есть удвоеніе

Ивана-царевича; она притворяется больной и посылает брата за звѣринымъ молокомъ, сначала за заячьимъ или лисьимъ, а когда Иванъ-царевичъ привозитъ его, не погибнувъ въ дорогѣ, то за волчьимъ, медвѣжьимъ, лъвиннымъ, лосинымъ и др. Звѣри не только даютъ молока, но каждый звѣрь даетъ герою въ подарокъ по звѣренку. Подъ конецъ у Ивана-царевича составляется защита изъ нѣсколькихъ звѣрей. Когда всѣ роды звѣринаго молока добыты, коварная женщина посылаетъ богатыря достать мучной пыли съ какой-то мельницы, у которой двѣнадцать комнатъ и двѣнадцать дверей; богатырь добываетъ пыль и успѣваетъ выскочить прежде, чѣмъ захлопнулись двери, но звѣри очутились въ западнѣ¹⁾. Змѣй любовникъ увѣренъ, что безъ звѣрей онъ одо-

шесть; монголы насчитываютъ въ Плеядахъ шесть звѣздъ. По бурятскому повѣрью на Плеядахъ устриваются суглавы боговъ т. е. собранія или засѣданія. (Вост. мотивы, 583); по осетинскому представленію Плеяды это собраніе вѣрующихъ вѣртовъ (богатырей); они сидятъ вокругъ бочки съ виномъ; одна изъ звѣздъ въ центрѣ—это бочка (Очерки сс. Монг., IV, 730). Монгольское преданіе приписываетъ Плеядамъ злой (разбойническій?) характеръ и рассказываетъ, какъ королева и верблюдъ рѣшились раздавить это чудовище копытомъ, но оно распалось на части, и только одна часть была раздавлена, а шесть частей ускользнули и видны теперь на небѣ въ видѣ шести звѣздъ Плеядъ; въ одномъ вариантѣ вмѣсто королевы кова, въ которомъ ѣдетъ Идыгавъ (т. е. Б. Медвѣдица). Къ Плеядамъ же, вѣроятно, относятся и другіе рассказы о чудовищѣ, распадомъ на части, изъ которыхъ только одна часть ускользаетъ отъ гибели или о компаніи людей, изъ которыхъ только одинъ спасается отъ смерти (Вост. мотивы, 567). У Аванасьева герой садится на стулъ, приходитъ двѣнадцать разбойниковъ, одному стула не хватаетъ (вмѣстѣ на преданіе о Плеядахъ, потерявшихъ одну изъ своихъ звѣздъ, Оч. сс. Монг., IV, 193) следовательно, всѣхъ стульевъ было двѣнадцать; такое же представленіе въ одной угро-русской сказкѣ. Овечій пастухъ убиваетъ поочередно прилетающихъ въ садъ шарканей (драконовъ, съ венгерскаго *szarkaij*) съ 6 головами, потомъ съ 12-ю, потомъ съ 24 головами, предварительно опьяняя ихъ виномъ; потомъ онъ нашелъ 12 ключей, отперъ 12 кладовыхъ, въ двѣнадцатой по срединѣ золотой столъ, кругомъ его 12 золотыхъ креселъ; онъ сѣлъ на одно изъ нихъ и увидѣлъ на стѣнѣ 12 мажъ (родъ вѣса, грузъ на одну телегу) бегерей (палочекъ для цимбаловъ); одинъ бегерей онъ ударилъ по столу, явилось 12 юношей и спрашиваютъ: что прикажете? Онъ попросилъ ѣсть и привести платье. Тутъ онъ и остался жить; это было жилище убитыхъ шарканей (Записки научоваго товариства іменіи Шевченка під ред. М. Грушевскаго, т. XXIX, [1899 г., т. III], Львовъ, стр. 128—130). Другая сходная сцена находится во французской пѣснѣ о вояжѣ Карла Великаго въ Іерусалимъ. Карлъ входитъ съ своими двѣнадцатью перами въ храмъ въ Іерусалимѣ и видитъ тутъ тринадцать креселъ; онъ садится на одно изъ нихъ, а на двѣнадцати остальныхъ разсѣиваются шеры. Входитъ въ храмъ еврей, приходитъ въ ужасъ отъ грознаго вида Карла и бѣжитъ извѣстить объ этомъ патріарха. Карлъ получаетъ отъ патріарха мощи и святые реликвіи. Не была ли эта сцена въ угро-русской сказкѣ о Карлѣ, именно въ разсказѣ о песняницахъ, 12 комнатахъ, вѣдомыхъ золотомъ, и о запертыхъ собакахъ? Въ русской былинѣ у каменя Латыря на горѣ Фаварѣ въ соборной церкви 12 престоловъ (Рыбн., I, № 60).

¹⁾ Захлопывающіяся двери представленіе, вѣзвивающее толкучимъ горамъ и бодающимъ баранамъ другія сказокъ; герой вѣзжаетъ въ покои на ковъ и когда выѣзжаетъ изъ нихъ, то самыя наружныя двери, смыкаясь, отсѣкаютъ

лѣтъ противника; онъ хочетъ съѣсть богатыря; тотъ упрашиваетъ позволить ему передъ смертью вымыться въ банѣ ¹⁾; получивъ разрѣшеніе, онъ старается оттянуть время, такъ какъ голубь или воронъ говоритъ ему, что звѣри съ успѣхомъ грызутъ двери своей тюрьмы и скоро освободятся сами и его освободятъ ²⁾. Кончается тѣмъ, что звѣри дѣйствительно првбѣгаютъ и разрываютъ змѣя, а Иванъ-царевичъ казнить свою сестру. Затѣмъ царевичъ попадаетъ въ страну, одержимую змѣемъ; населеніе принуждено поочередно давать ему на съѣденіе людей; очередь пала на царевну; царевичъ убиваетъ змѣя, освобождаетъ царевну, но не слѣдуетъ за ней во дворецъ; другой человѣкъ, иногда

ковю хвостъ; тутъ случилось то же, что и въ другихъ сказкахъ, когда герой пролѣзаетъ между толстыми горами на обратномъ пути. У *Афанасьева*, № 118, вар. с., мельница имѣетъ двѣнадцать *железныхъ* дверей; Иванъ-царевичъ достаетъ мучную пыль; въ вариантахъ же, помѣщенномъ подъ строкой, Иванъ-царевичъ достаетъ для сестры живущую и пьющую воду, находящуюся между двухъ высокихъ горъ, которыя разъ въ сутки расходятся и черезъ двѣ-три минуты опять сходятся (стр. 11). У *Романова* № 2 Иванъ-царевичъ приноситъ илу (мучной пыль) изъ „Заклятой“ мельницы, въ которой двѣнадцать звѣзцовъ и двѣнадцать камней (стр. 42); въ № 3 илѣ изъ-подъ послѣдняго изъ двѣнадцати камней мельницы въ прудъ, что черти мелятъ (стр. 47); въ № 4 прудъ, въ немъ двѣнадцать дверей; нужно принести „пылку“ изъ-подъ самаго большаго камня (стр. 53); въ № 5 вар. а царю, что самъ на прудъ молотся, самъ пекся (стр. 58); въ вар. б привосится промоль, который взять у „вятраку“ за двѣнадцатью дверями подъ камнемъ; въ № 7 вмѣсто мельницы двѣнадцать покоевъ, въ которыхъ живетъ змій (стр. 65). У *Садовникова* № 11 чортова мельница, у ней семь *железныхъ* дверей; приноситъ пыль. У *Чубинскаго* въ № 48 мельнѣ, у котораго двери затворяются (стр. 148); въ № 49 мельнѣ съ 12 дверями (стр. 156). У *Худякова*, въ I, № 10 достается пыльца съ мельницы; старикъ, который сидитъ на мельницѣ, запираетъ звѣрей Ивана-царевича (стр. 43). У *Афанасьева* въ № 118 вар. а звѣри есть, во помощь оказываютъ не они, а мужичекъ съ кулачокъ; мельницами нѣтъ, вмѣсто нея Жаръ-птица, которая проглатываетъ мужичка съ кулачокъ (стр. 4); въ вар. б нѣтъ ни звѣрей, ни мельницы; сестра посылаетъ брата въ какой-то садъ достать яблоковъ; въ саду домъ, въ которомъ живутъ двадцать четыре рабѣйника и въ которомъ собрано большое богатство, золото, серебро, драгоценные камни (стр. 8).

1) У *Чудинскаго* (II, 150) Иванъ-царевичъ, вымывшись въ банѣ, влѣзаетъ на яворъ, чтобы проститься съ бѣлымъ свѣтомъ, свиститъ три раза, послѣ третьяго свиста прибѣгаетъ его охотъ, двѣ собаки. Въ другомъ вариантѣ (ib., 156) Иванъ-царевичъ играетъ въ свистилочку, сидя на золотой яблонѣ. У *Афанасьева* № 118, вар. д, Иванъ королевичъ передъ смертью поетъ три пѣсни (стр. 13). У *Романова* (III, 65) трубить въ трубу. У *Худякова* сестра, чтобы отвести за смерть своего любовника, убила брата и тѣло его похоронила на столбѣ (I, 44); у *Романова* она кладетъ его въ бочку (ib., 65), въ которую вагоняетъ 12 обручей и бросаетъ въ море (ib., 59); у *Чубинскаго* (165) смоляная бочка.

2) Воронъ у *Афанасьева* № 118, вар. с (стр. 11), вар. б (стр. 13), у *Романова*, въ № 7, стр. 66; крукъ у *Романова* № 3, стр. 47, № 5, стр. 58; вырѣя у *Романова*, № 2, стр. 43 (въ вар. подъ строкой голубы; голубки у *Романова* № 8, кн. 69; соколъ у *Садовникова* № 11, стр. 71. Птица обыкновенно говорить Ивану-царевичу: „Не столько топи, сколько жѣшай! твои звѣри уже трои двери прогрызли“, потомъ 6 дверей и т. д.

водовозъ, выдаетъ себя за спасителя царевны, царь готовится отдать за него свою дочь, но въ-время является настоящій он спаситель; самозванецъ изобличевъ ¹⁾, а герой сказки женится на царевнѣ. „Звѣриное молоко“ представляетъ полную редакцію сказки, а угрорусская сказка о Каролѣ есть передача той же сказки съ важными пропусками. Такъ она ничего не знаетъ о сестрѣ героя.

Нѣкоторые варианты этой сказки начинаются длиннымъ и сложнымъ введеніемъ, въ которомъ описывается предыдущая исторія брата и сестры. Царь, очутившись въ затруднительномъ положеніи, общается злему существу отдать своихъ дѣтей. Въ урочное время злое существо приходитъ за дѣтьми; царь спряталъ ихъ, но они найдены и унесены. Находятся инокровительствующія животныя, которыя стараются спасти дѣтей и унести ихъ на себѣ, но злое существо договяетъ и возвращаетъ ихъ. Одному изъ животныхъ удастся, наконецъ, спасти дѣтей; оно переноситъ ихъ черезъ воду, черезъ которую погоня попасть не можетъ. Насильникомъ, захватившимъ дѣтей, въ разныхъ сказкахъ являются разные лица: у Афанасьева въ № 117 Царь-медвѣдь, а № 118, вар. с, медвѣдь съ *желѣзною* шерстью (въ подстрочномъ вариантѣ *желѣзный* волкъ), у Романова въ № 5 баба-юга, въ № 4 мѣдный волкъ, въ № 5, вар. а, Юда, беззаконный чортъ, вар. б Юда-провнуститяль, въ № 7 змѣй; у Садовникова въ № 11 волкъ, мѣдный лобъ, у Чубинскаго въ №№ 48 и 49—змѣй.

Отецъ прячетъ обреченныхъ дѣтей или на вершинѣ *столба* (у Афанасьева, № 118, вар. с) или въ слуйѣ (у Чубинскаго, № 48), въ погребѣ (*ibid.*, № 49, и у Афанасьева, № 117), въ склепѣ (у Романова, № 5), въ подвалѣ (у Садовникова, № 11).

Дѣти, однако найдены, насильникомъ; убѣжище, гдѣ они скрывались, указываютъ насильнику у Романова въ № 5 половникъ (послѣ того, какъ головни, ченяло, вилки и иомяло, опрошенные Юдой, отказались открыть ему тайну ²⁾), у Садовникова въ № 11 кочерга ³⁾, у Чубинскаго въ № 48 долото (кочерга, рогачь, еокира, спрошенные раньше, отказались показать), въ № 49 долото; брошенное, оно падаетъ на мѣсто, гдѣ спрятаны дѣти ⁴⁾.

1) Средствомъ изобличенія служатъ по большей части предусмотрительно выраженные языки наъ головъ змѣй и спрятанные подъ камень, иногда шнурки, повязанные спасенною царевной на шею австрій помощниковъ, иногда перстень или половина перстня, которую царевичъ получаетъ отъ царевны, разставнаясь.

2) Романовъ III, 56.

3) Садовникова, 67.

4) Чубинскій, II, 140 и 152. Шаманы гадаютъ и открываютъ украденное и спрятанное бросая орбо, бубенную колотушку на ямаю; гадаютъ ли они посредствомъ *дорьби*, т. е. посредствомъ жезловъ, нитящихъ верхній конецъ согнутымъ въ видѣ кочерги, мнѣ неизвестно. Ср. вост. мотивы, 715.

Изъ неволи дѣтей уносить бычокъ, или воликъ ¹⁾, или лось ²⁾ погоня догоняетъ бѣглецовъ у рѣки, или у озера, или у огненного моря ³⁾, но дѣти махаютъ хусткой ⁴⁾ или утиральникомъ ⁵⁾ и образуется мостъ черезъ воду, который исчезаетъ, когда дѣти перешли на другую сторону; погоня или остается на другомъ берегу ⁶⁾ или тонетъ въ водѣ ⁷⁾.

Такимъ же введеніемъ начинается и урянхайская сказка объ Ерь-сару ⁸⁾: старикъ подошелъ къ рѣкѣ; Джельбага схватилъ его за бороду и грозитъ съѣсть его; старикъ пообѣщалъ отдать ему своихъ трехъ дочерей, если онъ отпуститъ бороду, и, получивъ свободу, укрѣпился въ прежнемъ мѣстѣ, а дѣтей не взялъ съ собою; Джельбага овладѣлъ дѣтьми. Они убѣгаютъ отъ него; по дорогѣ бросаютъ сначала гребень, потомъ брусъ; гребень обращается въ лѣсъ, брусъ въ каменную гору; Джельбага топоромъ прокладываетъ себѣ дорогу. Дѣти добѣгаютъ до рѣки, бобръ перевозитъ ихъ на другую сторону, а Джельбага не можетъ переплыть рѣку и тонетъ ⁹⁾.

¹⁾ Афанасьевъ, II, 4, 6; Романовъ, III, 56, Чубинскій, II, 142 и 154.

²⁾ Романовъ, III, 51.

³⁾ Афанасьевъ, II, 4.

⁴⁾ Романовъ III, 51 и 56; Чубинскій, II, 143 и 154.

⁵⁾ Афанасьевъ, II, 4.

⁶⁾ Аф., II, 4; Ром., III, 57. (?); Чубинскій, II, 143, Садовн., 68.

⁷⁾ Аф., II, 6; Ром., III, 51.

⁸⁾ Очерки сиб. мифол., IV, 341.

⁹⁾ У Афанасьева (II, 4), баба-яга (ibid 10), у Романова баба-яга (III, 46) Юда (57 и 60). змѣй. (64), у Чубинскаго (II, 143 и 154) змѣй, у Садовникова волкъ-мѣдный лобъ (стр. 68) остаются на другомъ берегу рѣки или моря (у Афанасьева, стр. 4 и у Романова стр. 46 это море *огненное*) медвѣдь-железный шерсть у Афанасьева (II, 6) тонетъ въ водѣ, мѣдный волкъ у Романова (III, 51) переплываетъ только до половины моря и остается на купнѣ. Дѣти не всегда переходятъ черезъ воду по мосту; въ одномъ вариантѣ (у Садовникова стр. 68) дѣти зарѣзали быка, который увелъ ихъ отъ волга — мѣдно-го-лаба, сняли съ него шкуру и на этой шкурѣ переплыли черезъ море. Ср. Федоръ Ворна, убѣгая изъ Вавилона, переплываетъ черезъ море на коврѣ, который былъ вышитъ вавилонской дѣвицей (Н. Н. Ждановъ, Русск. былевой эпосъ стр. 11). Въ таягурской легендѣ убѣгающій Балъ-Дарчи переплываетъ рѣку на волѣ (у Афанасьева, № 117 въ вариантѣ подъ строкой, стр. 4 вмѣсто бычка дѣтей спасаетъ и перевозитъ черезъ море конь), погоня остается на другомъ берегу (Танг.—тиб. окр. Китай, II, 250). Въ монгольской повѣсти о Гесерѣ семь альбиновъ переплываютъ черезъ море на семи деревянныхъ лошадяхъ, которыхъ имъ далъ Гесеръ и которыхъ онъ своимъ волшебствомъ одарилъ способностью ходить по сушѣ и водѣ, но когда альбины вышли на середину моря, деревянные кони вернулись къ Гесеру, оставивъ альбиновъ въ морѣ, и они утонули (Die Thaten Gesser-chan's, S. 38); альбины тутъ въ мѣстѣ Джельбаги урянхайской сказки, который тоже доплылъ только до середины рѣки, имѣя въ рукахъ стебель травы дягиля, взятый имъ по совѣту бобра; бобръ является такимъ же другомъ дѣтей, какъ въ русскихъ сказкахъ бычокъ. Въ саянскомъ преданіи богатырь Кусеръ (можетъ быть то же, что Гесеръ) пускаетъ стрѣлу въ берегъ Желтой рѣки, вода рѣки уходитъ въ образовавшуюся отъ стрѣлы трещину и Кусеръ переходитъ на другой берегъ по сухому дну. (Танг.—тиб. окр. Китай, II, 300). Въ монгольскомъ преданіи о рѣкѣ Орховѣ Гадантъ, олет-

Боберъ указываетъ дѣтямъ на три ели, стоящія на томъ берегу, на который онъ перевезъ ихъ, и совѣтуетъ имъ залѣзть на нихъ, что они и сдѣлали ¹⁾ Урянхайская сказка ваходится въ большомъ соотвѣтствіи съ русской, только въ русской, дѣти, сидящія на вершинѣ столба, номѣщены до рѣки, а въ урянхайской дѣти на вершинѣ дерева послѣ рѣки ¹⁾.

Другая сказка съ сходнымъ содержаніемъ записана у минусинскихъ татаръ ²⁾. Акъ-ханъ уѣзжаетъ изъ дому, не смотря на то, что жена его Алтынъ-Арыгъ предупреждаетъ его, что она беременна. Ханъ встрѣчаетъ Катай-хана, который ѣздитъ на сороконогомъ быкѣ. Акъ-ханъ, пьяный, обѣщаетъ отдать Катай-хану не только дочь, но и ожидаемаго сына. Вернувшись домой, Акъ-ханъ забылъ и думать объ исполненіи обѣщанія; Катай-ханъ самъ пріѣхалъ за дѣтьми и убилъ Акъ-хана, но лошадь Акъ-хана убѣжала. Катай-ханъ бросилъ дѣтей Акъ-хана морскому чудовищу Kiro-Balak. Послѣ смерти Акъ-хана и его жены Sâdei-Mirgân присвоилъ ихъ богатство, а найденныя на морскомъ берегу тѣла дѣтей. Акъ-хана бросилъ въ семидесятисаженную яму и къ этой могилѣ приставилъ стражу изъ семи богатырей. Вскорѣ потомъ родился богатырскій конь (Heldenfüllen), котораго Sâdei-Mirgân тщетно пытался убить. Жеребенокъ этотъ обратился въ шестилѣтнюю дѣвицу, которая своею пѣсней разогнала стражу, представленную къ могилѣ дѣтей Акъ-хана; потомъ, добывъ изъ могилы тѣла дѣтей, дѣвица вновь обратилась въ жеребенка, который и увезъ эти тѣла на своей спинѣ. Соколъ приноситъ извѣстіе о живучей водѣ, которая зарыта подъ золотой березой; посредствомъ этой воды жеребенокъ оживляетъ дѣтей Акъ-хана. Катай-ханъ узнаетъ объ этомъ и спѣшитъ на своемъ сороконогомъ быкѣ. Жеребенокъ ищетъ спасенія у Jebet-chan'a и Alten-Kus'a, но они оба убиты Катай-ханомъ. Жеребенокъ прячетъ дочь Акъ-хана въ дремучемъ лѣсу, а сына Акъ-хана увозитъ на Желѣзную гору;

скій ханъ, нападаетъ на монастырь Эрдени-цзо; жители спасаются за рѣку и рѣка пропускаетъ ихъ, во когда черезъ рѣку пошло войско Галдана, воды въ рѣкѣ поднялись и его войско перетонуло (Живая Старина, 1891 г., в. III, стр. 238). У Романова, № 4 отъ трехъ взмаховъ хустькой озеро сдѣлалось сухимъ; когда дѣти перешли и снова взмахнули хустькой три раза—вновь образовалось озеро (стр. 51).

Алтайское повѣрье осушеніе моря хотя и не для перехода черезъ него, приписываетъ богатырю Музыкаю (Вост. мотивы, 69 и 181); о тождествѣ Музыкая съ Гвээрэмъ и о именахъ Музыкай, Бузыкай, Козу, Восьм см. въ Вост. мотивахъ, 431 и 679.

¹⁾ Въ Алтайскомъ преданіи чудовище Джельбегень уноситъ Тархапака или Машпарака (см. Восточные мотивы 750). Машпарака сидитъ на деревѣ—образъ, который очень часто встрѣчается и въ русской сказкѣ объ увосимыхъ дѣтяхъ. Мѣсяцъ (въ ущербъ, т. е. рогаый) спасаетъ мальчика; следовательно здѣсь мѣсяцъ на мѣстѣ бычка или волика, спасающаго дѣтей въ русской сказкѣ.

²⁾ A. Schiefner, über die Heldensagen der minissischen Tataren въ Melanges asiatiques d. Acad. des Sciences t. III, p. 373.

туда же прѣхалъ и Катай-ханъ. Начинается битва и сынъ Акъ-хана убиваетъ Катай-хана; онъ получаетъ имя *Ai dōlei-Mirgān* а сестра *Alten-Kurup tju*. Ай долей-Мирганъ совершаетъ судъ надъ Садей-Мирганомъ; онъ приковываетъ его живого съ конемъ на скалъ.

Сравнительно съ русской сказкой тутъ большія особенности въ разработкѣ частныхъ, но главная нить разсказа въ татарской и русской сказкѣ одна и та же. Какъ и въ русской сказкѣ здѣсь двое несчастныхъ дѣтей, братъ и сестра; ихъ увозитъ какая-то злая сила, но покровительствующее животное спасаетъ ихъ; изъ плѣна ихъ увозитъ на своей спинѣ жеребенокъ, который тутъ на мѣстѣ бычка или волика; какъ и въ русской сказкѣ, дѣти отсулены злему существу самимъ отцомъ, ханомъ; и это случилось также, какъ и тамъ, въ то время, когда ханъ выѣхалъ зачѣмъ то изъ дома. Мальчикъ въ это время еще не родился; легко допустить, что тутъ были и тѣ детали, которыя сохранились въ русской сказкѣ; можно предположить, что дѣти были отсулены ханомъ въ то время, когда онъ хотѣлъ пить изъ колодезя или озера, что его кто-то схватилъ въ это время за бороду и что ханъ не подозрѣвалъ, что его жена во время его отсутствія родила дѣтей и онъ согласился отдать то въ домъ, чего онъ не знаетъ.

Разница между русской и татарской редакціями во первыхъ въ пропускѣ многихъ деталей (*Хустка*, обращающаяся въ мостъ черезъ рѣку, неудачныя попытки спасти дѣтей, дѣлаемые другими животными ¹⁾), во вторыхъ въ разсказѣ о смерти царскихъ дѣтей и ихъ воскрешеніи, и въ третьихъ во введеніи въ разсказъ трехъ злыхъ персонажей: Катай-хана, Киро-балака и *Sādei-mirgān'a* вмѣсто одного Змія или Юды. Вѣроятно мы имѣемъ тутъ дѣло съ слитіемъ нѣсколькихъ вариантовъ въ одинъ. Въ русскихъ вариантахъ дѣтей похищаетъ чудовище, иногда морское чудовище. Въ татарской сказкѣ также есть водяное чудовище Киробалакъ; вѣроятно въ первоначальной редакціи оно само похищало дѣтей. Русская сказка продолжается и переходитъ въ разсказъ объ измѣнѣ сестры; татарская на спасеніи дѣтей останавливается. Я предполагаю, что татарская сказка также продолжалась разсказомъ объ измѣнѣ сестры, и если татаринъ разсказчикъ придалъ сказкѣ благополучный конецъ, женивъ брата и выдавъ сестру замужъ, то на это я смотрю какъ на преждевременное завершеніе сказки.

Сюжетъ объ измѣнницѣ женщинѣ, замышляющей гибель брата въ союзѣ съ своимъ любовникомъ, извѣстенъ тюркомонгольскому міру и я въ „Вост. мотивахъ“ указалъ, что съ этой темой свя-

¹⁾ Въ русской сказкѣ прежде чѣмъ взять за спасеніе дѣтей бычокъ, тщетно старались увести ихъ гуси, орелъ и т. п.

зано тамъ имя, въ версіяхъ принимающее формы Хадынъ, Адынъ, Кѣдѣнъ - би Кидѣнъ-ханъ ¹⁾. Хадынъ при переходѣ изъ монгольскаго въ тюркскій должно перейти въ Кадынъ; Катай-ханъ повидимому видоизмѣненіе той же формы, и вѣроятно послѣ разсказа о спасеніи дѣтей шелъ разсказъ о томъ, какъ Катай-ханъ завелъ связь съ сестрой Айдолея и какъ они вдвоемъ умертвили его. Татаринъ разсказчикъ поторопился и равно поставилъ смерть и воскрешеніе Айдолея; этотъ инцидентъ нужно было помѣстить послѣ бѣгства жеребенка съ дѣтьми на спинѣ, а не до него.

Третій персаважъ Sâdei-Mirgân не необходимое лицо въ сказкѣ; его можно выкинуть изъ сказки, и отъ этого схема сказки нисколько не разстроилась бы. Это измѣнникъ; онъ присвоилъ имущество Акъ-хана, т. е. наслѣдство Айдолея. Мотивъ измѣны какъ будто на столько крѣпокъ въ схемѣ, что разсказчикъ не могъ его выкинуть и только приписалъ измѣну мужчинѣ вмѣсто женщины. Sâdei-Mirgân принимаетъ участіе въ угнетеніи дѣтей; они уже разъ были брошены въ море, но разсказчикъ заставляетъ море выкинуть ихъ на берегъ, и Sâdei-Mirgân во второй разъ бросаетъ ихъ въ яму глубиною въ 70 сажень; ненужное повтореніе, которое могло явиться въ томъ случаѣ, если тутъ къ сказкѣ объ Айдолеѣ присоединился особый варіантъ, въ которомъ ни Киробалака, ни Катай-хана не было, а единственнымъ гонителемъ дѣтей представлялся Sâdei-Mirgân; въ сказкахъ о женщинѣ-измѣнницѣ присвоеніе богатства погубленнаго богатыря приписывается ея любовнику, поэтому можно догадываться, что и въ этой сказкѣ была сестра измѣнница, что она тайно жила съ Sâdei-mirgân'омъ и въ союзѣ съ нимъ погубила брата, послѣ чего Sâdei-Mirgân захватилъ богатство Айдолея. Сказка кончается казнью Sâdei-Mirgân'a; Айдолей приковываетъ его живого къ скалѣ. Въ русской сказкѣ сходная казнь постигаетъ измѣнницу сестру; у Романова, въ № 2 братъ привязалъ сестру Алену къ дереву; въ варіантѣ къ этому №- медвѣдь по приказанію брата помѣщаетъ сестру на высокомъ дубѣ; левъ стряхнулъ ее оттуда ²⁾; въ № 4 сестра привязана къ дереву ³⁾; въ № 5 сестру посадили на высокое дерево; левъ тряхнулъ дерево, женщина упала и разбилась на мелкія крошки ⁴⁾. Въ примѣчаніи къ № 7 мужъ невѣрную жену садитъ на дерево; звѣри сбрасываютъ ее съ дерева и разрываютъ ⁵⁾. Въ № 8 Иванъ Златовусъ ⁶⁾ распинаетъ свою мать измѣнницу на горькой осинѣ. У Афанасьева № 118, вар. а: Иванъ-царевичъ

¹⁾ Стр. 665 — 672.

²⁾ Романовъ III, 44.

³⁾ Ibid. 54.

⁴⁾ Ibid. 59.

⁵⁾ Ibid. 67.

⁶⁾ Ibid. 70.

привязалъ Елену прекрасную голую къ дереву ¹⁾, а потомъ привязалъ къ хвосту коня и размыкалъ; вар. с. братъ посадилъ сестру на *каменный столбъ* при дорогѣ; возлѣ положилъ вязанку сѣна и два чана, одинъ съ водой, другой пустой ²⁾. У Чубинскаго въ № 48 братъ привязалъ сестру къ явору, который росъ у порога; возлѣ поставилъ два цѣбра, одинъ съ угольями, другой пустой для слезъ ³⁾. Въ № 49 сестра привязана къ хвосту лошади и пущена въ степь ⁴⁾. У Рудченка, вып. 2, въ № 22 измѣнница сестра нашла въ особой коморѣ *распятаю* за руки и ноги разбойника (стр. 69); казнь сестры заключается въ изгнаніи съ желѣзной палицей, желѣзными черевиками и связкой сѣна ⁵⁾.

Въ вариантахъ русской сказки въ большей части случаевъ похититель дѣтей и соблазнитель женщины—одно и то же лицо. У Чубинскаго и въ № 48, и № 49 дѣтей похищаетъ Змѣй; онъ же потомъ является соблазнителемъ дѣвицы, перекинувшись молодцомъ. У Садовникова въ № 11 Волкъ-мѣдный лобъ уноситъ брата и сестру и онъ же соблазняетъ дѣвицу. У Романова въ № 4 Мѣдвяный волкъ сначала похищаетъ дѣтей, потомъ, обернувшись мальцомъ, соблазняетъ женщину; въ № 5, въ вариантахъ а и б, одянь и тотъ же Юда и похититель дѣтей, и соблазнитель; въ № 6 Змѣй—и въ той, и въ другой роли. Разныя лица являются у Афанасьева въ № 117: гонитель медвѣдь, соблазнитель шестиглавый змѣй; въ № 118 гонитель медвѣдь, соблазнитель атаманъ разбойниковъ; у Романова, № 3, гонительница баба-юга, соблазнитель женщины Кошей безсмертный.

Въ сказкахъ тѣхъ же минусинскихъ татаръ встрѣчается имя *Једай-чанъ* ⁷⁾. Акъ-ханъ отвозитъ по обѣщанію своего семилѣтняго сына Ала-Картага къ Джедай-хану, который живетъ при подошвѣ *Жемзной* горы, гдѣ земля и небо срастаются. По началу это та же сказка, какъ и предыдущая; тотъ же Акъ-ханъ, отдающій своего сына въ чужія руки, только вмѣсто Катай-хана здѣсь Джедай-ханъ; этотъ послѣдній живетъ у Желѣзной горы; въ предыдущей сказкѣ также есть Желѣзная гора; на ней происходитъ битва Айдоленъ съ Катай-ханомъ. Отдавъ сына, Акъ-ханъ вернулся домой. Воспользовавшись его беззащитнымъ положеніемъ безъ сына, братья Ай-Темусъ и Куй-Темусъ увозятъ его вмѣстѣ съ женой въ плѣнъ и бросаютъ въ яму въ семь сажень глубиной. Послѣ нѣкотораго времени братья узнаютъ, что близокъ конецъ

¹⁾ *Афанасьевъ*, II, 6.

²⁾ *Ibid.* стр. 11.

³⁾ Чубинскій, II, 152.

⁴⁾ *Ibid.* 156.

⁵⁾ *Рудченко*, Народн. южнорусск. сказки, вып. 2, стр. 69—70.

⁶⁾ Та же роль приписывается Кошею и въ русской быльцѣ; противникъ его Иванъ Годиновицъ.

⁷⁾ *A. Schiefner*, Über die Heldensagen d. minuss. Tataren, S. 379.

свѣта, такъ какъ семь собакъ, прикованныхъ у Джедай-хана, освободились, лають и воютъ. Братья обращаются за развѣдками къ Dschalaty, который имѣетъ знаніе обо всѣхъ вещахъ. Джалаты посылаетъ развѣдчиками сокола къ Кудю на небо, синюю змѣю подъ землю, синюю щуку въ море и горностаю въ гору. Всѣ принесли извѣстіе, что конецъ всего близокъ. Два ворона, которые гнѣздились на семи лиственницахъ на Желѣзной горѣ, принесли ему извѣстіе, что Ала-Картага тридцать лѣтъ бился съ Джедай-ханомъ и убилъ его, снова переловилъ спущенныхъ съ цѣпей семь собакъ и надѣлъ имъ мѣдные намордники. Братья Ай-Темусъ и Куй-Темусъ по совѣту Джалаты освободили Акъ-хана съ женой и съ подарками выѣхали навстрѣчу Ала-Картагъ. Богатырь подарилъ имъ пять собакъ Джедай-хана изъ семи, которыхъ онъ велъ съ собою, и объяснилъ, что владѣющій этими собаками никогда не будетъ знать старости ¹⁾. Но братья плохо смотрѣли за собаками, и онъ убѣжалъ на Желѣзную гору. Ала-Картага вновь поймалъ ихъ, заключилъ въ Золотую гору и приказалъ братьямъ смотрѣть, не подкапываются ли онъ своими желѣзными когтями подъ каменную дверь. Собаки еще разъ убѣжали; тогда Ала-Картага отрубилъ головы всѣмъ семи собакамъ, а также и двумъ братьямъ ²⁾.

Въ „Вост. мотивахъ“ я сопоставилъ собакъ Джедай-хана съ киргизскимъ представленіемъ о семи звѣздахъ Бол. Медвѣдицы, какъ о семи волкахъ, съ которыми также соединена идея о концѣ міра ³⁾. Отсюда догадка, что имя Джедай-ханъ одного происхожденія съ тюркскимъ именемъ Б. Медвѣдицы: Джетыганъ, Жидиганъ, Едиханъ и др.

Эти Джедай-хановы собаки стоятъ здѣсь на мѣстѣ собакъ или звѣрей русскихъ сказокъ; число ихъ въ русскихъ сказкахъ не совпадаетъ, но это можетъ быть отнесено насчетъ небрежности рассказчиковъ; въ сказкѣ о Каролѣ ихъ три; у Афанасьева въ № 118, вар. с, двѣ собаки и три звѣренка (волченокъ, медвѣжонокъ и львенокъ), у Романова, въ № 2 одна собака и три звѣренка (волченокъ, медвѣжонокъ, львенокъ); въ № 4 четыре звѣренка (лисенокъ, волченокъ, медвѣжовокъ, львенокъ); въ № 5, вар. а, пять звѣрятъ (зайченокъ, лисенокъ, медвѣжонокъ, львенокъ), вар. б три собаки и трое животныхъ (медвѣдиха, волчица и орлица), № 7 двѣнадцать собакъ; № 8 шесть звѣрей (медвѣдь волкъ, лисица, заяцъ, лось, голуби); у Садовникова двѣ кошки и трое звѣрятъ (медвѣжонокъ, волченокъ, львенокъ); у Чубин-

¹⁾ По повѣрью южносибирскихъ тюрковъ, Джедай-ханъ никогда не умираетъ; онъ вѣченъ; см. Восточн. мотивы, 458.

²⁾ Въ Очеркахъ с.-з. Монгол. IV, 568, помѣщена сказка черневыхъ татаръ (въ южной Сибири), въ которой одинъ изъ богатырей называется Алтынь-Картага.

³⁾ Вост. мотивы, 457, 651, 742.

скаго въ № 48 двѣ собаки (Чуйко и Буйко) и четыре звѣря (заяцъ, лисица, волкъ, медвѣдь), въ № 49 двѣ собаки (Чушко и Бачко) и три звѣря (волкъ, медвѣдь, лисица).

У Романова въ № 3 „Хортки“ семь звѣрей (заяцъ, лисица, волкъ, медвѣдь, лось, левъ, смолякъ) даютъ Ивану-царевичу каждый по хортку, такъ что у него образовалась защита изъ семи хортковъ, или собакъ; въ этомъ вариантѣ число хортковъ совпадаетъ съ числомъ Джедай-хановыхъ собакъ. У Афанасьева въ одномъ вариантѣ то же самое¹⁾. Джедай-хановы собаки такъ же, какъ и собаки въ русской сказкѣ, заперты (въ Золотой горѣ вмѣсто Чертовой мельницы) и стараются когтями выбраться изъ заключенія. Судя по этимъ сходнымъ чертамъ, хорты и звѣри русскихъ сказокъ—это собаки Джедай-хана, только мѣсто ихъ иное; въ русской сказкѣ они друзья того лица, которому редакція симпатизируетъ, въ татарской же это помощники злого героя²⁾, Джедай-ханъ отвѣчаетъ Катай-хану предыдущей татарской сказки (можетъ быть, также и Sâdei-Mirgân'y). Юда русской сказки—это Джедай-ханъ (Jedai-chan) татарской.

Все у тѣхъ же минусинскихъ татаръ В. В. Радловъ записалъ большую пѣсню³⁾, начало которой сходно съ началомъ двухъ предыдущихъ. Бездѣтный Акъ-ханъ выѣхалъ въ поѣздку по степямъ и горамъ; возвращается и узнаетъ, что въ его отсутствіе ханыша родила мальчика Ай-мэргэна. Наѣзжаетъ Солбанъ-мэргэнь, побиваетъ Акъ-хана и увозитъ родившагося ребенка. Имя хана то же самое, какъ и въ двухъ предыдущихъ татарскихъ сказкахъ, и также начинается сказка съ того, что ханъ выѣзжаетъ изъ дому; но онъ никого не встрѣчаетъ въ полѣ; затѣмъ на его домъ наѣзжаетъ враждебный Солбанъ, который отвѣчаетъ Катай-хану и Джедай-хану предыдущихъ сказокъ, а также Джельбагъ урянхайской сказки⁴⁾; вѣроятно, подобно последнему, Солбанъ-мэргэнь встрѣтился Акъ-хану во время поѣздки и принудилъ его дать обѣщаніе отдать ему ожидаемаго ребенка. Вѣроятно редакція, выпроваживая Акъ-хана изъ дому, имѣла заднюю мысль создать инцидентъ встрѣчи съ враждебнымъ лицомъ. Солбанъ-мэргэнь привезъ мальчика въ свой домъ, и приказалъ пригвоздить его семью желѣзными гвоздями къ землѣ при подвожіи столба,

¹⁾ *Афанасьевъ* изд. 1897, т. II, стр. 10; въ подстрочномъ вариантѣ противникъ царевича учить его сестру потребовать молока отъ семи звѣрей: зайца, лисицы, кунницы, волка, медвѣдя, кабана и льва; каждый звѣрь даетъ царевичу молоко и щенка.

²⁾ *Radloff*, Proben, II, 385.

³⁾ *Radloff* Proben, II, 385.

⁴⁾ Мною отъ урянхайцевъ кромѣ имени Чолпанъ для звѣзды Венеры было записано еще имя Джильбы-хуньякъ (Очерки с.-з. Монг., II, 127); впрочемъ это единственный случай. Для звѣзды Венеры есть русское названіе Волчья звѣзда (*Афан.*, Повѣт. возвр., I, 763); въ русскихъ сказкахъ дѣтей иногда похищаютъ волки.

который служить коновязью; семь человекъ должны бить младенца желѣзной булавой въ семь пудовъ вѣсомъ; два краснобурыхъ волка, имѣющіе по три сажени длины, были приставлены караулить, чтобы ребенокъ не перекинулся и не исчезъ ¹⁾. Летѣли подѣ небомъ два золотыхъ лебедя, лили слезы изъ глазъ, обильныя, какъ дождь и обратились въ двухъ жеребятъ; когда семь приставленныхъ богатырей заснули, а волки убѣжали искать ѣды, жеребята спустились съ неба, вынули семь гвоздей и понесли младенца. Солбанъ-мвргѣнъ погнался за бѣглецами и выстрѣломъ изъ лука перешибъ крыло одному жеребенку; онъ упалъ на землю. Другого жеребенка, уносящаго младенца въ устахъ, преслѣдуютъ два синие Солбановы волка, но жеребенокъ убилъ волковъ. На вершинѣ горы, куда добѣжалъ жеребенокъ, стояли четыре рыжія лошади и четыре богатыря; имъ было приказано Солбанъ-мвргѣномъ задержать жеребенка, но у него слезы потекли изъ глазъ, какъ дождь, и богатыри пожалѣли и пропустили его. Солбанъ-мвргѣнъ, зарубивъ этихъ богатырей, отправился къ Ерку и выпросилъ у него двухъ собакъ Казара и Пазара; овѣ догнали жеребенка, но ударомъ копытъ были обѣ убиты. Жеребенокъ донесъ младенца до берестяной юрты, въ которой жила дѣвица Ala Mangruk дочь Tebänä-kap'a и царицы Tebänä-kö; она приняла ребенка, положила въ золотой ящикъ и вложила ему въ ротъ рожокъ въ 6 сажень длинной. Приготовивъ для мальчика пищу и платье, Ала-Мангрукъ надѣла на себя лебединую оболочку и отлетѣла прочь; при взмахѣ ея праваго крыла раздалось тридцать пѣсень, при взмахѣ лѣваго семьдесятъ; и пернатые, и когтистыя заслушались ея пѣнія; съ трехъ взмаховъ она перелетѣла черезъ три горныхъ хребта, съ семи взмаховъ черезъ семь хребтовъ. Послѣ ея отлета мальчикъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ; въ семь прыжковъ онъ перескочилъ черезъ семь морей, съ высоты горы онъ увидѣлъ степь, которую ни ворона, ни сорока не въ состояніи перелетѣть; Ай-

¹⁾ Во всей ордѣ распространено представленіе о Полярной звздѣ, какъ о коновязи; она и называется или Золотымъ или Желѣзнымъ прикомомъ. Семь звздъ Бол. Медвѣдцы представлялись въ видѣ семи собакъ или семи волковъ, которые были прикованы къ Полярной звздѣ, или въ видѣ семи воровъ, или въ видѣ семи караульщиковъ, оберегающихъ отъ покражи двухъ коней (Вост. мотивы, 413). Въ татарской пѣснѣ о Солбанъ-мвргѣнѣ семь звздъ Б. Медвѣдцы, а думаю, представлены во-первыхъ въ видѣ семи гвоздей, которыми правито къ землѣ тѣло Ай-мвргѣна, во-вторыхъ въ видѣ семи богатырей, которые должны караулить тѣло Ай-мвргѣна, чтобы оно не исчезло. Книжное монгольское сказаніе знаетъ шамана Тебтвгэри, одного изъ семи сыновей Муниа; онъ былъ убитъ по приказанію Чингисъ-хана, тѣло его положено въ юрту, двери и верхнее отверстіе закрыты, при юртѣ поставлена была стража; на третій день на разсвѣтѣ верхнее отверстіе открылось, и трупъ ушелъ черезъ него (Труды пекинск. дух. миссіи, IV, 138). Въ „Вост. мотивахъ“ (стр. 808) я сближаю этого Тебтвгэри (Тубутъ-твгэри у Рашадъ-вдіина) съ бурятскими Дебедеемъ, повидимому тоже шаманомъ, который былъ пастухомъ овецъ у звзды Солбанъ.

мэргэнь обратился своего коня въ паршивую клячу, самъ обратился въ паршиваго лысаго мальчика; спустившись съ горы, онъ нашелъ своего старика отца пасущимъ овецъ Солбанъ-мэргэна ¹⁾. Отецъ спрашиваетъ плѣнника, не слыхалъ ли онъ чего объ Ай-мэргэнь; тотъ сначала рассказываетъ, что Ай-мэргэна съѣли собаки Казаръ и Пазаръ, но потомъ объявляетъ свое имя. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе поединка между Ай-мэргэномъ и Солбанъ-мэргэномъ, кончающагося побѣдой перваго. Конь совѣтуетъ сейчасъ ѣхать и убить сына Солбанъ-мэргэна. Ай-мэргэнь видитъ на днѣ моря, кипящаго, какъ котель, семь юртъ и въ нихъ семь богатырей; однимъ выстрѣломъ Ай-мэргэнь убиваетъ ихъ всѣхъ за разъ, потомъ схватывается съ сыномъ Солбанъ-мэргэна и убиваетъ его.

Это продолженіе сказки является такою же параллелью къ выше приведенной сказкѣ объ Ай-долеѣ, какъ и сказка объ Ала-Картагѣ; здѣсь, какъ и тамъ, жеребенокъ является спасителемъ угнетеннаго царевича. Разсказъ о старикѣ-ханѣ, который пасетъ овецъ у своего врага, и о его сынѣ-богатырѣ, являющемся въ видѣ заморыша, обыкновенно встрѣчается въ сказкахъ о сестрѣ или женѣ, измѣнницѣ, увезенной любовникомъ, который убиваетъ брата или мужа женщины, захватываетъ его имущество, угоняетъ его скотъ и родителей убитаго обращаетъ въ рабство; въ виду этого можно предположить, что и здѣсь былъ разсказъ объ увезенной женщинѣ, именно Солбанъ-мэргэну, нѣкоторые варианты сказки могли приписывать увозъ сестры или жены Ай-мэргэна и умерщвленіе послѣдняго, потомъ могло слѣдовать воскрешеніе Ай-мэргэна и возмездіе за увозъ женщины, то-есть съ именемъ Солбанъ-мэргэнь связывались тѣ же сюжеты, какъ на западѣ въ славянскомъ мірѣ въ апокрифическихъ сказаніяхъ съ именемъ Соломона. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ Солбанъ могъ стоять на мѣстѣ Ай-долея или Ай-мэргэна, т.-е. на мѣстѣ гонимаго царевича, и если дѣйствительно къ этому царевичу приурочивался иногда разсказъ объ измѣнницѣ женщинѣ, то въ этихъ предположенныхъ вариантахъ Солбанъ вполне отвѣчалъ славянскому Соломону, у котораго жена была увезена; а Катай-ханъ и Джедай-ханъ, отъ которыхъ пострадалъ царевичъ, въ этихъ вариантахъ соответствовали бы Цитоврасу славянскихъ сказаній ²⁾.

¹⁾ По бурятскому повѣрью звезда Уха-Солбанъ—богатый человѣкъ, у котораго большія стада овецъ; ихъ пасетъ пастухъ Дебедей (Вост. мотивы, 805).

²⁾ Монгольская сказка, помѣщенная въ Очеркахъ с.-в. Монголіи, IV, 348 (№ 85, „Убѣгающій на быкъ отъ шулума мальчикъ“) ближе къ русской, чѣмъ приведенная выше урянхайская о трехъ дѣвочкахъ, убѣгающихъ отъ Джемьбаги. Въ монгольской сказкѣ вмѣсто русскаго Юды, вмѣсто урянхайскаго Джемьбаги шулумъ (т.-е. *шоломо*, чортъ). Какъ и въ русской, мальчика изъ плѣна увозитъ на себя быкъ; мальчикъ беретъ съ собой камень и въ ротъ набираетъ воды; камень обращается потомъ въ грудъ камней, выплывшая вода въ море. Шулумъ тонетъ въ водѣ. Быкъ велитъ варъзвать его, какъ и въ нѣкоторыхъ русскихъ сказкахъ; варъзанный быкъ превращается въ богатство.

Судя по именамъ дѣйствующихъ лицъ, эти сказки принадлежать къ звѣздному эпосу. Солбанъ имя звѣзды Венеры, распространенное, какъ у тюрковъ, такъ и у монголовъ (съ версиями Чолбонъ, Чолпанъ, Цолмонъ и друг.). Въ именахъ Ай-долей и Ай-мэргэнтъ первый членъ ай—„луна“ на всѣхъ тюркскихъ нарѣчяхъ¹⁾. Собакъ Асырь и Басырь,—вѣроятно, версиں собачьихъ именъ Казаръ и Пазаръ,—монгольское повѣрье видитъ среди звѣздъ гдѣ-то около созвѣздія Оріона; три звѣзды Оріона это три оленя, за которыми гонится богатырь или мэргэнтъ съ двумя собаками Асырь и Басырь²⁾. Волки и собаки въ татарскихъ сказкахъ стоятъ не на сторонѣ добраго героя, а въ противоположность русскимъ сказкамъ на сторонѣ злого. Это можетъ быть означаетъ, что по тюрко-монгольскимъ преданіямъ и повѣрьямъ собаки и волки были крѣпко привязаны къ именамъ Солбанъ, Джедай-ханъ и Катай-ханъ. Когда въ сказавин на мѣстѣ добраго богатыря ставился Ай-долей или Ай-мэргэнтъ, а Солбанъ, Джедай-ханъ или Катай-ханъ изображались злою силой, то и собаки оказывались на злой сторонѣ; но въ тѣхъ предполагаемыхъ вариантахъ, въ которыхъ Солбанъ, Джедай-ханъ или Катай-ханъ являлись добрыми героями, собаки и волки оказывались на доброй сторонѣ.

¹⁾ Въ одной изъ трехъ приведенныхъ пѣсень главный герой вмѣсто имени съ членомъ Ай называется Ала - Картага (пестрый ястребъ по переводу г. Катанова; см. Алаев. указатель къ Гробен г. Радлова, Спб. 1888), но членъ ай все-таки есть и въ ней; онъ перенесенъ въ Ай-Темуса, противника главнаго героя. Картыга-мэргэнтъ находится въ эпической пѣснѣ кымыльцевъ (Radloff, Groben, II, 607). Aedschän-Ko, недовольная тѣмъ, что не имѣетъ дѣтей отъ своего мужа Südai-märgän'a, предлагаетъ свою любовь богатырю Картыга-мэргэну; она повѣтъ мужа до-пьяна; Сөдэй-мэргэнтъ не можетъ противостоятъ своему противнику Картыга-мэргэну; онъ убѣгаетъ изъ дому безъ оружія, безъ платья, голый и пѣшкомъ; въ лѣсу онъ убиваетъ медвѣдя и одѣвается въ его шкуру; судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, онъ обращается въ медвѣдя. Въ этомъ видѣ онъ приходитъ въ человеческое общество, въ резиденцію Алтынъ-хана, который выдаетъ своихъ двухъ дочерей за богатыремъ Ай-мэргэна и Кунъ-мэргэна, а младшую, за ея отказъ отъ предложеннаго ей жениха, отецъ отдаетъ медвѣду, т.-е. Сөдэй-мэргэну. Старшіе зятья Ай-мэргэна и Кунъ-мэргэна не могутъ исполнить порученія хана отпугать какую-то птицу, которая повадилась похищать жеребятъ кобылы съ серебряной шерстью и убить тигра, который опустошалъ край; Сөдэй-мэргэнтъ спасаетъ жеребенка и убиваетъ тигра, во уступаетъ свои трофеи старшимъ зятьямъ за право отрывать у нихъ по суставу отъ мизинца и вырывать ремни изъ спины. Зятья бросаютъ Сөдэй-мэргэна въ глубокую яму; царевна Ай-дангъ-Ко, дочь Алтынъ-хана привозитъ дѣвицу, дочь богатыря Торомонъ - моко, которая расчесываетъ свою косу, опускаетъ ее въ колодезь и при помощи этой косы Сөдэй-мэргэнтъ поднимается изъ ямы. Облинивъ зятьевъ посредствомъ суставовъ и вырванныхъ ремней, Сөдэй-мэргэнтъ отправляется къ своей старой женѣ Эджэнтъ-Ко, прежде, чѣмъ явиться къ ней, принимаетъ видъ шелудяка, коня обращаетъ въ короткаго жеребенка, встрѣчаетъ свою дочь, рассказываетъ, будто Сөдэй-мэргэнтъ умеръ въ колодезѣ, потомъ видится съ Эджэнтъ-Ко и съ Картыга-мэргэномъ; они вѣнчаются, и онъ не мститъ имъ. Эта сказка, кажется, принадлежать къ группѣ сказокъ о медвѣжьемъ сынѣ (см. ниже).

²⁾ Очерки сз. Монголія, IV, 205; Танг. тиб. окраина Китая, II, 327.

Свидѣтельствомъ того, что звѣри выставлялись помощниками добраго героя и на востокѣ, можетъ быть, можетъ служить книжная монгольская повѣсть о Бикарь-Мадзади. Это царевичъ, родившійся, какъ и другой мальчикъ Шалу, отъ съѣденной муки; это монгольскій Катигорошекъ или Буря-богатырь. Бикарь-Мадзади (въ моихъ Очеркахъ с.-з. Монголіи—Бэгэръ-Меджитъ) вѣстѣ съ Шалу ѣдетъ возвращать свое царство, захваченное насильникомъ царемъ шимнусовъ, слѣдовательно онъ стоитъ на мѣстѣ Ай-мэргэва, ѣдущаго освобождать отца-царя отъ насильника Солбанъ-мэргэна. Въ повѣсти являются волки, въ норѣ съ которыми выросъ и воспитался Шалу; онъ понимаетъ ихъ разговоръ, который служитъ указаніемъ, какъ слѣдуетъ поступать. Въ бурятской версіи этой сказки семь волковъ, которые помогаютъ юношамъ не только совѣтомъ, но и дѣйствіемъ; они изгрызаютъ оружіе у войска, посланнаго противъ юношей¹⁾. Они такіе же благодѣтели гонимыхъ юношей, какъ въ русскихъ сказкахъ говорящіе вороны или говорящіе голуби, докладывающіе о ходѣ работы собакъ, грызущихъ двери²⁾. Кончается разсказъ о Бикарь-Мадзади тѣмъ, что этотъ царевичъ вступаетъ въ бой съ царемъ шимнусовъ; онъ обращается въ сто львовъ, которые и разрываютъ насильника. Въ болѣе старой редакціи, можетъ быть, на мѣстѣ львовъ стояли семь волковъ, которые въ монгольской сказкѣ отвѣчаютъ „звѣриной защитѣ“ русскихъ сказокъ, также заканчивающей битву. Въ разсказѣ о Бикарь-Мадзади нѣтъ женщины, но ее можно тутъ предположить; конецъ разсказа могъ имѣть видъ освобожденія царевны, обреченной на съѣденіе Змію (царю шимнусовъ?). А такъ какъ существуютъ многіе примѣры схемы, въ которой соединены два эпизода: 1) о женщинѣ измѣнницѣ и 2) о царевичѣ, обреченной въ жертву, то мы можемъ допустить, что и въ разсказѣ о Бикарь-Мадзади было два эпизода, то есть кромѣ предполагаемаго разсказа о женщинѣ, обреченной Змію, былъ и другой, о женщинѣ, которая ему измѣнила и была увезена. Если бы такой эпизодъ въ самомъ дѣлѣ нашелся—сказки о Бикарь-Мадзади не всѣ еще собраны—это объяснило бы, почему повѣсть о Бикарь-Мадзади (Арджи-Борджи) имѣетъ отношенія къ славянскимъ сказаніямъ о Соломонѣ и Китоврасѣ.

¹⁾ Очерки с.-з. Монг., IV, 282, сказка „Ань-Богдоръ“.

²⁾ Въ русскихъ сказкахъ покровителемъ гонимаго является волкѣ или бычокъ, который несетъ его и его сестру на себя, переправляетъ черезъ рѣку и даетъ ему собакъ. Подъ этимъ видомъ можетъ быть скрывается душа отца или матери царевича. Въ угорорусской сказкѣ старикъ даетъ Каролю трехъ собакъ, а потомъ велитъ Каролю, чтобъ онъ и ему старику, и собакамъ отрубилъ головы; въ всѣхъ обезглавленныхъ тѣлахъ вылетаютъ голуби. У Аса-насыена, № 117, бычокъ велитъ, чтобъ дѣти его, бычка, зарѣзали и сожгли, пепелъ носили на трехъ грибахъ; на одной грибѣ высочили козь, на которомъ потомъ царевичъ сталъ ѣздить, на другой собака, на третьей яблоня; въ подстрочномъ вариантѣ на той же страницѣ: бычка зарѣзали, мясо съѣли

Я разсмотрѣлъ три сказки, двѣ каргопольскія: „Бурза Воловчѣ“ и „Царь Каприжѣ“ и одну угорорусскую о Каролѣ, сынѣ мясороба. Теперь я перейду къ французской сказкѣ „Jean de l'Ours“. Вотъ содержаніе этой сказки по Cosquin'у ¹⁾:

Медвѣдь увлечъ одну женщину въ свою берлогу; спустя нѣкоторое время эта женщина родила мальчика на половину человека, на половину медвѣдя; его назвали Jean de l'Ours. Медвѣдь кормилъ родильницу и ея ребенка. Когда мальчикъ достигъ четырехлѣтняго возраста, онъ, по совѣту матери, попробовалъ отвалить камень, которымъ медвѣдь обыкновенно заваливалъ входъ въ пещеру, но не могъ. Когда ему стало семь лѣтъ, во время отсутствія медвѣдя, онъ опять попытался отвалить и отвалилъ ²⁾; они вдвоемъ съ матерью бѣжали; мать съ ребенкомъ возвратилась къ своему мужу. Мальчикъ сталъ ходить въ школу; онъ былъ злой и обнаруживалъ необыкновенную силу; однажды онъ ударилъ своего товарища, и отъ этого удара цѣлый рядъ школьниковъ полетѣлъ съ лавки; а когда учитель сталъ дѣлать Жану выговоръ, Жанъ выбросилъ его въ окно. Когда мальчику стало 15 лѣтъ, онъ пошелъ служить къ кузнецу, но не ужился тутъ, и черезъ три дня перешелъ къ другому кузнецу и потомъ къ третьему. У послѣдняго онъ собралъ все желѣзо, какое у него было, сковалъ себя палицу въ 500 фунтовъ, и пошелъ странствовать. Дорогой онъ встрѣтилъ человека Jean de la Meule, который игралъ жерновомъ, кидая его. Jean de l'Ours спрашиваетъ его, не хочетъ ли онъ идти съ нимъ вмѣстѣ. Тотъ соглашается. Далѣе встрѣчается

кости сложили вмѣстѣ и стали поливать; изъ костей народились двѣ собаки (изд. 1897 г., II, стр. 4); въ № 118, вар. а бычокъ совѣтуетъ дѣтямъ зарѣзать его, бычка, слѣзать, косточки собрать и ударить; ударили и вышелъ мушкетеръ кудачомъ, самъ съ воготомъ, борода съ докотокомъ, который и оказывается потомъ парвенчу помощь (стр. 6); въ томъ же № 118, вар. с. въ подстрочномъ вариантѣ: герой входитъ въ донъ, тамъ лежатъ старый-старый дѣдъ; онъ умираетъ и оставляетъ въ наследство герою трехъ собакъ (стр. 8). У Романова, № 5, вар. б: волкъ велитъ Ивану бить его, волка, дубовымъ прутомъ; Иванко ударилъ разъ, выскочила нѣтъ волна собака, еще разъ ударилъ—другая; въ третій ударилъ—третья; послѣ того волкъ попрощался и ушелъ (стр. 61); въ № 7 хлопчикъ разсѣкъ волка на 12 частей и бросилъ ихъ въ море; выскочили изъ моря 12 гончихъ собакъ (стр. 64). У Чубинскаго, № 48: варязали бычка, кости застромили въ страху, изъ костей выросли двѣ собаки (стр. 143); № 49: рога убитаго бычка застролены въ хатѣ; изъ нихъ выросли двѣ собаки (стр. 154).

¹⁾ *Emmanuel Cosquin, Contes populaires de Lorraine, 2 tirage, Paris. T. I, p 1—3.*

²⁾ Тутъ можетъ быть пропускъ. Богатырь не два, а три раза дѣлалъ попытки выйти изъ медвѣжьей берлоги. По одному анимному преданію Чивгистханъ, или вѣрнѣе Темучинъ, спрятался отъ враговъ въ пещеру и три раза пытался выйти изъ нея, но всякій разъ получалъ разныя знаменія, которыя отклоняли его отъ исполненія намѣренія; одинъ разъ онъ прекратилъ попытку потому, что вышелъ входъ заваленнымъ бѣлыми камнями. (Алтанъ-Тобчи. стр. 11).

нимъ *Arpuie-Montagne*. На вопросъ, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣчаетъ, что поддерживаетъ гору; безъ него она упала бы ¹⁾. Идутъ втроемъ далѣе; еще человѣкъ *Tord-Chêne*. Онъ крутилъ дубъ, чтобы перевязать хворостъ. Четверо товарищей пошли черезъ лѣсъ и нашли замокъ; они расположились въ этомъ замкѣ и условились, что одинъ изъ нихъ по очереди будетъ оставаться въ замкѣ и готовить обѣдъ, пока другіе будутъ на охотѣ. Остался первымъ *Jean de la Meule*; пришелъ великанъ, бросилъ *Jean'a de la Meule* на землю и ушелъ; *Jean de la Meule* не имѣлъ силъ позвонить, чтобы созвать своихъ товарищей, какъ это было условлено. Они сами пришли и нашли товарища больнымъ; онъ сказалъ, будто онъ угорѣлъ. То же самое случилось и съ другими товарищами: *Arpuie Montagne* и *Tord-Chêne*. Наконецъ, остается въ замкѣ *Jean de l'Ours*; когда великанъ бросился на него, Жанъ ударилъ его палицей и раскололъ надвое ²⁾. Осмотрѣвъ замокъ, нашли въ полу отверстие; сначала спустили *Jean'a de la Meule*, но онъ услышалъ тамъ надъ собой ужасные крики, перепугался, и его выткнули назадъ ³⁾; также безуспѣшно спускались и *Arpuie-Montagne* (Держи-гора) и *Tord-Chêne* (Сучи-дубъ). Спустился *Jean de l'Ours*; онъ не слышалъ никакихъ звуковъ. Внизу онъ встрѣтилъ фею, которая сказала, что тутъ въ замкѣ живутъ черти, въ первой залѣ 11 и во второй 12, а въ третьей онъ найдетъ трехъ принцессъ. *Jean de l'Ours* палицей разбиваетъ обѣ двери, убиваетъ нѣхъ чертей, принцессъ отправляетъ по канату въ верхній міръ. Отъ каждой принцессы онъ получилъ въ подарокъ шаръ, украшенный золотомъ, жемчугомъ и изумрудомъ. Три товарища разобрали принцессъ между собой и когда поднимался по канату *Jean de l'Ours*, они обрубили канатъ, *Jean de l'Ours* упалъ и изломалъ себѣ ногу. Къ счастью онъ имѣлъ горшокъ съ мазью, который дала ему фея; онъ помазалъ колѣно, и нога выздоровѣла. Онъ не зналъ, что дѣлать, но въ эту минуту явилась фея и научила подниматься по тропинкѣ, которая вела вверхъ; при этомъ онъ не долженъ былъ оглядываться назадъ на небольшой свѣтъ, иначе свѣтъ потухнетъ, и онъ не увидитъ болѣе своей дороги. *Jean de l'Ours* последовалъ совѣту феи; выйдя на верхъ, онъ нашелъ своихъ товарищей, готовыхъ отправиться въ путь; онъ прогналъ ихъ. Принцессы хотѣли увести его къ своему отцу, но онъ отказался, сказавъ, что можетъ быть когда-нибудь и придетъ въ ихъ королевство. Онъ положилъ шары въ свой карманъ; принцессы возвратились однѣ къ своему отцу. *Jean de l'Ours*, иространствовавъ нѣкоторое время, пришелъ въ страну короля, отца трехъ прин-

¹⁾ О летучей мыши, поддерживающей дерево или міръ, см. Вост. мотивы 460.

²⁾ Урусаланъ разбѣлъ наполь *Теоудула-амъя* въ то время, какъ онъ уходилъ въ каменные ворота.

³⁾ Въ сказкѣ, записанной на Памирѣ, спущенный товарищъ кричитъ: „Я горю!“ (*Cosquin*, I, 20).

цесъ, и поселился у кузнеца; такъ какъ онъ былъ искусенъ въ этомъ дѣлѣ, кузница вскорѣ стала на славу. Король призвалъ кузнеца и сказалъ: „сдѣлай по этому образцу три шара; если же къ такому-то времени они не будутъ готовы, ты будешь казненъ“. Jean de l'Ours успокоилъ кузнеца, пообѣщавъ сдѣлать шары. Наступаетъ срокъ, а Jean de l'Ours еще не принимался. Кузнецъ спрашиваетъ его, готовы ли шары. Тотъ велитъ товарищу припести вертелъ; пока кузнецъ ходилъ въ погребъ за вертеломъ, Jean de l'Ours поколотилъ по наковальнѣ и выложилъ изъ своего кармана шары. Кузнецъ отнесъ ихъ во дворецъ; король щедро заплатилъ за нихъ и показалъ ихъ принцессамъ. Тѣ говорятъ другъ другу: „это тѣ самые шары, которые мы дали молодому человѣку, освободившему насъ“. Онѣ рассказали это отцу; король послалъ за Jean'омъ и выдалъ за него младшую, самую красивую принцессу.

Сказка съ такимъ сюжетомъ — убіеніе чудовища, нисхожденіе въ подземный міръ, и освобожденіе принцессы, говоритъ Коскэнъ въ примѣчаніи, встрѣчается у многихъ европейскихъ народовъ, но не всегда съ такимъ же введеніемъ.

Giuan dall' Urs сказки изъ итальянскаго Тироля ¹⁾, герой вендской сказки (или лужицкихъ славянъ) ²⁾, Jean de l'Os каталонской, Петръ Медвѣдъ ганноверской, Giovanni dell' Orso итальянской изъ Mantouan'a, Jean de l'Ours никардійской, — всѣ происходятъ отъ союза женщины съ медвѣдемъ; герой каталонской сказки наполовину медвѣдъ; въ русской сказкѣ Иванъ Медвѣдко, сынъ женщины и медвѣдя, выше пояса человѣкъ, ниже медвѣдъ ³⁾.

Иванъ Медвѣдъ, у Афанасьева ⁴⁾ Ивашко Медвѣдко въ 15 лѣтъ становится нестерпимымъ; подобно Еруслану, кого ухватить за руку — рука прочь, кого за голову — голова прочь. Жители просятъ дѣда Ивашкина удалить внука изъ края. Ивашко дѣлаетъ желѣзную дубинку въ 25 пудовъ и уходитъ. Дорогой къ нему присоединяются богатыри Усыня, Горыня и Дубыня. Они входятъ въ лѣсъ и поселяются въ лѣсной избущкѣ; вмѣсто великана избущку посѣщаетъ баба-яга, костяная нога; она избивала Усыню, Горыню и Дубыню и у каждого вырѣзала по ремню изъ спины; богатыри стыдятся сказать правду Ивашкѣ и говорятъ, что они заболѣли оттого, что угорѣли, но должны были сознаться, когда пошли вмѣстѣ съ Ивашкой въ баню. Баба-яга, побитая Ивашкой, ушла подъ землю въ нору, прикрытую камнемъ. Ивашко вбилъ около норы столбъ, привязалъ къ нему веревку, и его спустили

¹⁾ Какъ и въ французской сказкѣ, герой пытается поднять „гору“, которою былъ заваленъ входъ въ гротъ.

²⁾ Вендскій герой поднималъ камень, заправшій пещеру, когда достигъ семилѣтняго возраста.

³⁾ *Sosquin*, I, 6, 7.

⁴⁾ *Афанасьевъ*, изд. 3, 1897 г., № 81, т. I, стр. 175.

въ подземный міръ. Тамъ Ивашко находитъ дворецъ; въ немъ три дѣвицы, которыя учатъ Ивашку, какъ убить бабу-ягу, ихъ мать. Она теперь спитъ, а въ головахъ у вей мечъ-кладенецъ; дѣвицы совѣтуютъ выхватить мечъ и только разъ рубить, а въ другой разъ не рубить; если онъ ударить въ другой разъ, бабу-яга оживетъ; это тотъ же самый совѣтъ, который даетъ Еруслану богатырь Расланей; подъ головой Расланея также лежитъ мечъ-кладенецъ, которымъ Ерусланъ долженъ убить царя-Огненный Щитъ, ударивъ только одинъ разъ ¹⁾. Ивашко убилъ бабу-ягу и дѣвицы подали по веревкѣ въ верхній міръ. Каждый изъ трехъ богатырей взялъ себѣ по дѣвицѣ; доставшаяся Дубынѣ не хочетъ за него. Въ сердцахъ онъ пересѣкъ палицей веревку, по которой поднимался Ивашко, а дѣвицу заставилъ пасти коровъ. Ивашко упалъ, зашибся, но, оправившись, нашелъ подземный ходъ и по нему вышелъ на бѣлый свѣтъ, нашелъ дѣвицу, пасущую коровъ, убилъ трехъ коварныхъ товарищей и женился ²⁾.

Въ аварской сказкѣ на Кавказѣ ³⁾ герой—сынъ женщины, увлеченной медвѣдемъ въ берлогу, родится съ медвѣжьими ушами, почему и получаетъ имя Медвѣжье ухо. Узнавъ отъ своей матери, что онъ своимъ рожденіемъ обязанъ насилію, совершенному медвѣдемъ надъ его матерью, сталкиваетъ медвѣдя въ ровъ, гдѣ тотъ и умираетъ ⁴⁾. Возвратившись въ страну своей матери, Медвѣжье ухо поступаетъ на службу къ царю, но его необычайная сила вызываетъ у царя сильное желаніе освободиться отъ такого слуги; царь даетъ ему опасныя порученія, наприм. принести картъ (злое существо въ родѣ нашей бабу-яги). Медвѣжье ухо приноситъ; царь, неожиданный такого конца этой поѣздки, перепугался

¹⁾ Соединеніе бабу-яги съ этимъ мотивомъ служить свидѣтельствомъ, что отголоски еруслановскихъ мотивовъ въ сказкахъ о медвѣжьей или коровьей сынѣ не вставлены въ нихъ позднѣйшими рассказчиками подъ вліяніемъ книжной сказки объ Ерусланѣ, а принадлежатъ къ ихъ первоначальной редакціи. Не возможно представить себѣ стадіи, по которымъ позднѣйшій рассказчикъ могъ бы отъ головы Расланея, лежащаго среди поля, устывшаго костями, дойти до бабу-яги, лежащей въ постели, или представить поводъ, по которому онъ перенесъ деталь о мечѣ съ Расланея на бабу-ягу, не имѣющую никакого вѣшняго сходства съ Расланеємъ.

²⁾ Въ угорусской сказкѣ (Этнографич. збірникъ, видає этногр. комисія Наукового товариства імені Шевченка, т. IV, Львів, 1898) сынъ медвѣдя назыв. Медвѣдь Іванко. Къ сказкѣ указана литература. См. Драгомановъ. „Ведмеже ухо, Верни-гора и Крутивусъ“ (Малор. пред., 255), „Розомни жєдєзо, Роспахє-гора и Загативода“ (257), Шейвъ, „Івашка барашка, медвѣжье ушко“ (Матеріали, 110), Гнатюкъ, „Іванко, Товчківинъ-Печиволачі, Сучи-могузокъ“, стр. 33—39, Садовниковъ, „Медвѣжий сынъ. (Самарск. сказки, 150), Гринченко, „Івашко, ведмеже ушко“, I, 181.

³⁾ Schiefner, Awarische Texten, S. Ptsb., 1873 (издеченіе изъ Mémoires de l'Acad. de Saint-Petersbourg, VII Série, t. XIX, № 6).

⁴⁾ Александръ Македонскій, герой романа „Александрія“, сынъ Олимпіады и Нептавеба, который явился Олимпіадѣ въ видѣ вологлаваго бога Аммова, убиваетъ своего отца Нептавеба, столкнувъ его съ крыши дома.

при видѣ картъ и торопить Медвѣжье ухо отвести ее на прежнее мѣсто ¹⁾). Медвѣжье ухо оставляетъ царя и идетъ странствовать; дорогой встрѣчаетъ человѣка, который несетъ на себѣ два платана, вырванныхъ съ корнями, и другого, который вортитъ мельницу на своихъ колѣняхъ; они присоединяются къ Медвѣжьему уху. Далѣе эпизодъ о карликѣ съ длинной бородой, который избиваетъ двухъ товарищей, остававшихся поочередно готовить обѣдъ, но Медвѣжье ухо беретъ верхъ надъ нимъ и защемяетъ его бороду въ трещинѣ дерева ²⁾). Карликъ, увлекаемый за собой дерево, уходитъ подъ землю, Медвѣжье ухо спускается слѣдомъ за нимъ, убиваетъ его, освобождаетъ плѣненную имъ дѣвицу и подаетъ ее на верхъ товарищамъ; они принцессу подпимаютъ, а Медвѣжье ухо оставляютъ въ подземномъ мірѣ. Провалившись еще въ болѣе низшій слой подземнаго міра, Медвѣжье ухо убиваетъ дракона съ девятью головами, которому ежегодно давали на съѣденіе дѣвицу. Орелъ, благодарный ему за то, что онъ убилъ змѣю, которая ползла, чтобъ съѣсть орлятъ, выноситъ его прямо на Божій свѣтъ ³⁾).

Тотъ же сюжетъ о жизни трехъ или четырехъ товарищей-охотниковъ, поочередно домовничающихъ, и о чудовищѣ, которое дѣлаетъ насиліе надъ ними и уходитъ въ подземелье, соединенъ иногда съ другимъ введеніемъ; главное лицо, побѣдитель чудовища, зачатъ не отъ медвѣя, а отъ съѣденной рыбы или отъ съѣденной ухи ⁴⁾:

Въ монгольской сказкѣ о Масатѣ съ телячьимъ лицомъ ⁵⁾ вмѣсто неестественнаго зачатія (отъ съѣденной рыбы), какъ въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“, стоитъ неестественный половой союзъ между человѣкомъ и четвероногимъ животнымъ, какъ въ сказкахъ

¹⁾ Сходная сцена, въ нашихъ былинахъ; князь Владимиръ перепугался, когда Илья Муромецъ привезъ Соловья.

²⁾ Въ якутскомъ вариантѣ этой сказки, записанной новою (Очерки с.-в. Монг., IV, 782), Медвѣжій сынъ, Че уа', такъ сильно ударилъ бородастого человѣка, стоящаго тутъ на мѣстѣ карлика, объ дерево, что всадилъ его въ дерево, навѣ топоръ.

³⁾ Гиздо на деревѣ мы находимъ въ монгольской сказкѣ о Дзалу-мрганѣ (Очерки с.-в. Монг., IV, 511); этотъ богатырь называетъ на сандальное дерево (двандынъ-моло); на немъ гиздо птицы Хавъ-Гаридъ; змѣя Абырга-могой обвилась кругомъ дерева и готова съѣсть птенцовъ; богатырь убиваетъ змѣю и благодарная птица приноситъ ему морскую вѣну, за которую онъ поѣхалъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ этой сказкѣ соединены темы изъ Еруслана (бѣи отца съ сыномъ, котораго отецъ находитъ спящимъ въ полѣ и сначала не узнаетъ, стр. 508—509; убіеніе змѣи (мавгмса), и сонъ передъ тѣмъ, отъ котораго онъ просыпается только послѣ слезы женщины, капнувшей ему на щеку, стр. 508) и изъ сказки о медвѣжьемъ сынѣ (гиздо птенцовъ на деревѣ и змѣя, стр. 511; можетъ быть, сюда же слѣдуетъ отнести и эпизодъ о товарищахъ, одаренныхъ необыкновенными способностями, необыкновеннымъ слухомъ, способностью поднимать горы, и пр., стр. 503—504).

⁴⁾ Афанасьевъ, третье изданіе (1897) I, 76, 162, 170.

⁵⁾ Шиддикуръ въ Этвогр. Сборникъ, изд. Геогр. Общ., т. VI. стр. 21—27.

„Jean de l'Ours“ и „Ивашко Медвѣдко“. Старикъ, имѣвшій бездѣтную жену, прижилъ съ коровой сына, который имѣлъ телѣчью голову и былъ названъ Масангомъ¹⁾. Масангъ оставляетъ домъ родителя; въ лѣсу онъ встрѣчаетъ чернаго человѣка, родившагося отъ травы, потомъ въ степи зеленаго человѣка, родившагося отъ травы и около хрустальнаго холма бѣлаго человѣка, родившагося отъ хрустала. Всѣ трое присоединяются къ Масангу; они находятъ уединенный домъ; каждый день трое уходятъ на охоту, одинъ остается въ домѣ. Каждый день является маленькая женщина, съѣдаетъ весь заготовленный обѣдъ и исчезаетъ; товарищъ остававшійся въ домѣ, беретъ конское копыто, дѣлаетъ слѣды вокругъ дома, и потомъ рассказываетъ своимъ товарищамъ, будто на него напало большое войско и отняло все заготовленное. Такъ побиты женщиной черныи человѣкъ, зеленыи и бѣлыи. Наступаетъ очередь остаться въ домѣ Масангу, онъ побиваетъ женщину и облачаетъ товарищей во лжи. Они идутъ выслѣживать женщину по пролитой крови, приходятъ къ ямѣ въ скалѣ и видятъ на днѣ ея трупъ женщины и груду драгоценностей. Товарищи спускаютъ Масанга въ яму на веревкѣ; Масангъ подаетъ имъ на верхъ по веревкѣ драгоценности; товарищи поднимаютъ ихъ, но Масанга оставляютъ въ ямѣ. Масангъ находитъ три вишневыхъ косточки, садитъ ихъ въ землю, а самъ ложится спать. Просыпается черезъ нѣсколько лѣтъ, вишни выросли большими деревьями и онъ по нимъ выбрался изъ ямы. Онъ нашелъ своихъ вѣроломныхъ товарищей, но простилъ ихъ.

Въ монгольской сказкѣ нѣтъ освобожденія трехъ цареней, но тутъ несомнѣнно пропускъ; Масангъ, выйдя на вольный свѣтъ, ищетъ своихъ товарищей и находитъ трехъ женщинъ; это жены его товарищей, которые живутъ каждый въ отдѣльномъ другъ отъ друга домѣ. Мужья были на охотѣ; Масангъ находитъ ихъ и пускаетъ въ нихъ стрѣлу; по стрѣлѣ они узнали, кто стрѣляетъ, и стали просить у Масанга прощенія, соглашаясь уступить ему своихъ женъ. Это и были вѣроятно освобожденные Масангомъ царевны.

¹⁾ Въ большинствѣ случаевъ отецъ животное (медвѣдь), мать человѣкъ, но въ имеретинской, какъ и въ монгольской, человѣкъ является отцомъ, а мать животнымъ. Герой имеретинской сказки Леванъ Датвишъ-швили, т. е. „Леванъ, Медвѣжій сынъ“ сынъ пона и медвѣдицы. Онъ, подобно Ерусалану, оказывается неудобнымъ для человѣческаго общества вслѣдствіе своей чрезвычайной силы; царь поручаетъ ему опасныя порученія, чтобы избавиться отъ него, и посылаетъ его 1) вырубить лѣсъ, 2) достать красавицу Мзисъ-Нахави. Леванъ набираетъ товарищей, обжору, оппивало, слушателя, хромого пастуха зайцевъ; получивъ царевну, ѣдетъ въ дарю, но падаетъ въ яму, коварно пригласивъ въ воротахъ; его выносятъ крылатые копи. (Сборн. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавказа, в. XIX, отд. II, стр. 1—8). Въ киргизско-татарской сказкѣ Ибиге-ип родится (въ пещерѣ) отъ союза человѣка и чудовищной женщины *албысты* (Живая Старина, 1897, в. IV, стр. 230); *албысты* на мѣстѣ медвѣдицы.

Въ монгольской сказкѣ нѣтъ эпизода о благодарной птицѣ, за спасеніе дѣтеннышей отъ грозовъ и тучи или отъ змѣи выносящей героя на бѣлый свѣтъ; монгольская сказка придумала другое средство вывести героя изъ подземнаго міра—изъ трехъ косточекъ вырастаетъ высокое вишневое дерево, по которому Масангъ выбирается на верхъ. Но мотивъ благодарнаго существа все-таки введенъ и въ монгольскую сказку въ видѣ отдѣльнаго эпизода, слѣдующаго сейчасъ за рассказомъ о деревѣ. Я говорю о заступничествѣ Масанга за бѣлаго быка въ борьбѣ съ чернымъ быкомъ.

Выбравшись изъ подземелья, Масангъ приходитъ въ небесное царство Хормусты. Здѣсь онъ, по просьбѣ послѣдняго, принимаетъ участіе въ борьбѣ бѣлаго быка съ чернымъ; подъ видомъ бѣлаго быка сражался тэгрій, т. е. небожитель (сторонникъ или представитель Хормусты), подъ видомъ чернаго—асури или шумусъ; ниже этотъ послѣдній называется Шумусъ-хаганомъ, „царемъ шумусовъ“ (т. е. царемъ нечистыхъ духовъ). По совѣту Хормусты Масангъ пускаетъ стрѣлу изъ своего желѣзнаго лука; она попала въ голову чернаго быка, и быкъ убѣжалъ. Уходя съ поля битвы, Масангъ заблудился и пришелъ къ воротамъ жилища Шумусъ-хагана; ему отперла жева хагана, *мечущая изъ рта искры*. Масангъ сказалъ ей, что овъ врачъ; его впустили въ домъ и попросили вылѣчить раненую голову хагана. Масангъ принялся за лѣченіе; онъ бросилъ вверхъ семь зеренъ, которыя ему далъ Хормуста (значеніе этихъ зеренъ сказка не выясняетъ), и еще глубже вогналъ стрѣлу, которая была въ головѣ хагана. Въ это время съ неба спустилась желѣзная цѣпь (ее спустилъ, конечно, благотворный Хормуста), по которой Масангъ началъ подниматься, но жена Шумусъ-хагана схватила желѣзную съ пылающимъ пламенемъ палку и ударила Масанга по спинѣ, отчего Масангъ разсыпался на семь кусковъ, изъ которыхъ образовалось семь буздъ (вѣроятно какое-нибудь созвѣздіе, состоящее изъ семи звѣздъ ¹⁾).

Тэгрій, на котораго нападаетъ черный быкъ, здѣсь занимаетъ мѣсто орляты, которымъ угрожаетъ черная туча или змѣя; на мѣстѣ орла, выносящаго героя изъ подземнаго міра, здѣсь Хормуста, поднимающій Масанга на небо.

Въ монгольской сказкѣ два подъема: 1) изъ подземнаго міра

¹⁾ Выше въ подстрочномъ примѣчаніи изложено содержаніе тюркской сказки о Сѣдѣй-мврғанъ; это кажется одна изъ версій сказки о медвѣжьемъ сынѣ. Сѣдѣй-мврғанъ ходитъ, одѣвшись въ шкуру медвѣди; люди, увидѣвъ его, разбѣгаются; по вѣзоторымъ выраженіямъ судя, онъ не только одѣлся медвѣдемъ, но обратился въ медвѣдя. Съ Масангомъ у него то общее, что, подобно тому, какъ товарищи Масанга не могутъ взять верхъ надъ злой силой, и только Масангъ отиравается съ нею, такъ и здѣсь, соперники Сѣдѣя, его вятля, не могутъ убить тигра, а убиваетъ его только Сѣдѣй; затѣмъ, подобно Масангу, Сѣдѣй опущенъ въ подземный міръ (колодезь); Масангъ выходитъ оттуда по тропинкѣ; Сѣдѣй иначе,—его поднимаютъ на волосахъ, но въ другомъ эпизодѣ Масанга поднимаютъ на цѣпи.

на земную поверхность и 2) съ земной поверхности на небо. Въ большинствѣ же случаевъ одинъ первый подъемъ, но въ аварской если не два подъема, то два паденія: 1) съ земной поверхности въ верхнее подземелье и 2) изъ верхняго подземелья въ нижнее; отсюда герой поднимается прямо на земную поверхность. Въ версіяхъ (вѣрнѣе сказать въ особыхъ сказкахъ о трехъ братьяхъ, ищущихъ увезенную царевну) съ однимъ подъемомъ иногда затрудненія героя происходятъ не подъ землей, а гдѣ-то вверху (можетъ быть, па небѣ). Въ одной русской сказкѣ вмѣсто подземелья Золотая гора; герой спускаетъ царевенъ съ горы на землю на веревкѣ или полотнѣ, но когда надо было спускаться самому герою, братья вырываютъ у него изъ рукъ веревку и онъ остается на горѣ; онъ находитъ случайно палку и она сноситъ его внизъ. Въ греческой также принцесса унесена на гору. Въ испанскій стихотворной передѣлкѣ принцессы заточены на вершинѣ башни; лошадь сноситъ героя съ башни внизъ ¹⁾.

Сказки о персонажѣ необыкновеннаго зачатія, судя по собранному выше матеріалу, по формѣ зачатія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: въ одной этотъ персонажъ сынъ женщины отъ медвѣдя; въ другой онъ сынъ коровы. Эта разница въ формѣ зачатія не служитъ признакомъ категорическаго различія въ сюжетахъ, связанныхъ съ такимъ необычайно зачатымъ героемъ. Сюжеты, приуроченные къ сыну медвѣдя, появляются при воровствѣ сынѣ и наоборотъ. Такъ то, что монгольская сказка

¹⁾ Въ самарской сказкѣ (Садовниковъ, стр. 2) Иванъ Тутыгинъ идетъ освобождать царевну, унесенную Змѣей-Горынычемъ; въ царствѣ Змѣи онъ встрѣчаетъ *пастуховъ, которые пасутъ овецъ*; онъ увозитъ царевну на корабль и попадаетъ къ Кривому Богатырю, — который живетъ *въ пещерѣ съ овцами*, Тутыгинъ выкалываетъ ему единственный глазъ; я думаю, что кривой богатырь могъ носить имя Бил-грімича (см. Вост. мотивы, 702) или Лихо; иногда выручаемая царевна не изображается похищенной, и выдается за дочь того персонажа, котораго убиваетъ ея освободитель; вотъ откуда, можетъ быть отчество Марья *Лиховидовны*, заточенной въ башнѣ царевны въ былинѣ о Подсолнечномъ царствѣ. Отдѣлившись отъ Кривого Богатыря Тутыгинъ идетъ далѣе и натывается на сцену: левъ бьется съ Окаяннымъ и проситъ Тутыгина помочь; за это онъ обѣщаетъ подарить ему коверъ-самолетъ и шапку невидимку. Тутыгинъ убилъ Окаяннаго. Левъ вывозитъ Тутыгина изъ змѣинаго царства; о подаркахъ не говорится, пригодились ли они Тутыгину; вѣроятно былъ вариантъ, въ которомъ было сказано, что Тутыгинъ вылетаетъ на коверъ-самолетъ. Въ вариантѣ Барсова Федоръ Борна, стоящій на мѣстѣ Тутыгина, получаетъ отъ дѣвicy, живущей въ Вавилонскомъ царствѣ, соответствующемъ царству Змѣя-Горыныча, коверъ, вышитый ею. Борна переплываетъ на этомъ коверѣ черезъ море, отдѣляющее Вавилонъ отъ православнаго царства (Ждавова, Русск. былевой эпосъ, Сиб., 1895, стр. II). Въ другомъ вариантѣ у Садовникова, въ которомъ на мѣстѣ Тутыгина также Борна, послѣдній помогаетъ лѣву въ борьбѣ съ Змѣей (стр. 26). Въ Вавилонскомъ царствѣ, стоящемъ въ вариантахъ съ Борной на мѣстѣ царства Змѣя-Горыныча, всѣ люди поведены Змѣями, следовательно это царство въ родѣ царства чело-вѣкоядцевъ.

²⁾ *Cosquin*, I, 15, 16; *Афанасьевъ*, II 118.

разсказываетъ о коровьемъ сынѣ Масангѣ, французская перенесла на Jean'a de l'Ours, сына медвѣдя. Да и тѣ сказки о сынѣ коровы и сынѣ медвѣдя, которыя расходятся въ главномъ сюжетѣ, обмѣниваются нерѣдко своими деталями. Все это можетъ поддерживать мысль о тождествѣ этихъ персонажей, мысль о томъ, что Jean de l'Ours то же самое лицо, что и коровій сынъ, наприм., русскихъ сказокъ. Прежде, когда помнилось болѣе варіантовъ и посредствующихъ звеньевъ между этими сказками, и когда къ сказкѣ былъ еще живой практическій, можетъ быть культовой интересъ, вѣроятно человѣкъ, слушавшій сказку, сильнѣе чувствовалъ это тожество персонажей, чувствовалъ его и въ тѣхъ случаяхъ, когда и въ сюжетѣ и въ именахъ ничего не было похожего; наличность въ памяти посредствующихъ варіантовъ невольно и безсознательно вызывала у слушателя представленіе о тождествѣ. Правда, подъ этими двумя образами могли подразумѣваться не одинъ, а два или нѣсколько реальныхъ предметовъ, наблюденія надъ явленіями которыхъ послужили матеріаломъ для сказочныхъ сюжетовъ; и въ самомъ дѣлѣ, различіе между этими образами, полумедвѣдь и полубыкъ, достаточно рѣзкое, и должно служить препятствіемъ къ смѣшенію разсказовъ о нихъ; но если тѣ двѣ реальности, которыя потому были осмыслены, какъ полумедвѣдь или полубыкъ, мало отличались другъ отъ друга по вѣшнему виду, наприм., если это были звѣзды, то очень рано могъ начаться обмѣнъ сюжетовъ и именъ. И дѣйствительно въ сказкѣ изъ французской Фландріи о двухъ товарищахъ, освобождающихъ двухъ увезенныхъ принцессъ, герой называется Ourson¹⁾. Можетъ быть, одного происхожденія съ этимъ именемъ и Бурза Воловичъ, одинъ изъ трехъ братьевъ, также спасающій изъ заточенія царевну. Въ прежнее время такихъ варіантовъ съ общими именами для разныхъ сюжетовъ было, вѣроятно, еще болѣе.

Гр. Потанинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ *Mélusine*, 1877, 160; *Cosquin*, I, 10.

Этнограф. Обзор. XLVI.

Отголоски сказки обь Ерусланѣ.

(Окончаніе) ¹⁾.

Сказки разнаго содержанія, но объединенныя именемъ главнаго героя, должны были вызвать попытку сдѣлать изъ нихъ сводъ. Одинъ изъ такихъ сводовъ и есть сказка обь Ерусланѣ Лазаревичѣ.

Въ этотъ сводъ вошли сказки и 1) о коровьемъ сынѣ и 2) о чудовищѣ, уходящемъ въ подземелье. Слѣды первой можно видѣть въ эпизодѣ о князѣ Иванѣ; это Иванъ-царевичъ, которому Бурза Воловичъ добываетъ жену; какъ на слѣдъ второй я смотрю на эпизодъ о Феодулѣ Змѣѣ; я полагаю, что этотъ Змѣѣ отвѣчаетъ маленькой женщиной, уходящей подъ землю въ сказкѣ о Масангѣ, бабѣ-ягѣ сказки у Афанасьева, „Ивашко-Медвѣдь“, дѣду съ ногой борода съ локоть въ другихъ сказкахъ и пр. А такъ какъ французская сказка о Jean'ѣ de l'Ours представляетъ варіантъ этихъ сказокъ, то значить и она можетъ быть привлекаема для сравненія съ сказкой обь Ерусланѣ. Эта послѣдняя ничего не говоритъ о зачатіи Еруслана; если она начиналась сходно съ „Бурзой Воловичемъ“, то Ерусланъ могъ быть выдаваемъ за зачатого отъ сѣжденной чудотворной пищи; но намеки на сказку о чудовищѣ, ускользнувшемъ въ трещину скалы, допускають догадку, что сказка начиналась рассказомъ о жевщицѣ, увлеченной медвѣдемъ; съ этой догадкой совпадаетъ и звѣриное имя Еруслана или Уруслана (*арсланъ* „левъ“), не лишенное сходства и съ именемъ французскаго героя Ours. ²⁾

Въ сказкѣ о чудовищѣ, убѣгающемъ въ нору, герой странствуетъ или съ двумя, или съ тремя товарищами. Всѣ они отличаются необыкновенными качествами; одинъ вырываетъ деревья съ корнемъ, другой переставляетъ горы, или поддерживаетъ гору,

¹⁾ См. „Этногр. Обзор.“, XLVI.

²⁾ Въ осетинскомъ преданіи Ростомъ (Рустемъ, Ерусланъ?) находитъ въ башнѣ женщину съ клыками, которая предлагаетъ (вѣроятно навязываетъ насильно) свою любовь (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племен. Кавказа, в. VII, стр. 20—23), отъ которой у него родился сынъ; слѣдовательно сюжетъ въ родѣ того, какой указанъ въ имеретинской сказкѣ о медвѣжьемъ сынѣ Датвисъ-швили: сюжетъ попа и медвѣдицы. (Сборникъ, в. XIX, отд. II стр. 1—8). Это тоже приводитъ къ догадкѣ, что и Ерусланъ или сынъ его представлялся, какъ сынъ медвѣдицы и человека, или медвѣдя и женщины.

иначе она покачнется и т. д.; эти качества однако въ сказкѣ не пригождаются; очевидно, мы тутъ имѣемъ дѣло съ пропускомъ. Въ сказкѣ другого сюжета, именно о полетѣ за похищенной дѣвицей на птицѣ или летучемъ кораблѣ шести или семи товарищей, товарищи отличаются или искусствомъ, или необычайными качествами: одинъ столяръ, другой маляръ, третій имѣетъ необыкновенный слухъ, четвертый быстрыя ноги, такъ что обгоняетъ зайца, пятый способенъ выпить цѣлое море и т. д. Всѣ эти добродѣтели пригодились, когда коммѣзія отправилась возвращать увезенную женщину. Вѣроятно, и въ сказкѣ о чудовищѣ, уходящемъ подъ землю, необыкновенныя качества товарищей также приносили пользу. Схема у обѣихъ сказокъ сходная: похищеніе дѣвицы и поѣздка героя съ товарищами для ея возвращенія, разница только въ томъ, гдѣ помѣщается похититель: въ одной сказкѣ онъ подъ землей, и товарищи опускаютъ героя въ подземелье на веревкѣ; въ другой похититель гдѣ-то на высотѣ, можетъ быть на небѣ, и герой съ товарищами летитъ туда на автоматической птицѣ. Изъ предыдущаго обзора видно, что сказка о чудовищѣ, уходящемъ подъ землю, переходитъ въ такую, гдѣ похищенная дѣвица содержится не въ подземельѣ, а на горѣ или на вершинѣ башни.

Иногда и въ сказкѣ съ подземельемъ исключительныя способности товарищей пригождаются. Такъ, у Афанасьева въ сказкѣ № 81 Усыня ¹⁾ владѣтъ свой необыкновенно длинный усъ черезъ море и товарищи переходятъ по нему, какъ по мосту. ²⁾ Коскенъ указываетъ сказку изъ Пенджаба, въ которой есть разсказъ о жизни въ уединенной хижинѣ, о посѣщеніяхъ ея чудовищемъ, отнимающимъ пищу, и о необыкновенныхъ дарованіяхъ товарищей. Въ этой сказкѣ эти дарованія пригождаются ³⁾. Сомнительно, чтобы сказка придумала одарить товарищей героя необыкновенными способностями безъ разсчета воспользоваться ими впоследствии; необходимо предположить, что и три товарища сказки о подземельѣ, подобно шести или семи товарищамъ сказки съ автоматической птицѣ, воспользовались своими дарованіями въ интересахъ героя сказки.

Иногда и самые таланты трехъ товарищей были, кажется, сходны съ талантами семи товарищей. У Афанасьева въ той же сказкѣ № 81 ⁴⁾ одинъ изъ товарищей ловитъ рыбу; Иванъ-царевичъ хочетъ помочь ему и выпиваетъ все море, такъ что рыба очутилась на сухомъ днѣ; этотъ даръ опорожнять море перенесенъ здѣсь на главное лицо по ошибкѣ; въ имеретинской сказкѣ ⁵⁾ въ числѣ

¹⁾ Афанасьевъ, I, 175.

²⁾ Ibid., 178.

³⁾ Cosquin, I, 25.

⁴⁾ Афанасьевъ, I, № 81, а (вар. 1), стр. 176.

⁵⁾ Сборникъ матер. для опис. Кавказа, в. XIX, отд. II, стр. 4 и 5.

товарищей медвѣжьяго сына находится опивало. Въ той же имеретинской сказкѣ въ числѣ товарищей значится хромой пастухъ зайцевъ; это вѣроятно человѣкъ, который, не смотря на хромоту, опережалъ зайцевъ; въ ряду семи товарищей онъ будетъ отвѣчать тому, который отличался быстрымъ бѣгомъ, могъ обгонять дикую козу, не смотря на то, что къ его ногамъ были привязаны камни. *Arpue-Montagne*, поддерживающій или толкающій гору, среди семи товарищей имѣетъ параллель въ богатырѣ, переставляющемъ горы.

Есть записи сказки о шести или семи товарищахъ, которыя кончаются заявленіемъ, что эти шесть искусныхъ товарищей теперь видны въ небѣ въ видѣ шести звѣздъ Плеядъ ¹⁾. Эти записи даютъ поводъ и для трехъ товарищей сказки съ подземельемъ искать приуроченія на картѣ неба. Группа изъ трехъ персонажей можетъ быть заимствована отъ трехъ звѣздъ Оріона; сказка говорить или о героѣ и его двухъ товарищахъ, или о героѣ и о его трехъ товарищахъ; въ первомъ случаѣ сказка, значить, видѣла героя въ одной изъ звѣздъ Оріона, во второмъ три звѣзды Оріона это три товарища, а самаго героя нужно искать гдѣ-нибудь внѣ этой звѣздной троицы. Самъ герой это, можетъ быть, луна, или солнце, или Большая Медвѣдица, или Плеяды.

Къ Большой Медвѣдицѣ приуроченъ рассказъ о погонѣ; это или богатырь, который гонится за враждебнымъ существомъ, или это человѣкъ, за которымъ кто-то гонится, какъ въ тюрко-монгольскихъ сказаніяхъ, ²⁾ или это лось, за которымъ гонится охотникъ, какъ это въ остяцкомъ преданіи ³⁾. Въ своихъ „Вост. мотивахъ“ я указалъ на совпаденіе чертъ остяцкаго рассказа съ монгольскимъ рассказомъ о томъ, какъ пастухъ ловить коня для Иринъ-Сайна ⁴⁾; если же въ этой послѣдней сказкѣ иногда на мѣстѣ Иринъ-Сайна стояло Арсланъ, т. е. имя одного брата переносилось на другого, то понятно, почему эпизодъ о ловлѣ коня явился въ сказкѣ объ Ерусланѣ. Вѣроятно въ тюрко-монгольскомъ фольклорѣ былъ рассказъ о Большой Медвѣдицѣ, который представлялъ ее не лосемъ, а конемъ, котораго кто-то ловить, или сама Б. Медвѣдица представлялась человѣкомъ, который гонится за лошадей, и этотъ-то рассказъ вошелъ въ сводъ объ Иринъ-Сайнѣ и въ нашу сказку объ Ерусланѣ. Въ случаѣ, представлявшемъ Б. Медвѣдицу персонажемъ, ловящимъ коня, нужно предположить, что созвѣздіе называлось Арсланъ (Ерусланъ).

У нѣкоторыхъ тюрковъ Б. Медвѣдица называется Джеты-Ка-

¹⁾ Танг.-тиб. окр. Китая, II, 146; *Jagić*, Archiv für slav. Phil., V, S. 36; *Grundwig*, Dänische Volksmärchen, übers. v. Leo, Leipzig, 1878, S. 110.

²⁾ Очерки с.-з. Монг., IV, 193, 194.

³⁾ *Patkanow*, Die Irtysch-Ostjaken, St. Ptb., 1897, s. 119.

⁴⁾ Вост. мотивы, стр. 743.

ракъ или Джеты-Каракше, „семь воровъ“¹⁾). Въ южнорусскихъ сказкахъ монгольскому Масангу отвѣчаютъ Коты-горошекъ, Покотыгорошекъ²⁾, Катигорошка³⁾, въ бѣлорусскихъ Кацигорошекъ, Покаца-горохъ⁴⁾, Катигорошинка⁵⁾, въ великорусской дубочной Иванъ-Горохъ⁶⁾; въ одномъ варіантѣ именемъ Горошникъ названъ товарищъ, а не главное лицо⁷⁾.

Въ киргизскихъ легендахъ Б. Медвѣдица иногда представляется въ видѣ семи волковъ⁸⁾. Представленія ея въ видѣ семи медвѣдей до сей поры не удалось встрѣтить у кочевниковъ средней Азіи; въ сѣверномъ Тибетѣ у шира-егуровъ я записалъ имя этого созвѣздія *долонъ херъизъ*, что можетъ быть истолковано, какъ „семь эркэ“, т. е. „семь медвѣдей самцовъ“⁹⁾. Медвѣдь по-монгольски *хара-мурёсу*, что въ переводѣ будетъ „черный звѣрь“. Семь медвѣдей по-монгольски будетъ *долонъ-хара-мурёсу*, семь звѣрей — *долонъ мурёсу*, по бурятски *долонъ-мурёхунъ*, а если допустить замѣну монгольскаго числа тюркскимъ *джиты* (что практиковалось въ ордѣ, наприм., у Рашидъ-Эддина названіе страны Секизъ-муренъ, „Восьмиръчье“, составлено изъ тюркскаго *секизъ* „восемь“ и монгольскаго *муренъ* „рѣка“¹⁰⁾, то получится *джиты-мурёсу*.

Если вѣрить сказкѣ, то Коты-Горошекъ названъ такъ потому, что зачать отъ горошины, которую его мать проглотила. Если бы дѣйствительно представленіе о проглоченной горошинѣ предшествовало имени Горошекъ или Горохъ, то едва ли русскому челоуѣку могло показаться болѣе естественнымъ на этомъ мѣстѣ чужое Кыріакъ, чѣмъ русское горохъ¹¹⁾. Не лучше ли предпо-

1) У некоторыхъ тюркскихъ племенъ *еди-уру*, „семь воровъ“. Имя одного киргизскаго поколѣнія Джеты-ру (*ру, уру* — „поколѣніе, родъ“) переводятъ не семь воровъ, а семь родовъ.

2) *Афанасьевъ*, № 74, т. I, стр. 141; *Чубинскій*, II, №№ 61, 62 и 63, стр. 229—238; *Драгомановъ*, Малорусск. преданія и рассказы, Кіевъ, 1876, стр. 260. Въ № 63 у *Чубинскаго* змій Ива убилъ двѣнадцать братьевъ и унесъ ихъ сестру. Покотыгорошекъ жуеетъ себя булаву, ловить воня при содѣйствіи пастуха (подобно Еруслану) и освобождаетъ сестру.

3) *Манжура*, Сказки (Сборн. Харьк. ист.-эп. общ., III), стр. 30; ср. со сказкой у того же собирателя Кыріакъ, Кобылячій сынъ, стр. 43—45.

4) *Шейкъ*, Матер. для изуч. яз. сѣв. зап. края въ Сбор. отд. русск. яз. и сл. Ак. Наукъ, т. LVII, стр. 86 и 89.

5) *Добровольскій*, Смоленск. сборн., ч. I, стр. 624.

6) *Афанасьевъ*, I, 149.

7) *Ibid.*, 176.

8) Въ вариантахъ одной европейской сказки такая же замѣна воровъ волками; компанія друзей попадаетъ въ одномъ вариантѣ въ домъ семи волковъ, въ другомъ въ домъ, обретаемый ворами (*Совдигинъ*, II, 104).

9) Танг.-тиб. окраина Китая, II, 318.

10) *Рашидъ Эддинъ*, Сборникъ лѣтописей. Исторія Монголовъ, перев. Березина, въ запискахъ Импер. Археолог. Общ., т. XIV (Спб., 1858), стр. 79 и 249.

11) Впрочемъ о Кыріакъ не говорится, что онъ зачать отъ горошины; по содержанію сказка объ немъ принадлежитъ къ группѣ сказокъ о коровьенъ сынѣ.

жить, что тутъ было какое-то архаическое, отъ котораго произошли и Кырйакъ и Горохъ, и что проглоченная горошина явилась уже подъ влияніемъ послѣдняго имени ¹⁾.

Коты и Покоты также, можетъ быть, архаическія формы, осмысленныя по-русски. Въ угрорусской сказкѣ о Каролѣ находится форма Кутя-татаре; хотя это Кутя прилагается здѣсь не къ главному герою, а къ пѣсиглавцамъ, его противникамъ, но перемѣщеніе имѣетъ въ сказкахъ вещь обыкновенная. Если Коты-горошекъ дѣйствительно имѣетъ отношеніе къ Б. Медвѣдицѣ и къ ея тюркскому имени Джиты-Каракше, то Коты будетъ отвѣчать первому члену Джиты. Въ другихъ тюркскихъ нарѣчіяхъ Б. Медвѣдица называется Джитыганъ, Жидиганъ, Тъедыганъ и т. д. Хотя я не нашелъ до сихъ поръ ни одного случая, когда бы эта форма являлась съ инициаломъ *к*, но связанныя съ именами Кидэв-ханъ, Китанъ-ханъ, Көдөнъ-пи темы въ тюрко-монгольскомъ фольклорѣ наводятъ на связь этого имени съ созвѣздіемъ Б. Медвѣдицы ²⁾.

Въ группѣ пересмотрѣнныхъ выше сказокъ, которую можно назвать группою Еруслановскихъ сказокъ, съ бросающимся въ глаза постоянствомъ встрѣчается число три. Это число тоже могло зайти въ сказку изъ звѣзднаго эпоса. Какъ число семь въ сказкахъ можетъ быть отнесено на счетъ Б. Медвѣдицы, число шесть на счетъ Плеядъ ³⁾, такъ число три мы можемъ счесть за навѣянное видомъ Оріона. Три звѣзды въ поясѣ Оріона такъ рѣзко отграничены отъ остальнаго неба, (гораздо рѣзче даже, чѣмъ семь звѣздъ Б. Медвѣдицы), что должны были непременно врѣзаться въ представленія людей и отразиться въ сказаніяхъ. Въ еруслановскихъ сказкахъ встрѣчаются 1) три товарища, живущіе вмѣстѣ съ главнымъ героемъ въ домѣ или хижинѣ въ какомъ-то лѣсу (въ лѣсной избушкѣ русскихъ сказокъ); 2) три дѣвицы, которыя попадаютъ герою въ дорогѣ; иногда это три сестры; въ сказкѣ объ Ерусланѣ о нихъ сказано, что онѣ кочуютъ въ полѣ, значить живутъ въ шатрахъ; этотъ образъ извѣстенъ и монгольскимъ сказкамъ, въ которыхъ упоминаются находящійся героемъ на дорогѣ три дѣвицы, живущія въ степи въ бѣлыхъ юртахъ; въ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ три дѣвицы выдаются за его небесныхъ сестеръ; 3) три принцессы или царевны, которыя похищены дракономъ или змѣею и увлечены въ подземелье; это иногда сестры главнаго героя; 4) три дракона, которые въ нѣкоторыхъ сказкахъ стоятъ на мѣстѣ одного дракона, похитившаго

¹⁾ Впрочемъ, въ степномъ фольклорѣ есть рассказы о предкѣхъ племени, ватагомъ отъ проглоченной градины (Очерки с.-в. Монг., IV, 3 и 680).

²⁾ См. „Восточные мотивы“, 118, 455.

³⁾ По крайней мѣрѣ, народное монгольское повѣрье насчитываетъ въ Плеядахъ шесть звѣздъ.

царевенъ¹⁾. Три области этихъ змѣевъ въ русскихъ сказкахъ называются царствами мѣднымъ, серебрянымъ и золотымъ; когда три змѣя убиты, плѣненные ими царевны свиваютъ царства въ три яйца: мѣдное, серебряное и золотое, которыми герой беретъ за пазуху и выноситъ съ собой наверхъ²⁾. Во французскихъ сказкахъ свиванія царствъ нѣтъ; принцессы просто даютъ своему освободителю три шара, или, когда онѣ уже вынесены наверхъ, принцессы просятъ принести изъ подъ земли золотой шаръ съ изображеніемъ солнца, серебрянный съ изображеніемъ утренней звѣзды; въ нѣмецкой изъ Шлезвига—золотое солнце, золотую звѣзду и золотую луну³⁾.

Часто встрѣчается въ этихъ сказкахъ дубъ. Ерусланъ въ спискѣ Ундольскаго ѣдетъ въ царство царя Огненный-Щитъ, но не знаетъ пути туда, на дорогѣ встрѣчаетъ дубъ, къ которому слетается стадо птицъ хохотуней; Ерусланъ ловитъ одну изъ нихъ, и птица переноситъ его вмѣстѣ съ конемъ въ царство царя Огненный-Щитъ. Въ другихъ сказкахъ о герояхъ въ подземельѣ также встрѣчается образъ дерева въ связи съ птицами; герой не знаетъ, какъ ему выбраться изъ темнаго подземнаго царства на вольный свѣтъ, встрѣчаетъ на дорогѣ дубъ и на немъ орлиное гнѣздо; орлица выноситъ его на спинѣ въ другой міръ⁴⁾. Гнѣздо съ

¹⁾ Въ одной сказкѣ (*Cosquin* I, 13) драковъ одинъ, но съ семью головами; тутъ слѣдовательно намекъ на Б. Медвѣдицу, а не на Орионъ.

²⁾ *Афанасьевъ*, I, № 71 и 73, стр. 133 и 137.

³⁾ *Cosquin*, I, 17. Въ каталонской сказкѣ о человѣкѣ, отсуленномъ чорту, троица: луна, солнце и вѣтеръ; послѣдній даетъ герою наставленіе, какъ овладѣть одной изъ трехъ дѣвъ, которыя въ видѣ птицъ слетятъ на озеро купаться. Въ сказкѣ изъ итальянск. Тироля на мѣстѣ вѣтра св. Антоній Падуанскій (*Cosquin*, II, 14). О троицахъ въ монгольскихъ сказкахъ (солнце, луна и Плеяды) см. Вост. мотивы, 289.

⁴⁾ Въ белорусской сказкѣ „Подземное царство“ (*Романовъ*, Бѣлор. сб., т. I, в. 3, стр. 84) Ивана-царевича выносятъ на вольный свѣтъ птахъ, гнѣздо котораго на дубѣ; въ вариантѣ (стр. 87) царевичъ вылетаетъ на жаръ-птицъ, въ другомъ вариантѣ (стр. 85) на шкурѣ бѣлаго медвѣдя, при чемъ выдра служила вмѣсто сѣдла, а сама ужъ вмѣсто козла; Иванъ-царевичъ ударилъ по шкурѣ три раза и вылетѣлъ. У Афанасьева (I, 126) въ сказкѣ изъ Пинежск. у. Иванъ-царевичъ нашелъ дудку и заигралъ на ней; выскочили кривой и хромой и спрашиваютъ: „что угодно, Иванъ-царевичъ?“ Они выносятъ его изъ подземнаго царства: дудка въ восточной сказкѣ (*Cosquin*, I, 24; *Grimm*, № 91). Въ вариантѣ с (стр. 133) отъ удара о землю посошка-перушка является двѣнадцать молодцовъ; они выносятъ Ивана-царевича на свѣтъ. Посошокъ отнять Иваномъ-царевичемъ у Ворона Вороновича, похитителя его матери. Иванъ свалился на крыльяхъ Ворона Вороновича; тотъ носилъ его по горамъ, по облакамъ, но не могъ съ себя сбросить; царевичъ оставилъ его подъ условіемъ отдать посошокъ. Въ лубочной сказкѣ (*Афан.* I, 140) похититель матери Ивана-царевича, Вихорь, имѣетъ волшебную палицу; царевичъ ухватился за нее, Вихорь поднялся на воздухъ и началъ летать, наконецъ опустился на землю и расщипался на мелкія части; распаденье на части въ звѣздномъ эпосѣ Монголіи связано съ созвѣздіемъ Плеяды. Въ эпизодѣ съ птицей, выносящей богатыря въ верхній міръ, часто встрѣчается мотивъ—вырываніе

птенцами обыкновенно народнымъ вѣрованіемъ связывалось съ созвѣздіемъ Плеяды; на это указываютъ имена созвѣздія: Утиное гнѣздо, Куриное гнѣздо, Птичье гнѣздо, Осинное гнѣздо ¹⁾, Квочка и съ курчатами ²⁾.

Бурза Воловничъ наѣзжаетъ на дубъ, закиданный костями, потомъ на два, потомъ на три дуба; въ сказкѣ „Три царства“ у Афанасьева три дуба, одинъ въ 15 обхватовъ, другой въ 20 и третій въ 25; Иванъ Затрубникъ, валявшійся на печкѣ въ золѣ, собирается отыскивать увезенную царицу и пробуетъ силу, вырываетъ съ корнемъ сначала одинъ дубъ, черезъ годъ другой болѣе толстый и наконецъ самый толстый ³⁾. Этотъ мотивъ былъ очевидно и въ сказкѣ „Бурза Воловничъ“, но скомканъ; тутъ только сказано, что два брата, выпивъ живой воды, пробуютъ свою силу, упираются въ дубъ ногами и разрываютъ его. Незначитъ ли это, что Оріонъ представлялся въ видѣ трехъ дубовъ. Въ сказкахъ объ Еруславѣ не три дуба съ костями, а три поля, усыпанные костями побитыхъ ратей; на третьемъ полѣ лежитъ голова или тѣло богатыря Расладея. Въ эпизодѣ бурятской сказки „Ханъ-Гухиръ“, представляющемъ параллель къ этому мѣсту русской сказки, на мѣстѣ Расладея неподвижно лежитъ богатырь Хухудой. Мотивъ неподвижности въ звѣздномъ эпосѣ связанъ съ созвѣздіемъ Оріонъ; о созвѣздіи говорятъ, что это богатырь Коготѣй, Кутей, Кугульдей, Коголь, Гоголь и пр., охотящійся за тремя оленухами ⁴⁾. Можетъ быть, изъ сказаній объ Оріонѣ самое правильное то, которое въ трехъ звѣздахъ Оріона видитъ только трехъ оленухъ, а стрѣлка предоставляетъ намъ искать въ созвѣздіи. Тогда это можетъ быть сосѣднее созвѣздіе Плеяды или можетъ быть какая-нибудь другая звѣзда, наприм. Полярная. Дерево или дубъ, когда онъ является въ единственномъ числѣ, образъ также подходящий для сближенія съ Полярной звѣздой, которая, какъ я это старался провести въ своихъ книгахъ ⁵⁾, могла представляться древнему человѣку въ видѣ колонны, поддерживающей сводъ храма или дворца, кола или камня, которымъ

куста мяса изъ шкуры ноги. Выхваченное изъ ноги мясо связано съ полетомъ и въ сказаніи объ Иванѣ Крестителѣ и царѣ Дукліанѣ; Дукліанъ гонится за Иваномъ, улетающимъ на небо, и вырываетъ у него кусокъ мяса изъ ступни, отчего у людей и выимка на ступнѣ. Въ сказкахъ вырванное мясо потомъ снова прикладывается и прирастаетъ; искалѣченная нога восстанавливается какъ будто безъ слѣда. Но въ словацкой сказкѣ (Аван., I, 141) царевичъ, вырвавшій мясо и отдавшій его дракону, на вѣки остался хромымъ.

¹⁾ Танг.-тиб. окраина Китая, II, 324; Очерки, с. з. Монг., IV, 730.

²⁾ Лѣтопись ошлх. общ. при Новоросс. универс., III, 1894 г. ст. Ястребова, стр. 64. („Курочка“, подраз. съ цыплятами, въ Сѣздецк. г., по сообщ. Н. А. Янчука).

³⁾ Афанасьевъ, № 71, т. I, стр. 132.

⁴⁾ Очерки с. з. Монг., II, 124; IV, 204, 789; Танг.-тиб. окраина Китая, II, 328.

⁵⁾ Вост. мотивы, 203.

забито отверстіе и удерживаются воды, готовыя хлынуть, залить землю и погубить живой міръ, наконецъ въ видѣ мірового дерева, съ устойчивостью котораго также могла связываться прочность мірового порядка. Сюда же можетъ быть вносльдствіи приурочатся и представленія о каменномъ столбѣ, въ которомъ замурованъ человѣкъ, о башнѣ, въ которой заточена красавица, подвѣшенный на цѣпяхъ гробъ, въ которомъ лежитъ спящая царевна, или каменный гробъ, въ которомъ заживо погребенъ богатырь. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ сказокъ дѣйствительно встрѣчается образъ красавицы, заточенной на вершинѣ башни, или на золотой горѣ ¹⁾. Въ смоленской сказкѣ объ Игрѣ Палугримъ сидитъ на деревѣ, а варіантъ этого образа дивій мужъ сидитъ на столбѣ ²⁾. Палугримъ даетъ Игру коня, на которомъ тотъ можетъ перелетѣть черезъ стѣну въ городъ, гдѣ спитъ дѣвица; слѣдовательно, этотъ конь оказываетъ герою въ сходныхъ обстоятельствахъ такую же услугу, какъ и орлица, гнѣздо которой было на дубѣ; можетъ быть, редакція этого мѣста была еще ближе къ разсказу объ орлицѣ; Палугримъ, сидѣвшій на дубѣ, на себѣ носилъ героя; и въ самомъ дѣлѣ, въ верхоянской сказкѣ Пилигримъ, освобожденный изъ заточенія въ тюрьмѣ, носитъ, летая, на себѣ своего освободителя ³⁾.

Бурза Воловичъ, отправляясь въ изгнаніе, идетъ сначала пѣшкомъ, потомъ по указанію старухи ⁴⁾ находитъ коня въ погребу подъ дубомъ. Конь на привязи сибирско-татарскимъ и киргизскимъ повѣрьемъ относится къ Полярной звѣздѣ; звѣзда это приколь, къ которому привязаны на арканѣ одинъ или два коня ⁵⁾; дубъ въ этой русской сказкѣ представляетъ то же самое, что въ татарскомъ преданіи выражено представленіемъ о конѣ.

Въ числѣ товарищей французская сказка: „Jean de l' Ours“ одного называется Арруи-Montagne; онъ подпираетъ плечомъ гору; только онъ попробовалъ по просьбѣ Jean'a отодвинуться отъ горы, какъ гора покачнулась. Это напоминаетъ народныя повѣрья о летучей мыши, которая поддерживаетъ міръ, въ томъ числѣ и монгольское о томъ же животномъ: летучая мышь, чтобы объяснить, почему она днемъ держится прижавшись къ скалѣ, говоритъ о себѣ, будто она поддерживаетъ камень, въ противномъ случаѣ онъ

¹⁾ Алтынъ-ту, „Золотая гора“, мѣстеческая гора алтайцевъ.

²⁾ *Добровольскій*, Смоленск. сборн., I, 495.

³⁾ Чудесный конь, на которомъ съ несбыточною быстротой въ монгольскомъ сказаніи *Ахалъ Аргасунъ-хорчянъ*, и въ которомъ я вижу монгольскій эквивалентъ къ Западному *cheval de fuit*, назывался Гурбигу, именемъ птицы, которая въ другомъ преданіи стоитъ на мѣстѣ летучей мыши (См. Вост. мотивы, 327).

⁴⁾ Эта старуха, дающая совѣтъ, обуславливающий успѣхъ героя въ его предпріятіяхъ, можетъ быть, его мать. Стоящій въ другихъ сказкахъ на этомъ мѣстѣ пастухъ, можетъ быть, его отецъ.

⁵⁾ Вост. мотивы, 127.

можетъ упасть ¹⁾. Эти мотивы, кажется, находятся въ связи съ представленіями о Полярной звѣздѣ, въ которой, судя по нѣкоторымъ даннымъ изъ фольклора, прежніе люди видѣли мировой столбъ или колонну, подпирающую сводъ міра (ея народное названіе у кочевниковъ „Золотой колъ“); на нее смотрѣли, какъ на основу мирового спокойствія, какъ на матицу мірозаднія. Въ одной сказкѣ одинъ изъ товарищей вертитъ мельницу на своемъ колѣнѣ—указаніе на звѣздный міръ, на круговращеніе звѣздъ вокругъ Полярной звѣзды.

Въ русскихъ сказкахъ о коровьемъ сынѣ злое существо, наносящее побои товарищамъ, дежурящимъ въ лѣсной избушкѣ, въ однѣхъ изображается старикомъ съ длинной бородой (дѣдъ съ ногѣтъ, борода съ локотѣ) ²⁾, въ другихъ это баба-яга, во французскихъ *paup à grand barbe*, великанъ, старая женщина или колдунья.

Въ бѣлорусской сказкѣ у Романова ³⁾ въ нору уходитъ похититель царскихъ коней бѣлый медвѣдь, а въ вариантѣ ⁴⁾ бѣлый волкъ; побѣдитель его Иванъ-царевичъ или Иванько. Въ общихъ чертахъ сюжетъ сходный со сказкой о коровьемъ сынѣ, только нѣтъ чудеснаго зачатія и лѣсной избушки. Брошенный братьями въ подземельѣ Иванъ-царевичъ находитъ здѣсь дѣда и бабу слѣпыхъ ⁵⁾; змѣя выпила у нихъ очи; это намекъ на сказку объ Ерусланѣ; его отецъ и дядя потеряли зрѣніе. Иванъ-царевичъ возвращаетъ зрѣніе слѣпымъ; по одному варианту онъ заставляетъ змѣю возвратитъ зрѣніе, по другому заставляетъ крука принести живой воды, которая здѣсь на мѣстѣ желчи. У Афанасьева ⁶⁾ является похититель звѣрей изъ царскаго звѣринца Норка-звѣрь. Младшій изъ трехъ братьевъ за три раза, по три раны въ каждый, наноситъ Норкѣ девять ранъ; Норка уходитъ подъ *бѣлый камень*; камень этотъ величиною съ гору. Младшій изъ братьевъ, спустившись въ подземный міръ, находитъ тамъ Норку; онъ спитъ „на камнѣ по срединѣ моря,“ храпитъ, на семь верстъ волна бьетъ. Афанасьевъ говоритъ, что въ вариантахъ на мѣстѣ Норки стоитъ Жаръ-птица. Въ сказкѣ у Афанасьева „Три царства“ подъ *желѣзную плиту* въ подземелье уходитъ серебряная птичка золотой хохолокъ ⁷⁾. Главное лицо въ сказкѣ одерживаетъ верхъ надъ чудовищемъ, дѣлаетъ трещину въ деревѣ и ущемляетъ въ ней бороду чудовища; но чудовище убѣгаетъ въ нору, въ монгольской сказкѣ въ трещину скалы ⁸⁾; товарищи пробуютъ пооче-

¹⁾ Очерки с.-в. Монг., IV, 175.

²⁾ Чубинскій, II, 233.

³⁾ Бѣлорусск. Собр., т. I, в 3, стр. 78.

⁴⁾ Ibid., стр. 79.

⁵⁾ Ibid., стр. 85 и 87.

⁶⁾ Афанасьевъ, I, 73.

⁷⁾ Ibid., 132.

⁸⁾ Шиддиуръ въ переводѣ Гомбоева (Этногр. Сборникъ, изд. Геогр. Общ. VI), стр. 25: „Они пошли по слѣдамъ, образовавшимся отъ старушонкиной

редно спустить въ нору одного изъ товарищей, но никто изъ нихъ не можетъ спуститься до дна ямы, кромѣ главнаго лица; этотъ спускается и убиваетъ чудовище.

Въ „Восточн. мотивахъ“ я указалъ на алтайскія сказанія о Ельбегенѣ. Это злое существо, которое уноситъ мальчика Тардавака или Машпарека въ узкую пещеру, доходящую до центра земли ¹⁾; чтобы убить Ельбегеня спускается въ трещину солнце, но трещина узка, солнце не проходитъ и отказывается отъ попытки; тогда мѣсяцъ отрубилъ себѣ половину (ущербнулъ) и проникъ въ щель ²⁾. О мальчикѣ говорится, что онъ спасался отъ Ельбегеня на *железномъ* деревѣ, или на кустѣ, но Ельбегень вырвалъ дерево съ корнемъ и унесъ мальчика съ деревомъ; мѣсяцъ, проникшій въ щель, схватилъ Ельбегеня и унесъ его съ собой на небо. И теперь въ пятнахъ луны алтайцы видятъ Ельбегеня съ кустомъ въ рукахъ. Этотъ-то звѣздный миѳъ и отразился въ монгольской сказкѣ о Масангѣ. Маленькая старуха—это Ельбегень; похищенный Тардакахъ—это похищенная царевна, унесенная въ подземелье; старуха уходитъ въ трещину скалы; это Ельбегень, уходящій въ узкую пещеру; въ аварской сказкѣ стоящее на этомъ мѣстѣ чудовище уноситъ съ собой въ трещину дерево, къ которому оно было прибито ³⁾; это Ельбегень, который уноситъ въ щель железное дерево, на которомъ сидѣлъ мальчикъ ⁴⁾. Неудачная попытка солнца спуститься въ трещину отвѣчаетъ такой же неудачной попыткѣ трехъ товарищей; Масангъ или Jean de l'Ours,—это слѣдовательно мѣсяцъ, успѣшно спустившійся на дно трещины. Старухѣ монгольская сказка даетъ маленькій ростъ (и въ русскихъ сказкахъ дѣдъ борода съ локоть тоже едва виднѣтъ изъ-за порога ⁵⁾) но вдругъ становится великаншей ⁶⁾. Это на-

крови, по нимъ пришли къ пещерѣ въ одной страшной скалѣ. Они зашли въ пещеру, гдѣ посерединѣ была трещина въ 18 миль глубины. На днѣ этой трещины увидѣли, среди золота, бирюзы, разныхъ воинскихъ доспѣховъ и многихъ другихъ сокровищъ, трупъ старушонки“.

¹⁾ Т. е. въ подземелье. Если подѣ подземельемъ здѣсь разумѣется небо, то центральное мѣсто, куда ушелъ Ельбегень, придется видѣть въ Полярной звѣздѣ.

²⁾ *Вербницкій*, Алтайскіе швор. 157—158.

³⁾ *Coarquin*, I, 18.

⁴⁾ Въ русскихъ сказкахъ встрѣчается мотивъ: чудовище, несущееся по воздуху съ деревомъ. Въ малорусской сказкѣ дѣмій носится съ дубомъ, Кырлякъ хватается за дубъ, и дѣмій выводитъ его изъ подземнаго міра въ верхній міръ (*Манжура*, Сказки, стр. 43—45); въ великорусской Ариадна-царевичъ хватается за трость, которую держитъ въ рукахъ Вихрь, и тотъ заноситъ его за облака на гору (*Худяковъ*, Сказки, II, 27); Иванъ царевичъ хватается за палицу, которая была въ рукахъ у Вихря, и Вихрь понесъ его по воздуху (*Афанасьевъ*, № 71, т. I, стр. 128).

⁵⁾ У Чубинскаго дѣдъ такъ малъ, что не можетъ перелѣзть черезъ порогъ и проситъ пересадить его (II, 232).

⁶⁾ Товарищъ, оставшійся въ домѣ, слышитъ шорохъ у дверей и видитъ старуху, ростомъ съ вершокъ. (*Шиддикѣръ*, 23); а потомъ когда Масангъ за-

поминаетъ сойотское повѣрье о звѣркѣ летягѣ (*Pteromys volans*). по-монгольски *олби*, тоже ночью, какъ и летучая мышь, животномъ, именно будто летяга спорить съ небомъ и во время грома раздувается и становится большимъ звѣремъ¹⁾). Монгольское *олби* въ сосѣднихъ діалектахъ переходитъ въ *олбо*, *олбынг*, летяга по-бурятски, *олбого*, летяга по-сойотски²⁾; отсюда можетъ быть и имя чудовища Ельбегень. Летучая мышь, которая легко можетъ быть смѣшиваема съ летягой, по-монгольски назыв. *бакбай*, для медвѣдя есть монгольское *ба-абагай*; въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ медвѣдь и летучая мышь, кажется, иногда замѣняютъ другъ друга.

И такъ монгольская старуха, французскій павпъ, русскій дѣдъ съ ногой, борода съ локоть или баба-яга, ускользящія въ трещину земли, это летучая мышь, по-монг. или *шарисынъ*, *сарисынъ-бакбай* или *сарисынъ балба*³⁾).

Алтайское и сѣверномонгольское повѣрье приписываетъ нѣкоторымъ грызунамъ вражду противъ неба; алтайцы говорятъ, что, поймавъ бурундука, слѣдуетъ въ угоду неба пригвоздить его къ дереву; монголы говорятъ, что въ угоду неба слѣдуетъ летягу распинать на перекресткѣ дорогъ, сойоты—убить, сжечь и пепель разсѣять по воздуху⁴⁾. На Западѣ существуетъ обычай распинать на стѣнѣ летучую мышь⁵⁾. Не этотъ ли обычай отразился въ той казни, которой подвергается злое подземельное существо со стороны главнаго лица въ сказкѣ? оно прибито или прищемлено къ древесному стволу (или руки или борода ущемлены въ расщепъ дерева); это летяга, бурундукъ (въ болѣе древнихъ и болѣе правильныхъ редакціяхъ вѣроятно летучая мышь), пригвожденные къ дереву или перекрестку дорогъ.

Въ угрорусской сказкѣ о Каролѣ вмѣсто эпизода о подземельѣ стоитъ рассказъ о песиглавцахъ⁶⁾, у которыхъ кладовня съ зо-

ставилъ ее пойти за водой, онъ видитъ, что эта съ вершковъ старуха превратилась въ огромную жевщину, чуть не достигающую до неба (24).

¹⁾ Очерки с.-з. Монг., IV, 181. Танг.-тяб. окр. Китая, II, 344.

²⁾ Ibid., 160; стр. также на стр. 747 примѣчаніе 25-е. Въмѣсто *олби*, *олбо* монголы произносятъ часто *олубъ* или *олубъ*.

³⁾ Очерки с.-в. Монг., IV, 173, 175.

⁴⁾ Очерки с.-в. Монг., IV, 181.

⁵⁾ Эпического оправданія этому обычаю на западѣ, кажется, не существуетъ. Монгольское преданіе говорить, что небо преслѣдуетъ летягу своими молніями за то, что она перегрызла горло сыну неба, когда онъ спустился на землю и здѣсь заснулъ подъ тѣнью дерева. Этотъ сынъ неба, по всей вѣроятности, первый человѣкъ на землѣ; монгольскія и калмыцкія преданія о родоначальникѣ народа (нужно понимать о родоначальникѣ всего человечества) изображаютъ его младенцемъ, найденнымъ подъ деревомъ; у калмыковъ это Царогъ, у монголовъ Чингелъ; и тотъ, и другой въ преданіи титулуется сыномъ Хормусты, т. е. царя неба. Алтайское сказаніе Мешперка также называетъ первымъ человекомъ на землѣ.

⁶⁾ О песиглавцахъ см. у А. Веселовскаго, Двѣ записки къ вопросу объ источникахъ сербской Александрии. II. Хананей живописалъ и иконографическія изображенія св. Христофора, въ Журн. Мин. Нар. Пр., ч. CCXLI, отд. 2,

лотомъ. Въ приведенныхъ выше параллеляхъ къ этому разсказу, находящихся въ русскихъ сказкахъ, на мѣстѣ кладовыхъ стоитъ мельница, т. е. представление о круговращательномъ движеніи ¹⁾. Песиглавцы люди съ собачьими головами ²⁾; иногда о нихъ говорится, что у нихъ одно око ³⁾. Благодаря последнему представлению въ разсказы о песиглавцахъ вошла и тема о Полвфемѣ, одноглазомъ великанѣ; человекъ, попавшій къ песиглавцу въ домъ берется сдѣлать ему другой глазъ, но вмѣсто того и единственный выкалываетъ раскаленнымъ желѣзомъ ⁴⁾. Монгольскія преданія разсказываютъ о существахъ, у которыхъ глазъ единственное уязвимое мѣсто. У чудовища Анъ-Долмана тѣло покрыто глазами и глазъ на серединѣ спины единственная уязвимая точка, на его тѣлѣ; богатырь Гесэръ въ этотъ-то глазъ и направляетъ свой смертельный ударъ ⁵⁾.

По русскому повѣрью песиглавцы—людоеды; поймавъ челове-

стр. 189; *М. Драгоманова*, Розвідки (Збірникъ фільологічної секції наук. товариства імені Шевченка, т. II, у Львові, 1899, стр. 152; переведено изъ Кіевск. Старини, 1883, грудень, стр. 546—559)

А. Н. Весселовскій, Наблюденія надъ исторіей пѣвот. романт. сюжетовъ средневѣк. литературы въ Жур. М. Н. Пр., ч. CLXV, отд. 2, стр. 154: царь Бокхъ съ мудрецомъ Сидрахомъ идетъ войной на страну песиглавцевъ, чтобы тамъ достать травы, растущія на горѣ (ср. въ Очеркахъ с. в. Монг., IV, 581, въ тюркской сказкѣ богатырь Алтынъ-Чылысъ, „Золотая звѣзда“ видитъ гору, на ея вершукѣ камень съ растущими на немъ девятью травами, посредствомъ которыхъ потомъ богатырь оживляетъ своего брата), безъ которыхъ не можетъ быть доковчена постройка башни (тема о храмѣ Соломона); инциденты: мудрецъ Сидрахъ посаженъ подъ стражу, но царь не можетъ обойтись безъ его совѣтовъ; Сидрахъ показываетъ царю Св. Троицу къ соуду, поставленную на трехъ деревьяхъ; попытка отравить Сидраха; буря и ливень, угрожающій потопомъ. Въ бурятскихъ преданіяхъ мотивъ псевдоименная постройка также была, повидному, связавъ съ исторіей похода въ опасную страну, въ страну мрака; тутъ люди вабирають *золото* (см. Записки Вост. сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, Иркутскъ, 1890, стр. 91 и 143).

¹⁾ Въ вояжѣ Карла Великаго къ королю Гугону тема о необыкновенномъ богатствѣ также связана съ идеей о круговращательномъ движеніи; заявъ въ дворѣ Гугона вертится.

²⁾ У Чубинскаго въ волынскій сказкѣ № 57 (т. II, стр. 208) стражающій съ войскомъ царь приходитъ въ землю, гдѣ жители на половину люди, на половину собаки; они перегрызали другъ друга отъ музыки. Далѣе слѣдуетъ эпизодъ о подземельѣ; слѣдовательно послѣдовательность эпизодовъ та же, какъ и въ угорской сказкѣ о Каролѣ, сначала песиглавцы, потомъ спасеніе обреченной чудовищу царевны.

³⁾ *Гринченко*, Этнограф. матеріалы, собранные въ Черниговск. губ. Черниговъ, вып. 1, 1895, стр. 1; вып. 2, 1896, стр. 2; *Драгомановъ*, Малорусск. народн. преданія, Кіевъ, 1876, стр. 384

⁴⁾ *Гринченко*, в. 2, стр. 2. По остяцкому повѣрью Лѣка, жившій единственнымъ глазомъ на темени, жилъ на днѣ озера; остякъ выжигъ ему глазъ, приложивъ къ нему раскаленный внутренности жаренаго караса (Очерки с. в. монг., IV, 706). Будетъ ли Лѣка испорченное русское Лихо или это своя остяцкая «орма»?

⁵⁾ Танг.-тиб. окр. Китай, II, 55; Вост. мотивы, 181.

ка, они сначала откармливаютъ его пряниками и волошскими орѣхами ¹⁾; кромѣ того они питаются змѣинымъ мясомъ; эта пища даетъ вѣщее знаніе, напр., знаніе, отъ чего какая трава пользуется ²⁾. Въ книжныхъ преданіяхъ песиглавцы помѣщались на островѣ ³⁾, вѣроятно на морѣ и вѣроятно на серединѣ его; они повидимому отождествлялись съ волосатыми людьми, съ василисками (лицо дѣвичье, до пупа человѣкъ, отъ пупа змѣя, змѣиный хоботъ и крылья), съ человѣкоядцами, къ которымъ ходилъ Андрей Первозванный ⁴⁾, съ велетнями, т. е. великанами. Христіанскій апокрифъ приписываетъ подобный вѣишній видъ св. Христофору; ему придается или собачья или волчья голова ⁵⁾ онъ силачъ и по легендѣ несетъ ва себѣ черезъ рѣку младенца Христа, въ которомъ, какъ въ сумочкѣ Микулы Селяниновича, скопилась вся тяжесть земли ⁶⁾. По одной легендѣ Христофоръ сынъ родителей, долго бывшихъ бездѣтными; рано онъ уже началъ превосходить своихъ сверстниковъ силою; ни одинъ конь не могъ поднять его; повидимому святой совершалъ исъ свои странствованія пѣшкомъ; онъ носилъ въ рукѣ посохъ ⁷⁾.

Палящій огнемъ и летучій Змѣй, въ родѣ царя Огненный Щитъ, знакомъ не только сказкамъ, во и нашимъ былинамъ; Змѣй Горынычъ уноситъ Марью Дивовну за рѣку Смородину въ пещеры *бѣлокаменныя* (баба-яга въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“ уходитъ подъ *бѣлую* плиту, Норка звѣрь у Афанасьева, № 73, подъ *бѣлымъ* камнемъ). Змѣй Горынычъ въ былинахъ на мѣстѣ дѣда съ ногою, борода съ локотъ сказки, и если сближеніе этого эпизода съ монгольскими сказаніями о грызунѣ, враждебно отнесемся къ первому человѣку, имѣетъ основаніе, то представленіе о Горынычѣ находится въ связи съ повѣрьями о летучей мыши. Въ одной изъ своихъ статей (Эти. Обзор., XXVI) я высказалъ подозрѣніе, что въ одной монгольской легендѣ (о Хараликѣ) русскому Горынычу отвѣчаетъ чудовищная корова Куринъ, которая мечетъ огнемъ; она умираетъ, когда къ ней пріѣхалъ герой сказки Эрдени Хараликъ, поѣхавшій за дѣвицей Билге-Биликъ. Я предполагаю, что монгольская легенда передѣлана изъ сказки, въ которой дѣло представлялось иначе, а именно: дѣвица Билге-Биликъ была похищена чудовищемъ Куринъ; Хараликъ отправился освобождать

¹⁾ Гринченко, вып. 1, стр. 2; Драгоминовъ, Малорусск. нар. пред., Кіевъ, 1876, стр. 2.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Драгоминовъ, 1. с., стр. 153.

⁴⁾ Ibid., стр. 154.

⁵⁾ Въ подлинникѣ Долотова о св. Христофорѣ сказано: „И о семъ прекрасномъ мученикѣ глаголется вѣкое чудно и преславно, яко песію главу имѣише, отъ страны человѣкоядецъ“. А. Веселовскій Ханавнен-Кипокесалы, стр. 196.

⁶⁾ Ibidem.

⁷⁾ А. Веселовскій, Ханавнен-Кипокесалы, стр. 202. Virga ferrea въ Passio вмѣсто посоха г. Веселовскій готовъ принять за описку (стр. 199).

ее. Сначала онъ встрѣчаетъ какихъ то безобразныхъ ассуровъ, подобно тому, какъ въ угрорусской сказкѣ Кароль на пути къ дѣвицѣ, обреченной Змѣю, встрѣчаетъ песиглавцевъ, какъ царь въ сказкѣ у Чубинскаго (II, 208) прежде, чѣмъ явиться освободителемъ дѣвицы, находящейся въ подобныхъ же условіяхъ, встрѣчаетъ людей съ собачьими головами; потомъ Хараликъ доѣзжаетъ до чудовища Куринъ, убиваетъ его и увозитъ плѣненную имъ дѣвицу. Можетъ быть, въ одномъ изъ варіантовъ этой сказки герой вмѣсто Кароля назывался Кирилъ, и первый эпизодъ о песиглавцахъ или ассурахъ сохранился въ славянской церковной легендѣ о св. Кириллѣ, идущемъ въ страну челоуѣкоядцевъ болгаръ, а второй эпизодъ о битвѣ съ чудовищемъ и объ освобожденіи царевны отдѣлился, и мы имѣемъ его въ кievской легендѣ о Кириллѣ-Кожемякѣ ¹⁾.

Если мы соединимъ солунскую легенду о св. Кириллѣ, дополнивъ ее нѣкоторыми данными изъ другихъ легендъ о томъ же святомъ, съ кievскимъ преданіемъ о Кириллѣ-Кожемякѣ, первую представимъ себѣ первымъ, второе вторымъ эпизодомъ одного и

¹⁾ Мимоходомъ обращаю вниманіе фольклористовъ на какую-то связь темы о песиглавцахъ или челоуѣкоядцахъ съ темой о внезапномъ уразумѣніи иностраннаго языка. Въ рассказѣ о песиглавцахъ у Гринченко челоуѣкъ, попавшій къ нимъ, становится у нихъ поваромъ, варить имъ пищу изъ змѣйнаго мяса, пробуетъ самъ, хотя это ему и запрещено, и, поѣвъ змѣйнаго мяса, узнаетъ, къ чему какая трава пригодна; по другимъ записямъ о свойствахъ змѣйнаго мяса поѣвшій его получаетъ даръ понимать языкъ травъ, птицъ и вообще животныхъ; каждая трава говоритъ о себѣ, отчего она полезна. У Худикова (Сказки, I, № 38 „Сага о русскомъ“, стр. 135), одинъ русскій попалъ на морскіе острова къ *исидиасцамъ*, которые *ею*тъ русскихъ людей. Хозяинъ, которому онъ достался, поѣхалъ съ нимъ къ лѣсу, заставилъ подѣ деревомъ выкопать яму, навелъ подѣ этимъ деревомъ булатную машину, залѣзъ на дерево и сталъ играть въ дудку, которая приманиваетъ *полозъ*; когда *полозъ* (змѣя) напoлзъ на машину, писиглавецъ дернулъ за шнуръ, и машина перерѣзала *полоза*; русскій сварилъ мясо *змѣя*, писиглавецъ поѣлъ, во русскому запрети́лъ ѣсть; русскій не утерпѣлъ и тоже поѣлъ, и сталъ понимать разговоръ скотинъ, звѣрей и птицъ. Тотъ же рассказъ у Истробова въ Лѣтописи еянолог. Общества при Новоросс. унivers., III, Одесса, 1894, стр. 139, но въ плохой редакціи. Св. Кириллъ идетъ къ болгарамъ челоуѣкоядцамъ; въ Солуни, когда онъ сидѣлъ подѣ храма, на него изъ клюва пролетавашаго голубя упалъ „Зборькъ“, вошелъ внутрь его тѣла, и св. Кириллъ сразу получилъ умные говорить поболгарски. Св. Христофоръ песиглавецъ не владѣлъ челоуѣческой рѣчью; какой-то свѣтлый мужъ тронулъ его уста, и Христофоръ получилъ рѣчь и началъ проповѣдывать. Событіе съ св. Кирилломъ было бы сообразнѣе съ народнымъ повѣрьемъ передано, еслибъ легенда рассказывала, что „Зборькъ“ упалъ въ ротъ святого, а не на плечо. Въ бурятской сказкѣ пониманіе птичьяго языка получается отъ 70 уколовъ иголкой, сдѣланныхъ на языкъ челоуѣку во время его сна (Оч. с.-з. Монг., IV, 201). Въ монгольской легендѣ глупый лама получалъ даръ краснорѣчія послѣ того, какъ во время сна ему въ ротъ плюнулъ Цзонкава (записано мною въ Монголіи). Въ Викрамачаритрѣ воронъ (подѣ видомъ котораго былъ обращенный мудрецъ Лута-баранъ) испустилъ испражненіе въ ротъ царя Викрама (т. е. Викрамадитыя), но безъ чудотворныхъ послѣдствій.

того же разсказа, то мы получимъ сюжетъ угрорусской сказки о Каролѣ.

Схематическій разсказъ о персонажѣ, въ которомъ будутъ слиты св. Кириллъ и Кириллъ-Кожемяка, будетъ имѣть такой видъ:

1 э п и з о д ъ.

Семь братьевъ; изъ нихъ младшій Кириллъ—главное лицо легенды ¹⁾. (Дополненіе изъ житія св. Константина).

Онъ идетъ въ страну челоуѣкоядцевъ; его отговариваютъ (Солунская легенда).

Онъ посѣщаетъ старца отшельника (митрополита) (Сол. лег.).

(Сарадины) показываютъ ему свое богатство. (Дополненіе изъ житія св. Константина).

(Они) хотятъ отравить его (Дополненіе изъ житія).

Голубъ несетъ зборькѣ (Солунск. лег.).

2 э п и з о д ъ.

Женщина узницей у змѣя.

Голубъ несетъ письмо.

Герой легенды (Кириллъ) убиваетъ Змѣя.

Схема угрорусской сказки о Каролѣ будетъ такая:

1 э п и з о д ъ.

Семь братьевъ; младшій—герой сказки (Дополненіе изъ сказки о Катигорошкѣ) ²⁾.

Герой (Кароль) идетъ къ челоуѣкоядцамъ (песиглавцамъ). Его отговариваютъ.

Онъ посѣщаетъ старца отшельника.

Челоуѣкоядцы показываютъ ему свое золото.

Они хотятъ отравить его.

¹⁾ Число дѣтей у родителей св. Кирилла простиралось до семи; легенда называетъ Кирилла самымъ младшимъ (*Вильбасовъ*, Кириллъ и Меѳ., 139).

²⁾ У *Чубинскаго* въ сказкѣ № 63 у челоуѣка двѣнадцать сыновей и дочь; змѣй Ива уноситъ дочь; двѣнадцать братьевъ идутъ искать ее, но змѣй всѣхъ заразъ убиваетъ. Мать братьевъ проглотила горошину, плывшую по водѣ, и родила тринадцатаго сына Покотыгорошко, который убиваетъ змѣя и освобождаетъ сестру (стр. 237). У *Драгоманова* шесть братьевъ и сестра; сестру полонилъ „Проклятый“, шесть братьевъ идутъ освобождать ее, но попадаютъ въ темницу. Ихъ мать зачала отъ горошины и родила седьмого сына Покотыгорошка, который и освобождаетъ сестру (Малорусск. преданія, стр. 260). Двѣнадцать удвоеніе шести; первоначальное число было вѣроятно шесть; и такъ было всего семь братьевъ, изъ которыхъ младшій герой сказки. У *Афанасьева* (№ 74, т. I, стр. 141 и 142) два брата гибнутъ въ поискахъ сестры; освобождаетъ ее третій, Покотыгорошекъ.

2 Э П И З О Д Ъ.

Женщина обречена змѣю.

Герой освобождаетъ ее.

Старецъ обращается въ голубя и улетаетъ на небо.

Въ схемѣ о Кириллѣ я позволилъ себѣ дополнить солунскую легенду мѣстами изъ другихъ легендъ, именно 1) рассказомъ о Кириллѣ у сарацинъ, предполагая, что сарацины могли очутиться здѣсь на мѣстѣ болгаръ-человѣкоядцевъ, и 2) рассказомъ о братьяхъ св. Кирилла. Схема о Каролѣ дополнена у меня однимъ замѣстованіемъ изъ сказки о Коты-Горошкѣ, на что я считалъ себя имѣющимъ право въ виду указанныхъ выше отношеній этой сказки къ эпизоду о Каролѣ, освобождающемъ женщину, обреченную черту.*

Изъ сличенія двухъ схемъ видно, что солунская легенда вошла въ схему о Каролѣ всѣмъ своимъ составомъ, за исключеніемъ двухъ мотивовъ; въ нашей схемѣ о Каролѣ нѣтъ призыва ангела итти къ человѣкоядцамъ и нѣтъ рассказа о голубѣ, несущемъ „зборькѣ“, но голубь все таки есть и въ этой схемѣ; въ схемѣ о Кириллѣ голубь является въ обоихъ эпизодахъ, но ни голубь перваго эпизода, ни голубь второго, не соотвѣтствуютъ голубю сказки о Каролѣ ни своимъ мѣстомъ въ схемѣ, ни своей ролью. Изъ того, что онъ такъ устойчиво появляется въ вашихъ схемахъ, слѣдуетъ однако заключить о важномъ значеніи этого мотива для сказки; можетъ быть въ видѣ голубя представлена въ сказкѣ мать героя, руководящая сыномъ и покровительствующая ему. Въ русской былинѣ мать Добрыни (который, какъ и Кароль, змѣеборецъ— онъ убилъ Тугарина Змѣевича) летитъ къ нему въ видѣ голубя съ извѣстіемъ, что его жену отдають замужъ. Старецъ-отшельникъ, улетающій въ концѣ сказки на небо въ видѣ голубя, оказываетъ Каролу покровительство; онъ даетъ ему цѣлебную мазь, которая ему потомъ пригодилась, даритъ трехъ покровительствующихъ собакъ и, можетъ быть, давалъ рушникъ, дающій неисчерпаемую пищу 2). Выше я уже указалъ, что сходной картиной—от-

2) Выше было указано, что въ западноевропейскомъ сказаніи о поиздѣ Аполловѣ въ населенный змѣями Вавилонъ какой-то зпѣръ Mlgat снабдилъ путника корнемъ, дававшимъ неисчерпаемую пищу. Уггорусская сказка рассказываетъ, что Кароль передъ встрѣчей съ отшельникомъ въ теченіе шести дней шелъ голодомъ; вѣроятно потому-то рушникъ и введенъ въ сказку, что по первоначальному плану редакція нужно было снабдить Кароля средствомъ для питанія. Если о св. Кириллѣ не говорится, что онъ идетъ голодный, то все таки легенда заставляетъ его сказать императору, что онъ готовъ итти въ Хазарію „пѣшкомъ, босой, безъ всего, что Господь запретилъ носить своимъ ученикамъ“ (Бильбасовъ, I, с., 166), т. е. паломникомъ, безъ запаса, питающимся подаяніемъ. Преданіе говоритъ, что императоръ снабдилъ Кирилла необходимымъ на дорогу; сказка тоже заставляетъ отдавать Каролу дорожный запасъ. Во французской пѣснѣ Карлъ Великій съ своими перами идетъ

летъ троихъ и четвертаго кончается—и Гэсэриада; душа матери Гэсэра и три его небесныя сестры возносятся на небо ¹⁾; только здѣсь не представляются онѣ въ видѣ птицъ; образъ души въ видѣ птицы, впрочемъ, не чуждъ Гэсэриадѣ; Гэсэръ зарубаетъ свою виновную жену и душа ея вылетаетъ изъ тѣла въ видѣ птицы цокцогой ²⁾. Въ виду этихъ параллелей можетъ быть и въ кievскомъ преданіи голубь, несущій письмо отъ плѣненной змѣей царевны, тоже отголосокъ мотива о матери, летающей въ видѣ голубя, а загадочный „зборькъ“ солунской легенды, можетъ быть, найдетъ объясненіе въ преданіяхъ о птицѣ-вѣстницѣ, или сообщавшей извѣстіе человѣческой рѣчью, или несущей письмо ³⁾. Въ солунской легендѣ голубь названъ говорящимъ; „и видѣхъ (Кириллѣ) голуба глаголюща, въ устѣхъ ношаше зборькъ“ ⁴⁾; этотъ глаголющій голубь находитъ себѣ подобнаго въ „говорящемъ“ голубѣ одной малорусской сказки; Елена находитъ въ плѣну у Змія; Чурило ѣдетъ освобождать ее; онъ увозитъ ее отъ Змія, но у Змія есть „говорящій“ голубь, который докладываетъ ему, что его узница увезена; Змій гонится ⁵⁾. Въ этой сказкѣ Чурило на мѣстѣ Кириллы-Кожемяки кievскаго преданія; онъ также спасаетъ отъ Змія увезенную имъ царевну; голубь играетъ ту же роль, какъ и въ кievскомъ преданіи; онъ извѣщаетъ лицо, у котораго похищена женщина, но только попалъ не на свое мѣсто; онъ является сторонникомъ Змія, врага Чурилы, тогда какъ ему слѣдовало бы быть пособникомъ Чурилы. Этотъ „глаголющій“ голубь сказаній о св. Кириллѣ напoкаетъ на то, что въ сказкѣ, послужившей матеріаломъ для славянской легенды, былъ вѣроятно инцидентъ съ дѣвицей, унесенной Зміемъ ⁶⁾.

въ Іерусалимъ также въ видѣ паломника. И въ Каролѣ смутно замѣтенъ тотъ же покаянный отъянокъ: три раза онъ встрѣчаетъ нищихъ и подаетъ имъ милостыню. Нищіе какъ будто введенъ въ сказку только за тѣмъ, чтобы отъпугнуть какое-то побужденіе страствованія Кароля, которое сказкой не объяснено.

¹⁾ Die Thaten des Bogdo Gesser-chagan, S. 286.

²⁾ Die Thaten, S. 272.

³⁾ Гэсэру несетъ письмо отъ жены, которой угрожаетъ увозъ, сорока. Тавг. тиб. оар. Китая, II, 19.

⁴⁾ Билъбасовъ, Кириллѣ и Мееодій, 218.

⁵⁾ Гринченко, I. с., вып. I, стр. 160.

⁶⁾ Параллельныя черты угрорусской сказки о Каролѣ съ стихомъ объ Егоріи Храбромъ: 1) У Кароля три собаки; у Егорія или Юрія по великорусскому и малорусскому повѣрью три собаки или три хорта (въ заговорахъ отъ бѣлы); Егорій или Юрій съ своими собаками ѣдетъ или по *желтому* или по *золотому* мосту; въ одномъ вариантѣ вѣсто Егорія старецъ съ 3 торбами и 3 ципками (*Фамичини*, Божества древнихъ славянъ, стр. 323; *Ястребовъ* въ Литописи Филолог. Общества при Новоросс. универс. III, Од., 1894, стр. 103; *Милорадовичъ* въ Киевск. Старинѣ, 1900, мартъ, 378). 2) Каролѣ въ странѣ песиглавецъ попадаетъ въ глубокую и темную пивницу, его освобождаютъ собаки; Егорій по приказанію гонителя царя (въ рязанскомъ сказаніи Змія Горюныча) брошенъ въ погребъ и заваленъ бревнами и камнями; вѣтры

Главному лицу въ сказкѣ приписывается нисхождение въ подземный міръ и поднятіе изъ него на верхъ; монгольскій Масангъ сначала опускается подъ землю, потомъ поднимается на небо ¹⁾. Такое движеніе не могло быть выведено изъ наблюденій надъ Б. Медвѣдицей и Полярной звѣздой; представленіе о персонажѣ, опускающемся подъ землю и поднимающемся на небо (или на гору, на башню), могло возникнуть только изъ наблюденій надъ закатающимися звѣздами; это будутъ Оріонъ, Плеяды и еще лучше мѣсяцъ, солнце, а также Венера, по монг. Цолмонъ.

Послѣдній эпизодъ въ сказкѣ объ Ерусланѣ—онъ спасаетъ царевну, обреченную на съѣденіе Змѣя, оставляетъ ей драгоценный камень и уѣзжаетъ въ Подсолнечное царство; оставленный камень долженъ послужить знакомъ, по которому отецъ узнаетъ своего сына, ожидаемаго отъ спасенной царевны; и дѣйствительно Ерусланъ встрѣчаетъ потомъ своего сына въ полѣ, не узнаетъ его, вступаетъ въ поединокъ, но наконецъ видитъ перстень, и поединокъ прекращается. Въ другихъ сказкахъ эпизодъ о царевнѣ, обреченной Змѣю, имѣетъ другой конецъ: царевна спасена геросомъ, но подвигъ этотъ приписываетъ себѣ постороннее лицо; царевну хотятъ выдать замужъ за этого мнимаго освободителя; но приходитъ герой, царевна видитъ у него на рукѣ перстень, который она дала ему, разставаясь, узнаетъ въ этомъ пришельцѣ своего истиннаго избавителя и выходитъ за него замужъ. Двѣ эти схемы

разносятся эту крышу могилы и Егорій выходитъ изъ ямы. 3) Кароль истребляетъ песиглазцевъ при помощи собакъ; въ рязанскомъ преданіи: „Егорій поѣхалъ въ лѣсъ, повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и напустилъ ихъ на Брагма хана грознаго“ (Змѣя Горюныча); въ стихѣ: Възыхалъ Егорій въ лѣса дремучи, встрѣлился Егорію волки раскучи, гдѣ два; „соберитесь вы, волки! будьте вы мои собаки!“ (*Аванасьева*, Нар. русск. легенды, Лондонъ, 1859, стр. 134 и 136). Въ записи Якушкина царь насильникъ, живущій въ Китай-городѣ, напускаетъ на Егорія стадо волковъ; Егорій велитъ имъ разойтись по степамъ и лѣсамъ и ясть Егорьево благословеніе, и затѣмъ разсказываетъ Змѣю-горюницу о 12 хоботахъ и убиваетъ царя въ Китай-городѣ (*П. И. Якушкинъ*, Сочиненія, изд. Михневича, Спб., 1884; стихъ № 3). 4) Кароль освобождаетъ царевну, обреченную чертямъ; Егорій спасаетъ царевну, обреченную змѣю. 5) Кароль освобождаетъ зачарованные четыре души, которыхъ возносятся на небо въ видѣ голубей: душу старца отшельника и три души, которыя были заключены въ тѣла трехъ собакъ (Гасеръ освобождаетъ изъ ада душу своей матери и на небо возносятся одновременно мать Гасери и три его сестры). Стихъ Егорія кончается освобожденіемъ матери и трехъ сестеръ; тѣло сестеръ иногда обросло шерстью; Егорій освобождаетъ ихъ отъ этого вѣтринаго покрова (иногда приказываетъ испугаться въ Юрлава рѣкѣ) Въ русской народной легендѣ у *Аванасьева* (Лонд., 1859, № 16, вар. с, стр. 67 и 70) солдатъ освобождаетъ изъ ада цѣлую толпу грѣшниковъ и вѣдетъ ихъ въ рай.

¹⁾ О Масангѣ говорится, что онъ въ моментъ, когда поднимался на небо, былъ разбитъ на семь кусковъ, которые обратились въ семь буддъ. Число семь намекаетъ на Б. Медвѣдицу, которая по монгол. назван. Долонъ-бурханъ, т. е. семь буддъ (Будда монголы переводятъ Бурханъ-башни), но распавшаяся на части приписывается больше Плеядамъ.

расходятся въ томъ, что въ одной по камню или перстню узнаетъ послѣ разлуки близкаго человѣка мужской персонажъ (сынъ), въ другой—женщина (невѣста).

Сказки о коварномъ присвоеніи чужого подвига, рассказываемыя отдѣльно, часто начинаются съ того, что царевичъ вынужденъ своимъ коварнымъ слугою уступить этому слугѣ свои права, помѣниться съ нимъ своимъ званіемъ. Такъ въ верхоянской сказкѣ царевичъ, изгнанный отцомъ изъ царства, уходитъ вдвоемъ съ водовозомъ; дорогой царевичъ захотѣлъ пить, водовозъ опускаетъ его на веревкѣ въ колодезь, но хочетъ оставить его на днѣ колодезя, если царевичъ не обмѣнится съ нимъ своими правами. Царевичъ поневолѣ соглашается; они приходятъ къ другому королю; водовозъ поселяется во дворцѣ въ званіи царевича, а царевичъ становится конюхомъ. По коварнымъ совѣтамъ самозванца король обременяетъ истиннаго царевича неисполнимыми порученіями; царевичу однако помогаетъ покровительствующее ему существо (Пилигримъ); наконецъ, при помощи того же покровителя, царевичъ поочередно побиваетъ трехъ претендентовъ на руку царевны, которую обыкновенно вывозятъ на поле побоища; эти женихи—трехголовый, пятиголовый и семиголовый богатыри; въ первоначальной редакціи тутъ вѣроятно стояли трехъ, пяти и семиголовый Змѣи; очевидно, это видоизмѣненный эпизодъ о царевнѣ, вывозимой на сѣдѣніе Змію. Подвигъ спасенія царевны присваиваетъ самозванецъ, но царевна узнаетъ своего истиннаго спасителя по своему платку, которымъ она перевязала его раненую руку ¹⁾.

Французская сказка *Le roi d'Angleterre et son filleul* ²⁾ принадлежитъ къ вариантамъ этой сказки; въ ней также вынужденная уступка права на царское расположеніе, также это происходитъ у колодезя, затѣмъ также служба у иностраннаго короля, исполненіе по порученію этого короля опасныхъ порученій, накликанныхъ на царевича его врагомъ, самозванцемъ (онъ здѣсь горбунъ, и наконецъ благополучное исполненіе этихъ порученій при помощи покровителя гиганта, только послѣднихъ событій, битвъ съ женихами царевны въ этой сказкѣ не достаетъ.

Французская сказка начинается разсказомъ о королѣ, который на охотѣ заблудился, занелъ въ одинокій домъ и тутъ сдѣлался воспріемникомъ новорожденнаго ребенка. Удаляясь, король оставляетъ ему крестикъ и наказываетъ родителямъ, когда ребенокъ вырастетъ, чтобъ они послали его къ нему, и король по этому крестику будетъ знать, что это его крестникъ; это въ родѣ того, какъ Ерусланъ, оставляя камень индѣйской царевнѣ, велитъ, если родится сынъ, дать ему камень и послать его отыскивать отца,

¹⁾ Верхоянскій сборникъ, 268—288.

²⁾ *Cosquin*, I, 43.

т. о. его, Еруслана; камень дастъ ему увѣренность, что это дѣйствительно его сынъ, Крестникъ короля принужденъ отдать королевскій крестикъ своему дорожному товарищу ¹⁾ съ условіемъ при томъ, хранить все это тайнѣ до смерти, и только на третій день послѣ смерти подлинному королевичу разрѣшалось раскрыть истину. Самозванецъ водворяется въ королевскомъ семействѣ, а подлинный царевичъ на конюшнѣ. Послѣ вѣсколькихъ удачно исполненныхъ порученій короля, придуманныхъ коварнымъ самозванцемъ, самозванецъ, убѣждаясь, что этимъ путемъ не погубить королевича, убиваетъ его; королева ищетъ тѣло убитаго, на третій день находитъ и воскрешаетъ королевича посредствомъ живой воды, которую тотъ самъ же принесъ въ одну изъ своихъ опасныхъ поѣздокъ. Такъ какъ три дня прошло послѣ смерти, то королевичъ открываетъ истину и получаетъ свои потерянные права, а самозванецъ казнень. Эпизода о царовнѣ, обреченной Змѣю, нѣтъ; онъ какъ будто отъ этой сказки отдѣлился, но въ сборникѣ Коскена онъ все таки появился въ видѣ сказки Jean de l'Ours. Крестникъ англійскаго короля это Jean de l'Ours; вѣроятно объ немъ передавалось, что онъ былъ изгнанъ изъ царства, терялъ знакъ своего царскаго происхожденія, ятѣмъ совершалъ рядъ опасныхъ порученій и, наконецъ, освобождалъ трехъ принцессъ, но три его товарища (тутъ три вмѣсто одного) присвоивали трудъ освобожденія себѣ; однако принцессы заблаговременно снабдили своего настоящаго спасителя золотыми шарами, по которымъ онъ его потомъ и узнали.

Трехдневная смерть и воскрешеніе указываютъ, что подъ крестникомъ короля (а также можетъ быть и подъ Жаномъ-Урсомъ) скрывается луна; трехдневный промежутокъ между ущербомъ и новолуніемъ осмысленъ, какъ трехдневное пребываніе въ гробу. Этотъ мотивъ встрѣчается и въ ордынскомъ фольклорѣ. Чингисъ-ханъ приказалъ убить шамана Тубуть-тэнгри, о которомъ говорили, будто онъ ѣздилъ на небо верхомъ на бѣлой лошади ²⁾. Тѣло убитаго было положено въ запертой юртѣ; къ юртѣ приставлена стража, но на третій день оно исчезло и дымовое отверстіе оказалось открытымъ, т. е. тѣло вознеслось черезъ дымовое отверстіе. Другой случай въ сказкѣ сѣверныхъ сибирскихъ татаръ объ Акъ-Кобокѣ; какъ Тубуть соперникъ Чингиса, такъ

¹⁾ Въ кавказскомъ преданіи сынъ Рустема вызнжаетъ искать своего отца со знаками, по которымъ отецъ долженъ узнать его, но встрѣтившійся ему дьяволъ въ видѣ женщины смѣется надъ нимъ, увѣряя, что подвышенные знаки придаютъ богатырю женственный видъ; богатырь прачетъ знаки занавуху или бросаетъ на землю, вслѣдствіе чего отецъ не узнаетъ сына и встрѣчаетъ его враждебно (Вс. Миллеръ, Экскурсы, стр. 43, 48, 51 и 53).

²⁾ Рошндъ-Эддинъ, Исторія Монголовъ, перев. Березина въ Запис. Имп. Археол. Общ., т. XIV, Спб., 1858, стр. 159.

Акѣ-Кобокѣ соперникѣ Киданѣ-хана, сына Мангуша; Акѣ-Кобокѣ ¹⁾; избранннй въ войнѣ съ Киданомѣ, ложится въ готовую могилу и говоритъ, что онѣ на третій день воскреснетъ ²⁾.

Хожденіе шамана Тубута на небо вѣроятно отголосокъ шаманской обрядности; шаманская мистерія представляетъ или нисхожденіе шамана въ подземный міръ, въ царство Ерлика, въ царство мертвыхъ, или восхожденіе на небо (по алтайски въ царство Ульгена) ³⁾. На небо шаманъ поднимается или на гусѣ, или по дереву. Последнее дѣйствіе изображается наглядно; во время камланья въ юртѣ ставятъ срубленный стволъ березы съ сдѣланными на немъ зарубками; зарубки это ступени, по которымъ шаманъ долженъ ступать; шаманъ дѣлаетъ примѣрные движенія, будто онѣ шагаетъ по ступенямъ ⁴⁾. Кромѣ того летательными средствами для шамана представляются бубенъ (будто бы шаманъ садится въ него и летаетъ по воздуху) и жезлы; послѣдніе имѣютъ на верхнихъ концахъ конскія головки и называются мори-харьбо, „конскія харьбо“; это кони, которые переносятъ шамана въ міръ духовъ. Представляется ли шаманскій плащъ летучимъ, миѣ неизвестно. Въ царство Ерлика, царя ада, шаманъ по единственной известной миѣ записи ѣдетъ на лошади. Миѣ не довелось узнать, изображается ли эта экскурсія шамана когда-либо въ видѣ опусканія на веревкѣ, а также изображается ли поднятіе шамана на небо на цѣпи.

Приуроченіе этой темы къ Тубуту вызываетъ догадку, не было ли объ этомъ Тубутѣ и его соперникѣ Чингисѣ сказки въ родѣ тѣхъ, которыя связаны съ именами Еруслана и Jean de l'Ours. На параллели сказанія о Чингисѣ съ сказкой объ Ерусланѣ я указалъ въ своей книгѣ „Вост. мотивы“ ⁵⁾. Во французской сказ-

¹⁾ Акѣ по-татарски бѣлый. Кобокъ ср. съ якутскимъ *куобахъ*, „заяцъ“. Есть какія-то отношенія зайца къ мѣсяцу.

²⁾ Сагайцы перенесли этотъ мотивъ на Амуръ-сарана, т. е. на послѣдняго джунгарскаго князя Амурсану (*Radloff*, *Proben*, II, 385, преданіе о Шуно). Въ исторіи Морозова трехдневная мнимая смерть жены Соломона; языческій царь подослалъ музыкантовъ, свѣдущихъ въ волшебствѣ; они даютъ царю траву; виная ее въ ротъ, она становится, какъ мертвая. Призванный Морозовъ не вѣритъ ея смерти, видитъ тутъ колдовство и говоритъ: „Стерегите ее покрѣпче; бьюсь объ закладъ, что она еще уйдетъ отъ васъ“. На третью ночь музыканты увезли царю (А. Н. Веселовскій, *Слав. сказан. о Соломонѣ и Китоврастѣ*, стр. 283—284).

³⁾ Дева „мѣсяцъ“ по-табетски.

⁴⁾ Въ белгальской сказкѣ о женщинѣ, унесенной черезъ нору въ подземный міръ, герой вылезаетъ изъ подземнаго міра по дереву *коу*, которое, подобно Масангу, самъ засыхаетъ. (*Sesquin*, I, 21). Въ русской сказкѣ горюхъ выпрастаетъ до неба; по нему взбирается на небо человекъ и находитъ тамъ нору съ семью (вар. съ двѣнадцатью) глазами, которая караулитъ домъ (*Адамас*, № 6, т. I, стр. 19, № 231, т. II, стр. 376). Ср. у *Sesquin*'а (II, 168) сказку „Le pois de Rome“.

⁵⁾ См. стр. 296—347.

къ Jean de l'Ours заказываетъ себѣ палицу у кузнеца, а иногда онъ служить у кузнеца подмастерьемъ ¹⁾ и оказывается искуснѣе хозяина. Этотъ мотивъ очень распространенъ въ группѣ еруслановскихъ сказокъ, хотя въ сказкѣ о самомъ Ерусланѣ его нѣтъ. Кузница и кузнечное дѣло связаны съ именемъ Чингисъ-хана ²⁾ и вѣроятно этотъ мотивъ былъ и въ сказкѣ объ Ерусланѣ.

Въ приведенныхъ сказкахъ нерѣдко встрѣчается рассказъ о двухъ водахъ сильной и безсильной ³⁾. Когда герой, спустившись въ подземный міръ, находитъ здѣсь похищенную царевну, она учитъ его, какъ одолѣть чудовище; нужно переставить бочки съ водой; утомившись отъ боя, соперники кидаются къ водѣ, чтобы прохладиться, и чудовище или змѣй пьетъ безсильную воду, не подозревая, что бочки переставлены, а герой пьетъ сильную воду, становится сильнѣе противника и убиваетъ его. Въ верховянской сказкѣ Пилигримъ поитъ царевича, которому онъ покровительствуетъ, сильной водой; и царевичъ, благодаря этому, побиваетъ три войска.

Въ восточномъ фольклорѣ точь въ точь такого мотива нѣтъ, но есть спаиваніе противника виномъ передъ битвой. Въ сборникѣ „Арджи-Барджи“ Бикарь Мадзади (въ моей устной записи Бэгэръ-Меджитъ) выставляетъ передъ битвой сосуды съ виномъ; противникъ его, царь шимусовъ, выпиваетъ вино и обезсиливаетъ, а Бэгэръ обращается въ сто львовъ (арсланъ), нападаетъ на него, убиваетъ его шимусовъ и его самого ⁴⁾.

Сказка о Бэгэръ-Меджитѣ напоминаетъ вышеприведенныя сказки и тѣмъ еще, что начинается зачатіемъ отъ съѣденной нищи. вмѣсто ухи изъ щуки, отъ которой родится Бурза Воловичъ, вмѣсто горошины, отъ которой былъ зачатъ Горошекъ, здѣсь мука. Царица была бездѣтна; лама отшельникъ далъ ей тѣсто; она съѣла его, остатки вылизала служанка; у царицы родился сынъ Бэгэръ, у служанки Шялу ⁵⁾. Въ „Вост. мотивахъ“

¹⁾ Cosquin, I, 8.

²⁾ См. Вост. мотивы, 420.

³⁾ Леанас. I, 128, 133, 136. Романовъ, Бѣлорусск. сборникъ, т. I, в. 3, стр. 80, 83, Чубинскій, II, 208; (два камня, сильный и безсильный), II 209.

⁴⁾ Въ японской сказкѣ Совапо, освободитель обреченной на съѣденіе змѣю царевны, выставляетъ восемь горшковъ съ Saki (родъ водки); драконъ съ 8 головами прикладываетъ каждую голову къ горшку, напивается пьянъ и Совапо убиваетъ его. (Cosquin, I, 75). Это Бэгэръ-Меджитъ (Бикарь-Мадзади), который выставилъ сосуды съ виномъ предъ тѣмъ, какъ идти въ бой съ царемъ шимусовъ. Въ монгольской сказкѣ нѣтъ освобожденной царевны, но обреченныя жертвы есть; населеніе было обязано ежедневно отдавать на съѣденіе царю шимусовъ по сту человекъ съ благородной персоной во главѣ. Вероятно только отсутствіе обреченной царевны удержало Коскена отъ присоединенія Бэгэра къ другимъ указаннымъ имъ параллелямъ.

⁵⁾ Въ грузинской сказкѣ (Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и племен. Кавказа, т. X, отд. II, стр. 54—61) сюжетъ сказки Jean de l'Ours (Ломъ-каци) встрѣчаетъ человека съ жерновомъ на ногѣ, договаривающаго зайца и другого,

я сдѣлалъ сближеніе этихъ персонажей съ найманами Хорису-Маджу и Тункъ-Шялѣ, которые убиваютъ Ванъ-хана, противника Чингисъ-хана ¹⁾). Если Бэгаръ и Хорису въ самомъ дѣлѣ тождественны, то значить и о Хорису можетъ быть предполагаемъ разсказъ, что онъ родился отъ съѣденнаго тѣста, какъ Горошекъ отъ проглоченной горошины.

Въ нѣкоторыхъ вариантахъ, какъ, напримѣръ, въ аварскомъ и имеретинскомъ, сынъ медвѣдя дебитируетъ со своей силой въ рубкѣ лѣса. Въ аварской царь посылаетъ богатыря Медвѣжье уху рубить дрова; богатырь сразу столько нарубилъ, что завалилъ лѣсомъ городъ ²⁾). Въ имеретинской ³⁾) царь, чтобы отдѣлаться отъ необъятнаго силача, медвѣжьего сына, посылаетъ его въ самый густой лѣсъ, срубить въ немъ срубъ для дворца и доставить къ старому дворцу; медвѣжий сынъ повалилъ вѣковыя деревья и исполнилъ приказъ царя. Во французской сказкѣ о сынѣ медвѣдя (Jean de l'Ours) этого мотива нѣтъ, но онъ есть въ сказкахъ *Bénédicite* и *L'homme fort*; герои этихъ сказокъ не выдаются за сыновей медвѣдя, но такое происхожденіе ихъ можно подозрѣвать.

Такой же дебютъ и русскаго былиннаго богатыря Ильи Муромца. Послѣ того, какъ онъ просидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ ⁴⁾) проходившіе старцы дали ему пить пива, и послѣ того онъ сталъ сильнымъ богатыремъ точно такъ же, какъ тотъ царевичъ, которому покровительствовалъ Пилигримъ верхоанской сказки. Получивъ возможность ходить, Илья отправляется корчевать лѣсъ. Вѣроятно и здѣсь сила эта только напугала родителей и они, вѣроятно, сами отослали его странствовать. Изъ сходства такого начала русской сказки съ началомъ кавказскихъ вытекаетъ заключеніе, что Илья Муромецъ такой же сынъ медвѣдя, какъ аварскій *C'il'in*, имеретинскій Леванъ Датвисшвили и ингушскій Че уѣ.

который поруетъ янца; живнѣ втроемъ; великанъ отнимаетъ обѣдъ у двухъ товарищей, но Ломъ-каци убиваетъ великана; спускъ въ подземелье, освобожденіе принцессы, измѣна товарищей; орлица выноситъ Ломъ-каци) соединивъ не съ мотивомъ неестественнаго союза медвѣдя съ женщиной, а съ мотивомъ неестественнаго зачатія въ родѣ монгольской сказки о Бэгаръ-Меджитѣ (Арджин-Борджи); царевна сѣздаетъ яблоко, служанка кожицу съ него; у царевны родится сынъ Арджеванъ, у служанки Ломъ-каци; этотъ послѣдній отвѣчаетъ Шялу монгольской сказки. Ломъ-каци убиваетъ великана (въ монгольской сказкѣ Бэгаръ, а не Шялу убиваетъ царя шимусовъ; о томъ, что тутъ можно предполагать испорченную редакцію см. Вост. мотивы, 258), освобождаетъ царевну и выдаетъ ее замужъ за Арджевана. Космевъ указываетъ греческую сказку, которая представляетъ переходъ отъ сказки Jean de l'Ours къ египетскому роману о двухъ братьяхъ (*Cosquin*, I, 25).

¹⁾ Вост. мотивы, 236 и 251.

²⁾ *Cosquin*, II, 113.

³⁾ Сборн. мат. для оп. Кавк., XIX, отд. 2, стр. 3.

⁴⁾ Въ сказкѣ, записанной въ Бретани, *Petite Bagoutte* до сорока лѣтъ ничего не дѣлаетъ, потомъ обнаруживаетъ силу и уходитъ съ жеманной „*bagoutte*“ въ семьсотъ лировъ вѣсомъ (*Cosquin*, I, 8).

Сказка объ Ильѣ Муромцѣ представляет нѣкоторыя параллели къ монгольской сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ. 1) Иринѣ-Шайнѣ ¹⁾ въ алтайской сказкѣ по порученію царя приносить Ханкыри; царь испугался и проситъ отнести Ханкыри на прежнее мѣсто ²⁾; въ аварской царь, чтобы отдѣлаться отъ медвѣжьяго сына, посылаетъ его принести сначала чудовище „картъ“, потомъ змѣя „аждахо“; богатырь приносить; царь, не ожидавшій этого, пришелъ въ ужасъ и проситъ отнести чудовище назадъ; Илья Муромецъ приносить ко двору князя Владимира Соловья разбойника; князь перепугался. 2) Иринѣ Сайнѣ бьется съ братомъ и племянникомъ; Илья бьется съ сыномъ ³⁾; 3) Иринѣ-Сайнѣ влзаетъ на лѣстницу, чтобы оттуда взглянуть на толпу непріятелей; Илья поднимается на гору, чтобы посмотреть на непріятельское войско. Если моя догадка вѣрна, что Иринѣ-Сайнѣ и Джиренше-шешенѣ (Ерень-шешенѣ) тождественны, то и еще одно совпаденіе получается. Джиренше-шешенѣ (Джиренше-мудрецъ) посаженъ царемъ въ тюрьму, Илья также; правда, о Джиреншо нѣтъ разсказа, что онъ въ трудную минуту выручилъ царя, какъ Илья Владимира. Этой чертой судьба Ильи похожа на судьбу Акиря премудраго, только при Ильѣ нѣтъ загадокъ. Въ отношеніи загадокъ Акирь сходится не съ Ильей, а съ Джиренше-шешеномъ; Джиренше разгадываетъ, какъ и Акирь, царскія загадки, и при томъ есть одна почти тождественная съ загадкой, заданной Акирю. Я думаю, что поединокъ съ сыномъ потому и стоитъ въ былинѣ объ Ильѣ, что Илья есть русскій Иринѣ-Сайнѣ; бой Ильи съ Борисомъ-королевичемъ или съ Эбуть-королевичемъ, это бой Иринѣ-Сайна съ Арсланомъ. Въ области тѣхъ же матеріаловъ, вѣроятно, найдеть объясненіе и появленіе въ русской былинѣ Жидовина на мѣстѣ сына Ильи Муромца; едва ли это этнографическій терминъ. Въ виду того, что въ числѣ названій Больш. Медвѣдницы есть формы Джеты-ганъ, Жидиганъ и т. п., нужно подождать на-

¹⁾ Иринѣ ср. съ ирей, „медвѣдь“.

²⁾ Очерки с. в. Мовг., IV, 427.

³⁾ Ibid 452. Въ малорусской сказкѣ, Илья Муранъ (т. е. Илья Муромецъ) спрашивается у одной панвы: „есть ли гдѣ сильнѣе меня и краше тебя?“ Оказывается, что есть; это красавица, которая содержится за двенадцатую желѣзными дверями; чтобы жениться на ней, нужно убить 30 головаго змѣя; Илья обматывается пражей, обливается смолой т. е. поступаетъ, какъ Кирила-Кожемяка кievскаго предавія, бьется со змѣемъ и убиваетъ его (Вс. Миллеръ, Очерки русск. народа. Словесности. Былины. М., 1897. Стр. 408). В. Ф. Миллеръ думаетъ, что еруславопскіе инциденты позднѣйшее наслоеніе на яма Ильи Муромца. Мнѣ кажется, сродненіе нѣкоторыхъ еруславопскихъ текъ съ героимъ, родившимся отъ медвѣдя или медвѣдицы, началось гораздо древнѣе, чѣмъ составилася сводъ объ Еруславѣ. Илья Муранъ узнаетъ, что какой-то богатырь выкололъ глаза его отцу и матери; для исцѣленія ахъ Илья достаетъ сердце чародѣйнаго богатыря. У Романова, III, стр. 85 и 87, Иванъ царевичъ встрѣчаетъ какихъ-то дѣда и бабу, у которыхъ змѣя выпила очи; онъ достаетъ средство исцѣлить глаза.

копленія преданій объ этомъ созвѣздіи и не торопиться съ сближеніемъ имени Жидовинъ съ именемъ жидъ. Можетъ быть Жидовинъ окажется славянизированнымъ аварскимъ Жидиганъ ¹⁾.

Въ сказкѣ, записанной г. Эварницкимъ, Илья Муромецъ спасаетъ царевну, обреченную змѣю, но бондарь отрубаетъ ему голову и подвигъ приписываетъ себѣ; св. Петръ оживляетъ Илью; слѣдуетъ обличеніе самозванца ²⁾.

Въ „Вост. Мотивахъ“ ³⁾ я сравнивалъ съ преданіемъ объ Ильѣ, сказку о Боримъ-Ярыжкѣ; здѣсь прибавлю, что конецъ, который мы находимъ въ сказкѣ Эварницкаго, придается и Боримъ и его эквивалентамъ; такой конецъ—спасеніе обреченной змѣю царевны, самозванство и обличеніе самозванца—находится въ сказкахъ 1) вологодской о Михайлѣ Трунщиковѣ, 2) самарской о Иванѣ Туртыгинѣ и 3) могилевской о Дикомъ Буримѣ ⁴⁾. На схему сказки

¹⁾ Въ греческой былинѣ отецъ богатыря Армури въ пѣлву у саракимовъ сидитъ въ темницѣ; по подвигу Армури (бой съ саракимомъ у рѣки, битва съ саракимскимъ войскомъ) заводятъ страхъ на саракимскаго эмира, онъ намѣняетъ свое обращеніе съ узникомъ, угощаетъ его, освобождаетъ изъ темницы, отсылаетъ къ сыну и обѣщаетъ отдать за сына свою дочь (В. О. Миллеръ, Очерки, 334). Это сходно съ татарской былинной объ Ала-Картагѣ; братья Темусы увезли въ пѣлву отца Ала-Картаги, Акъ-хана и посадили его въ яму, по подвигу Ала-Картаги (бой съ Джедай-ханомъ) испугалъ ихъ, и они отпустили Акъ-хана изъ неволи, ядутъ на встрѣчу къ Ала-Картагѣ съ подарками. А. И. Веселовскій думаетъ, что даже въ греческой былинѣ былъ рассказъ о поединкѣ отца съ сыномъ, г. Миллеръ отклоняетъ это предположеніе. Въ побочныхъ вариантахъ, однако, можно допустить вмѣсто мирной встрѣчи отца съ сыномъ поединкомъ по недоразумѣнію, какъ это и имѣетъ мѣсто въ былинѣ о Саурѣ Вавидовичѣ. Въ приведенныхъ выше татарскихъ сказкахъ мы находимъ во первыхъ столкновеніе Ала-Картаги съ Джедай-ханомъ, во вторыхъ Картагы съ Седѣй-мергенномъ, но сказки не дѣлаютъ ихъ родственниками. Седѣй-Мергенъ, возвращаясь на родину, встрѣчаетъ въ полѣ свою дочь и не узнавъ ея съ перваго раза, но этотъ инцидентъ не принадлежитъ къ категоріи встрѣчъ съ поединкомъ; вто другой типъ встрѣчъ, въ родѣ встрѣчи Одиссея съ отцомъ Лавртомъ.

²⁾ А. Веселовскій, Мелкія замѣтки къ былинамъ въ Журн. М. Н. Просв., т. ССLXIX, отд. 2, стр. 63.

³⁾ Стр. 701.

⁴⁾ Жидовъ, Русскій былевой эвасъ, 5 и 9; Иванчикій, Матер. по этн. Волог. губ., стр. 165 (Иза. Моск. общ. люб. естествов., антр. и этн., т. LXIX); Садовниковъ, Сказки и пред. самарск. края, стр. 22—27; Романовъ, Бѣлорусск. сборн., в. 3., № 28, стр. 205. Въ вологодской и могилевской сказкахъ герой сказки (Трунщиковъ или Дикій Буримъ), везущій царскія инсигнія, въ одномъ мѣстѣ останавливается отдохнуть и засыпаетъ; товарищи улыбаются на кораблѣ съ добытыми вещами и выдаютъ себя за виновниковъ пріобрѣтенія ихъ; истинный ихъ пріобрѣтатель просыпается только черезъ три дня (такъ въ могилевскомъ вариантѣ у Романова). Въ православное царство Дикаго Буриму переносятъ левъ, которому онъ оказалъ услугу въ борьбѣ съ змѣей (эпизодъ, отвѣчающій борьбѣ двухъ быковъ, чернаго и бѣлаго въ монгольской сказкѣ о Масангѣ). Борьба льва съ змѣей описывается и въ другомъ могилевскомъ вариантѣ (о проворной Ярыжкѣ), и въ самарской сказкѣ, но въ обоихъ случаяхъ забыть вѣроломной поступокъ товарищей. Во всѣхъ однако случаяхъ благодарный левъ доставляетъ героя сказки на мѣсто.

о Бормѣ похожа схема быliny о Васильѣ Буслаевѣ. Борма ѣдетъ втроемъ; и Буслаевъ ѣдетъ втроемъ; Борма перелезаетъ черезъ змѣя, замѣняющаго городскую стѣну; Буслаевъ поднимается на Сорочинскую гору; на обратномъ пути Борма запнулся на вершинѣ змѣинаго хребта; Буслаевъ запнулся на Сорочинской горѣ, у камня Алатыря. Василій Буслаевъ никакихъ святынь изъ Іерусалима, не принесъ; но три святыни въ новгородскихъ преданіяхъ были, только они попали повидимому въ другое народное сказаніе, именно въ сказаніе о сорока каликахъ которые принесли изъ Іерусалима чашу, копкарь и скатерть „во веки имъ кормленіе“¹⁾.

Но можетъ быть тотъ же мотивъ вставлялся и въ быlinу о Васильѣ Буслаевѣ или сказаніе о сорока каликахъ можетъ быть ставило его атаманомъ каликъ. Въ одномъ вариантѣ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ одинъ изъ трехъ пословъ императора, идущихъ въ Вавилонъ, называется Васильемъ-русеникомъ²⁾. Г. Ждановъ указываетъ на сказку у Афанасьева³⁾, въ которой какой то Весельчакъ отправляется въ змѣиный городъ доставить мазь, чтобы исцѣлить больные глаза царевны; онъ перелезаетъ черезъ змѣя, облегающаго городъ вмѣсто стѣны, находятъ подъ камнемъ мазь и убѣгаетъ съ нею, спасаясь отъ погони⁴⁾,—следовательно это вариантъ сказки о Бормѣ. Имя Весельчакъ, можетъ быть, вызвано созвучіемъ съ именемъ Василій.

Жизненный дебютъ Василья Буслаева напоминаетъ Jean'a de l'Ours; во время игры онъ „у кого руку оторветъ, у кого голову рѣсколетъ“. Мать отдала его учиться къ старцишу Угрумищу „листы писать“. Однажды Угрумище созвалъ гостей на пиръ, а Буслаева не позвалъ; Буслаевъ пришелъ на пиръ не званый, „изъ передняго угла гостей повыхваталъ, со скамеечки повыдергалъ, проводилъ на новы сѣни чернымъ вязомъ“⁵⁾. Во французской сказкѣ подобная сцена происходитъ въ школѣ; Jean de l'Ours цѣлую лавку учениковъ однимъ ударомъ высадилъ изъ за стола, а учителя выбросилъ въ окно⁶⁾.

Обзоръ матеріала, которымъ я воспользовался для этой статьи, приводитъ къ заключенію во 1-хъ, что сказка объ Ерусланѣ вышла изъ сказки о медвѣжьемъ сынѣ, во 2-хъ, что она относится къ звѣздному эпосу. На нѣкоторыя звѣзды, какъ напримѣръ на Венеру, на луну есть въ приведенныхъ мною сказкахъ прямые указанія; въ другихъ случаяхъ звѣзду или созвѣздіе легко уга-

¹⁾ *Вс. О. Миллеръ*, „Къ быlinѣ о сорока каликахъ со каликою“ въ Журн. М. Нар., Пр., 1899, августъ (СССХХIV), стр. 489.

²⁾ *А. Веселовскій* Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ стр. 133 (Славянскій Сборникъ т. III).

³⁾ *И. Н. Ждановъ*, Рус.-н. былев. эпосъ, 18.

⁴⁾ *Афанасьевъ*, № 176 (II т. стр. 256).

⁵⁾ *Sovquin*, I, 2.

дать по обстоятельствамъ, въ которыхъ выведено дѣйствующее лицо. Для нѣкоторыхъ сказокъ главную роль при созданіи сюжета играло, повидимому, наблюденіе надъ небесными свѣтилами, при чемъ движеніе свѣтила или явленіе, происходившее съ нимъ, осмысливалось при помощи явленій въ жизни людей и звѣрей на землѣ. Напримѣръ было замѣчено движеніе одного созвѣздія вслѣдъ за другимъ, какъ бы по пятамъ его; ему придавался смыслъ погони охотника за оленемъ или преслѣдованія оленя хищнымъ звѣремъ. Примѣры того, что звѣзды представлялись звѣрями, не рѣдки; народное повѣрье видитъ въ нихъ лосей, оленей, волковъ, собакъ. Было и обратное воздѣйствіе; представленіе, возникшее изъ наблюденія надъ небомъ, могло переноситься на землю. Такъ напримѣръ, замѣтивъ неподвижное положеніе Полярной звѣзды, человекъ нашелъ параллельное къ нему явленіе въ образѣ жизни летучей мыши, неподвижно прижавшись къ скалѣ, проводящей день; затѣмъ, связавъ съ Полярной звѣздой прочность мірозданія, признавъ въ ней залогъ того, что небо не обрушится на землю, человекъ перевесъ это представленіе на летучую мышь и создалъ легенду, будто летучая мышь воображаетъ, что она поддерживаетъ скалу отъ паденія, иначе скала упадетъ и задавитъ людей.

Имена созвѣздій иногда смѣшиваются. Еще болѣе смѣшенія между созвѣздіями нужно ожидать въ сюжетахъ, приуроченныхъ къ нимъ. Такъ напримѣръ, рассказъ о подъемѣ дѣйствующаго лица въ сказкѣ на гору или опусканіе его въ подземелье можетъ быть выведено изъ наблюденія надъ свѣтиломъ, восходящимъ къ зениту или заходящимъ за горизонтъ, но такое явленіе наблюдается и надъ Венерой, и надъ Плеядами, и надъ Оріономъ, и надъ луной, и надъ солнцемъ. Есть, впрочемъ, явленія, связанные только съ опредѣленными свѣтилами. Такъ напримѣръ, неподвижное положеніе замѣчается только у Полярной звѣзды; разсвѣченіе тѣла пополамъ или періодическое убываніе тѣла и заростаніе его можетъ быть выведено только изъ наблюденія надъ фазами луны; движеніе противъ теченія—изъ наблюденій надъ Большою Медвѣдицей; вѣчное движеніе взадъ и впередъ, какъ маятникъ (напр. представленіе о вѣчномъ перевозчикѣ) только изъ наблюденій надъ тѣмъ же созвѣздіемъ. Но въ теченіе вѣковъ традиція нарушилась, утратилось пониманіе связи между сказкой и той реальностью, которая въ ней прежде подразумѣвалась, особенно при переходѣ сказанія въ чужую народность безъ перевода собственныхъ именъ, и тогда явилась возможность и детали, выведенныя изъ наблюденія надъ фазами луны, и детали, идущія изъ наблюденія надъ Б. Медвѣдицей, или Плеядами, или Полярной звѣздой, соединять на одномъ дѣйствующемъ лицѣ, не имѣя повода усматривать тутъ нелогичность. Въ виду этого разоблаченіе сюжетовъ возможно только въ извѣстныхъ границахъ. Нельзя, напримѣръ, сказать, что Ерусланъ вотъ такая-то звѣзда или такое-

то созвѣздіе. Возможно открытіе генезиса только инцидента, а не сказки.

На протяжении статьи нерѣдко дѣлались указанія то на ту, то на другую звѣзду. Здѣсь, на послѣднихъ страницахъ статьи, и хочу свести вмѣстѣ эти указанія. Чаще всего мнѣ приходилось указывать на Полярную звѣзду. Въ „Вост. мотивахъ“ я высказалъ мнѣніе, что съ этой звѣздой были связаны эсхатологическія темы. По одному народному повѣрью семь звѣздъ Большой Медвѣдицы—это семь волковъ, которые гонятся за лошадей, привязанной къ приколу, а подъ послѣднимъ подразумѣвается Полярная звѣзда, которая въ разныхъ частяхъ орды такъ и называется Желѣзный колъ или Золотой колъ. Когда волки догонятъ лошадей, конецъ міра. По другому повѣрью міръ погибнетъ отъ водъ, которыми изольются изъ отверстія, пока заткнутого камнемъ. Есть къ этому представленію параллельное, впрочемъ не связанное съ идеей о кончинѣ міра—воды изливаются изъ отверстія, сдѣланнаго въ земной поверхности посредствомъ *железнаго* посоха; посохъ былъ воткнутъ въ землю и вынутъ, изъ пробитаго имъ отверстія потекли воды и образовали море. Предполагая для всѣхъ этихъ представлений одно общее происхождение, я прихожу къ заключенію, что въ Полярной звѣздѣ иногда видѣли камень или колъ, которымъ было закупорено отверстіе, ведущее къ хранилищу водъ, угрожающихъ всемірнымъ наводненіемъ ¹⁾.

Къ той же группѣ представлений слѣдуетъ отнести и представленіе объ отверстіи, сдѣланномъ также посохомъ, но изъ котораго на землю извергаются не воды, а гады, гнусъ и всякое подобное зло; отверстіе это дѣлаетъ Ерликъ, царь ада ²⁾. Это представленіе можетъ быть принято за переходъ къ другому, къ представленію объ отверстіи, ведущемъ въ подземный міръ, обитаемый нечистыми духами (въ царство Ерлика). Сюда примкнуть тѣ инциденты въ сказкахъ, въ которыхъ герой отваливаетъ камень, прикрывающій отверстіе, спускается въ подземное царство и тамъ вступаетъ въ поединки съ злыми силами, похитителями царевенъ (въ переводѣ на языкъ тюркомонгольскихъ повѣрій, съ споспѣшниками Ерлика, похищающими на землѣ человеческія души и прячущими ихъ въ казематахъ ада). Иначе сказать, Полярная звѣзда представлялась отверстіемъ, ведущимъ въ другой міръ, гдѣ живетъ злое существо, посылающее на людей смерть. *Бѣлая* плита, подъ которую уходитъ баба-яга, *бѣлый* камень, подъ который уходитъ Норка-звѣрь, *железная* плита, подъ которую уходитъ птичка, золотой хохолокъ ³⁾, это образы, въ которые на-

¹⁾ Вост. мотивы, 363; Танг.-тиб. окр. Китая, II, 211—214 и 331. По якутскому повѣрью не Полярная звѣзда, а Плеяды отверстіе въ небѣ чѣмъ-то заткнутое; когда оно отмыкается, на землю дуютъ вѣтры (Вост. мотивы, 325, 571).

²⁾ Вост. мотивы, 569.

³⁾ *Афанасьевъ*, изд. 1897, т. I, стр. 132.

редное воображеніе превратило Полярную звѣзду. Злая сила унести черезъ это отверстіе въ темный міръ царевну, и иногда тамъ приковывается ее цѣпами; представленіе о подземномъ мірѣ переходитъ въ представленіе о темницѣ съ заточенной царевной ¹⁾. Заточеніе въ темницѣ можетъ толковаться въ сказкѣ, какъ возмутительное насиліе или какъ наказаніе за преступленіе ²⁾. Иногда же это не темница, а погребъ, куда спрятаны дѣти, чтобы спасти ихъ отъ злого существа, которое умышляетъ унести ихъ; или пещера, въ которой укрывается бѣглець (я припоминаю въ этомъ случаѣ Чингисъ-хана монгольскаго преданія, собственно Темучина, а также Балъ-Дорчжи тибетскаго преданія, убившаго царя Ландарму, прячущихся въ пещерѣ).

Въ одной сказкѣ возлѣ отверстія, ведущаго въ подземный міръ, помѣщается столбъ, но онъ не запираетъ входъ, а врытъ для того, чтобы герой могъ привязать къ нему веревку, на которой онъ долженъ спуститься въ подземелье. Тутъ связь столба съ отверстіемъ иная, чѣмъ въ предыдущихъ преданіяхъ, но эта версія показываетъ, что дѣло идетъ о какой то реальности, которая представлялась и въ видѣ отверстія и въ видѣ столба.

Столбъ иногда замѣняетъ темницу. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ сказокъ сестра измѣнница въ наказаніе за измѣну выставлена на каменномъ столбѣ; въ вариантахъ этой сказки она помѣщена на вершинѣ дуба (и оттуда свергнута) или привязана

¹⁾ Подъ прикованной цѣпами царевной могла подразумѣваться Больш. Медвѣдица, которая поиригваски назыв. Джиты-Каракше, а на другомъ тюркскомъ нарѣчій, алтайскомъ, коиракчимъ значитъ „красавица“. У алтайцевъ есть сказка объ Очу-Каракчинѣ, „Злой красавицѣ“, у которой семь братьевъ. Въ русской былинѣ Змѣй Горынычъ унесъ Марью Дивовну за рѣку Пучай и заключилъ въ пещеры былокаменные. Въ сказкѣ объ Ерусланѣ Оеодулъ-Змѣй утекаетъ за море въ каменные ворста. У Афанасьева въ сказкѣ № 71, вар. б входъ въ пещеру, т. е. въ подземное царство имѣетъ видъ *жемчужной* двери (изд. 1897, I, 127). Заточенныя собаки представлялись или сидящими на цѣпи, вѣроятно прикованными къ столбу т. е. къ Полярной звѣздѣ, или запертыми въ (каменномъ) домѣ; онѣ пытаются освободиться и (или грызутъ цѣпи или) грызутъ каменные двери; отсюда какъ будто можно догадываться, что Полярная звѣзда представлялась или столбомъ, или дверями, или воротами, иногда каменными, иногда желѣзными. „Желѣзные ворота“ очень распространенное народное представленіе и часто встрѣчается, какъ названіе урочища (Теміръ-капу потурецки, „жѣмынь поитайски). Народному преданію извѣстны также и „Золотыя ворота“.

²⁾ Въ разныхъ вариантахъ сказки о сестрѣ-измѣнницѣ встрѣчается представленіе о деревѣ, къ которому выставлена измѣнившая женщина, но въ нѣкоторыхъ заточеніе терпятъ и человѣкъ, потерпѣвшій отъ измѣны. Такъ у Романова, въ № 5 „Юда беззаконный чортъ“ вар. а, сестра-измѣнница, въ союзѣ съ Юдой, кладетъ убитаго брата въ бочку, нагоняетъ на нее двѣнадцать обручей и бросаетъ ее въ море (стр. 59); въ № 7 Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, брошенъ сестрой измѣнницей въ бочекъ въ море (стр. 65); въ вариантѣ къ этой сказкѣ несчастный братъ защемленъ въ расщепленной на двое соснѣ (стр. 66).

къ дереву, въ одномъ случаѣ привязана къ явору ¹⁾. Въ другихъ сказкахъ привязаннымъ является несправедливо страдающій; Ай-долей пригвожденъ семью гвоздями къ землѣ у основанія столба, который служитъ коновязью. Иногда положеніе на деревѣ не мотивируется, какъ казнь; это просто мѣсто жительства. Такъ въ русскихъ сказкахъ Давій мужъ сидитъ на дубѣ, на границѣ царства; очевидно это пограничный сторожъ; его замѣститель въ вариантѣ Полугримъ сидитъ на столбѣ, а въ верхованской сказкѣ Пилигримъ, онъ же и *золотой* человѣкъ, содержится въ тюрьмѣ не какъ преступникъ, а какъ диковинка. Въ алтайской сказкѣ Тарданакъ сидитъ на *железномъ* деревѣ.

Посохъ, вбитый въ землю, сливается съ деревомъ. Въ кавказскомъ преданіи объ Амиранѣ костыль, который Христосъ вбиваетъ въ землю, пускаетъ глубокіе корни и превращается въ дерево, и Амиранъ напрасно старается раскачать дерево и вырвать его; если это ему, однако, удастся, будетъ конецъ міра. Встрѣчаются преданія о мечѣ, всаженномъ въ землю или въ скалу, о ножѣ, всаженномъ въ тѣло оленя, и никто, кромѣ героя сказки, не можетъ его извлечь. Мечъ Навуходносора былъ заложенъ въ городскую стѣну (вмѣсто стѣны служилъ обложной змѣй), и когда онъ былъ вынутъ, послѣдовалъ конецъ жизни въ Вавилонѣ.

Преданіе о Тарданакѣ, сидящемъ на *железномъ* деревѣ и о Джельбегенѣ, который вырвалъ его вмѣстѣ съ деревомъ и вмѣстѣ съ деревомъ несетъ по воздуху, имѣетъ, можетъ быть, свои отраженія въ разсказахъ о Дзміѣ, который носится по воздуху съ дубомъ и прицѣпившимся къ нему Кыріакомъ, Кобылячьимъ сыномъ ²⁾, о Вихорѣ, который летаетъ съ тростью и ухватившимся за нее Арикадъ-царевичемъ, и о Вихрѣ, носящемся съ палицей, за которую держится Иванъ-царевичъ.

¹⁾ Иногда, похитивъ изъявницу на вершинѣ дерева, сбрасываютъ ее оттуда, встряхнувъ дерево. Вейнемейненъ сажать и выращиваетъ дубъ; когда Ильмариненъ влѣзъ на него, Вейнемейненъ потрясъ за стволъ и Ильмариненъ улетѣлъ въ Похиола. Мотивъ сверженія съ высоты не разъ встрѣчается въ ламайскихъ легендахъ о кающемся грѣшникѣ, который потомъ ставится богомъ Майдари (Вост. мотивы, 511); грѣшникъ приходитъ къ отшельнику, загордившемуся своей святостью; гордый святой искушаетъ пришельца предложеніемъ броситься со скалы въ пропасть. Въ легендѣ о Мила-райбѣ, кажется также совершающемъ трудъ покаянія, сверженіе не со скалы, а съ крыши храма (Танг. тиб. окр. Китая, II. 374).

²⁾ *Макжура*, Сказки, стр. 43. Дзміѣ вырываетъ съ корнемъ дубъ, въ трещину котораго была ущемлена его борода, и уходитъ въ подземелье; Кыріакъ спустился подъ землю и ухватился за дубъ; дзміѣ выплещъ его на верхъ (вѣроятно на небо). Я думаю, что тутъ дзміѣ, какъ злое существо, стоитъ на мѣстѣ Джельбегена, а подъ Кыріакомъ подразумѣвается мѣсяцъ. Ср. съ повѣрью и преданіями о Кирикѣ; по одному преданію онъ бросаетъ матерью въ огонь, чтобы спасти Христа отъ преслѣдующихъ жидовъ, но остался невредимъ; харьковское преданіе не знаетъ имени Кирикъ, а называетъ сгорѣвшаго мальчика Папарымомъ и говоритъ, что овъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ умираетъ, но вмѣстѣ съ мѣсяцемъ и рождается. Если Кирикъ тожественное лицо

Въ одномъ преданіи мнѣ встрѣтилась булава, всажнная въ землю ¹⁾. Въ большинствѣ случаевъ съ палицей не связана идея о неподвижномъ положеніи. Есть только рассказы о томъ, какъ герой пробуетъ только что скованную желѣзную палицу, бросаетъ ее къ небу, и она, при паденіи, глубоко входитъ въ землю, но герой вытаскиваетъ ее изъ земли и странствуетъ съ нею.

Въ рядѣ сказокъ вмѣсто подземнаго царства гора, т. е. все то, что герой находитъ въ подземномъ царствѣ, здѣсь также помѣщается около Полярной звѣзды, только Полярная звѣзда представляется не отверстіемъ, ведущимъ въ подземелье, а вершиной горы; на эту гору перенесены и эпитеты съ звѣзды; вмѣсто имени Золотой или Желѣзный колъ образовались имена: Золотая гора или Желѣзная гора. Чтобы попасть туда, герой долженъ не опустаться, а подниматься. Иногда онъ поднимается по дереву, которое вырастаетъ изъ косточекъ, имъ же самимъ посаженныхъ, и вершиной достигаетъ до неба (въ отрывкахъ можетъ быть отъ этой же сказки вырастаетъ горохъ до неба и по нему взбирается на небо старикъ); по тому же дереву онъ могъ и спуститься. Но въ другихъ случаяхъ герой слетаетъ внизъ съ горы на трости,—это та же трость, вѣроятно, съ которою летаетъ Вихорь и которая замѣщается въ вариантахъ дубомъ или палицей, только въ послѣднихъ случаяхъ этой трости или палицы не приписывается летучести,—или по полотну, спущенному съ Золотой горы ²⁾. Эквивалентами этого средства являются *жемъзная* цѣпь, посредствомъ которой Масангъ поднимается на небо ³⁾, паутина, по которой спускается съ неба паукъ и которая немного не достигаетъ до земли ⁴⁾. Алтайское повѣрье знаетъ Золотую гору, подошва которой на небѣ, а вершиной она обращена къ землѣ и только на локоть не достигаетъ до земной поверхности.

Большая Медвѣдица должна отразиться въ сказаніяхъ особенностью своего состава; созвѣздіе состоитъ изъ семи звѣздъ, и дѣйствительно число семь встрѣчается въ сказкахъ очень часто. Нѣкоторые случаи безъ затрудненія могутъ быть сведены съ Большою Медвѣдицей, наприм. семь хортовъ Иванъ-царевича, семь собакъ

съ харьковскимъ Папарымомъ, то, значить, о Киржѣ говорили, что онъ вмѣстѣ съ лѣсяцемъ умираетъ и вмѣстѣ съ нимъ рождается. Сагайское повѣрье приписываетъ ту же судьбу Джедай-Хану. Большая Медвѣдица называется у разныхъ тюрковъ: Джеты-ганъ, Джеты-Каракеше, Джеты-Карагъ (см. Вост. мотивы, 459; Этн. Обзор., кн. XX, стр. 108),

¹⁾ Вост. мотивы, 549.

²⁾ Въ Ласъ, по рассказамъ паломниковъ, ежегодно совершается обрядъ—по протянутому навіту со скалы на дно долины спускается лама, одѣтый пгицей Ханъ-Гариди; важется, это совершается въ 3-ій день 2-ой луны; см. *Nonveau Journal asiatique* 1829, t. IV, p. 143.

³⁾ Интересны повѣрья осетинъ, соединенныя съ цѣпью, на которой хотеть подвѣшивается къ потолку скалы.

⁴⁾ Вост. мотивы, 407.

Джедай-хана близкое представлѣніе къ киргизскому о Б. Медвѣдицѣ, которое видитъ въ созвѣздіи семь волковъ. Семь богатырей, приставленныхъ караулить Айдолея, пригвожденнаго при основаніи коновязнаго столба, также сильно намекаютъ на ордынскія представленія о Б. Медвѣдицѣ, какъ о семи человѣкахъ, которые скрадываютъ лошадь, прикованную къ желѣзному столбу, т. е. Полярной звѣзды, или въ вариантѣ—караулящихъ, чтобъ ее не украли.

Остатокъ представленіе нѣсколько отклоняется отъ киргизскаго; по послѣднему семь звѣздъ или семь воровъ преслѣдуютъ лошадей, которыя ходятъ кругомъ Полярной звѣзды; остяки говорятъ, Б. Медвѣдица это лось, за которымъ гонится богатырь (Тунки-похъ, который вмѣстѣ съ мѣсяцемъ родится, вмѣстѣ съ нимъ и умираетъ, какъ Джедай-ханъ); по варианту лось представленъ только четырьмя звѣздами созвѣздія, а остальные три—три охотника, преслѣдующіе лося. Я выше высказалъ предположеніе, что въ степномъ фольклорѣ мѣсто лося долженъ былъ занять конь, такъ что въ ордѣ вмѣсто погони за лосемъ были рассказы о ловлѣ коня, и вотъ эти-то рассказы вошли въ сказку объ Ерусланѣ. Въ этомъ эпизодѣ обыкновенно появляется царскій пастухъ Ивашка, но ловить коня самъ Ерусланъ; въ монгольской же сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ ловить коня пастухъ ¹⁾, а не самъ Иринѣ-Сайнъ; въ русской сказкѣ ловить коня Иванъ-паревичъ. Въ сказкѣ объ Ерусланѣ имя Иванъ съ главнаго героя перешло на второстепеннаго, а ловля коня осталась при главномъ героѣ.

Вліяніе Оріона можно угадывать тамъ, гдѣ число три, наприм. три ели въ урянхайской сказкѣ, на вершину которыхъ спаслись убѣжавшія отъ Джеббаги дѣти, три придорожныя дѣвочки (три сестры Гасэра), три собаки, три дикозинки.

Въ Плеядахъ народное представленіе видитъ гнѣздо съ птенцами; въ сказкахъ мы часто встрѣчаемъ дерево, на вершинѣ котораго гнѣздо съ орлятами; орлица на своей спинѣ выноситъ героя въ верхній міръ ²⁾.

¹⁾ По русскому повѣрью, сохранившемуся въ загадкахъ, пастухомъ представлялся мѣсяцъ, по монгольскому звѣзда Цолмонъ, т. е. Венера; см. Вост. мотивы, 192.

²⁾ Къ приведеннымъ выше примѣрамъ этого представленія можно присоединить еще одинъ изъ румынскихъ сказокъ. Бездѣтный старикъ съѣлъ яблоко, заснулъ и, пробудившись, нашелъ вокалъ себя дѣвочку; ее увосить грѣхъ въ свое гнѣздо на деревѣ; нѣтъ колодезя высовываетъ голову змѣй и хочетъ съѣсть птенцовъ сидящихъ въ гнѣздѣ; ангелъ убилъ змѣю; грѣхъ выгармиваетъ дѣвочку; паревичъ, охотавшійся, хотѣлъ стрѣлять по грѣшницамъ, увидѣвъ дѣвочку и женился на ней (*Веселовскій*, Разысканія, X, 422). Г. Веселовскій сблизаетъ эту сказку съ апокрифическимъ преданіемъ объ императорѣ Фанула и его сенешалѣ Іоаннѣ; отъ сока яблока волаво Фанула набухло и разрѣшилось дѣвочкой; по приказанію императора дѣвочка была отнесена въ лѣсъ; положенная въ гнѣздо лебедей, она выросла вмѣстѣ съ птицами; во время охоты Фанула находитъ ее и выдаетъ за Іоанна. Эта дѣвочка была св.

По бурятскому преданію Млечный путь образовался изъ молока небожительницы, которое она разлила, осердившись на Гэсэра, похитившаго у нея эрдени. Я думаю, что это молочное море имѣло цѣлью задержать убѣгавшаго вора; оно вѣроятно образовалось впереди Гэсэра. Въ другихъ случаяхъ или передъ убѣгающимъ, или между нимъ и преслѣдующей его погоней внезапно возникаетъ рѣка (какъ въ египетскомъ романѣ о двухъ братьяхъ Анпу и Битю, въ кавказской сказкѣ о Колой-Кантѣ и орхустойпахъ). Въ вышеприведенныхъ сказкахъ встрѣчается представленіе, которое, можетъ быть, относится къ той же реальности, какъ и молочное море; это борозда, которая проводится плугомъ, напряженнымъ змѣемъ; но мотивовъ, которые представляли бы переходъ отъ молочнаго моря или рѣки къ этой бороздѣ, я указать не могу. Пропаханная на змѣѣ борозда преданьемъ отождествляется съ Змѣинымъ валомъ, который указываютъ около Киева. Въ Монголіи встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ остатки вала Чингисъ-хана. Это по одному преданію ровъ, вырытый для свадебнаго поѣзда; по другому это дорога, насыпанная для проѣзда Чингисъ-хана въ то время, какъ онъ объѣзжалъ кругомъ свое царство. По нѣкоторымъ намекамъ этого преданія въ немъ дѣло идетъ не объ историческомъ Чингисъ-ханѣ, а о какомъ-то демиургѣ, который, повидимому, объѣзжалъ не царство, а всю землю и при этомъ творилъ (по собравнымъ мною въ послѣднюю поѣздку показаніямъ). Въ эпизодахъ объ убѣгающемъ отъ погони героѣ или объ убѣгающихъ дѣтяхъ иногда внезапно появляется не рѣка, а мостъ черезъ рѣку или море, и убѣгающіе переходятъ по мосту; это переходъ отъ представленія о рѣкѣ къ представленію о дорогѣ¹⁾.

Въ русскихъ сказкахъ при разныхъ случаяхъ появляется мельница, представленіе, внушенное, можетъ быть, зрѣлищемъ небснаго свода, вращающагося вокругъ Полярной звѣзды. Въ однихъ сказкахъ сестра-измѣнница посылаетъ брата достать муки или мучной пыли изъ мельницы, въ которой мелятъ черти; у этой мельницы двѣнадцать дверей (удвоеніе числа шести, что намекаетъ

Анна. Дерено, на которомъ росли яблоки, было крестное дерево, оно не тождественно съ тѣмъ деревомъ, на которомъ сидѣла св. Анна, но крестное дерево также представлялось иногда съ сидящимъ на немъ младенцемъ (Разыскашіа, IV, 60 и слѣд.). Крестное дерево было срублено Соломономъ. Въ урянхайской сказкѣ о Джельбагѣ, праведной выше, три дѣвочки, сидящія на вершинахъ трехъ деревьевъ.

1) Мостъ чудеснымъ образомъ возникаетъ отъ удара платна или полотенца; братъ и сестра благополучно переходятъ на другую сторону, мостъ исчезаетъ, и змѣй остается на другой сторонѣ; но онъ соблазняетъ сестру, и она выманываетъ чудесное полотенце у брата водъ предложеньемъ, что его нужно вымыть, взмахиваетъ имъ надъ рѣкой и вызываетъ появленіе моста, по которому змѣй и переходитъ. Не было ли этого мотива въ южнославянскомъ преданіи о Троянѣ, посѣщавшемъ царевну по ночамъ, т.-е. не приходилъ ли онъ къ ней по мосту, который она вызывала взмахомъ полотенца, и не этотъ ли мостъ подразумѣвается въ Словѣ о полку Игоревѣ подъ видомъ „трона Трояна“?

на Плеяды, въ которыхъ монголы насчитываютъ шесть звѣздъ); здѣсь иногда находится скопленное богатство. Въ аварской сказкѣ о медвѣжьемъ сынѣ одинъ изъ его товарищей имѣетъ мельницу на колѣнѣ.

Въ одномъ вариантѣ русской сказки вмѣсто мельницы домъ, въ которомъ живутъ двѣнадцать или двадцать четыре разбойника; они сидятъ на двѣнадцати креслахъ кругомъ бочки съ виномъ, картина, которую осетинское повѣрье видитъ въ созвѣздіи Плеяды. Сходный мотивъ въ сказкѣ у Афанасьева, № 71, вар. б: Иванъ-царевичъ обходитъ три подземныя царства: мѣдное, серебряное и золотое; у воротъ мѣднаго дворца на мѣдныхъ цѣпяхъ прикованы страшныя змѣи; подлѣ колодезь, у колодезя мѣдный корецъ на мѣдной цѣпочкѣ виситъ. Иванъ-царевичъ зачерпнулъ корцомъ воды и наполнилъ змѣй. Въ слѣдующемъ царствѣ серебряный дворецъ, змѣи прикованы серебряными цѣпями, подлѣ колодезь съ серебрянымъ корцомъ. Въ третьемъ царствѣ золотой дворецъ, змѣи на золотыхъ цѣпяхъ, корецъ золотой, на золотой цѣпочкѣ.

Кромѣ наблюденій надъ небесными явленіями и надъ явленіями въ жизни звѣрей и въ жизни людей вообще, въ сказкахъ можно еще отмѣтить отраженія изъ спеціальной области человѣческой жизни, отраженія шаманской обрядности. Въ богатырѣ, который поднимается на гору или опускается въ подземный міръ, можно видѣть звѣзду, поднимающуюся къ зениту или опускающуюся подъ горизонтъ, но также и шамана, поднимающагося на небо представлять за пострадавшаго предъ Ульгеномъ или Эсэгэ-малакомъ, царемъ неба, или спускающагося въ адъ представлять предъ Ерликомъ. Представленіе о богатырѣ, летающемъ на трости, едва ли можно объяснить иначе, какъ только отраженіемъ народнаго повѣрья о шаманскихъ жезлахъ или костыляхъ, что это кони, на которыхъ шаманъ летаетъ въ область темныхъ духовъ ¹⁾.

Г. Потанинъ.

¹⁾ Въ былинѣ (*Гильбердинъ* № 101 и 207) о Калинѣ-богатырѣ говорится „О костыль Калинушка опиралася, высоко Калинушка поднималася, поднялся тутъ Калинушка поповыше лѣсу стоячаго, поднялся тутъ Калинушка поповыше оболочка ходячаго“ (изд. 1896, стр. 218). Колосовъ (*Филологич. записки*, 1874, II, 17) сблизилъ эти стихи съ однимъ мѣстомъ Слова о полку Игоревѣ: „Той (т.-е. Всеславъ) влюками подпрѣся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеса стружіемъ злата стола Кіевскаго“. О шаманскихъ костыляхъ см. въ ост. мотивахъ, 716. У Худякова, II, № 43, стр. 20: Арикадъ-царе.